

УЗВ.2
49
7-87-А

ЎЗБЕКИСТОН RESPУБЛИКАСИ
ОЛИЙ ВА ЎРТА МАХСУС ТАЪЛИМ ВАЗИРЛИГИ

МИРЗО УЛУҒБЕК НОМИДАГИ
ЎЗБЕКИСТОН МИЛЛИЙ УНИВЕРСИТЕТИ

АЮБ ҒУЛОМОВНИНГ
ИЛМИЙ МЕРОСИ

Тошкент - 2005

УЗБ.2
49

F-87-A

~~O'zbek filologiyasi
fakulteti
O'QUV ZAL~~

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ
ОЛИЙ ВА ЎРТА МАХСУС ТАЪЛИМ ВАЗИРЛИГИ

МИРЗО УЛУҒБЕК НОМИДАГИ
ЎЗБЕКИСТОН МИЛЛИЙ УНИВЕРСИТЕТИ

АЮБ ҒУЛОМОВНИНГ
ИЛМИЙ МЕРОСИ
(1-китоб. Илмий мақолалар)

ALISHER NAVOIY NOMIDAGI
O'zbek filologiyasi
fakulteti
O'QUV ZAL
AXBOROTRESURSLAR MARKAZI

ТОШКЕНТ- 2005

Аннотация

Ўзбекистон Миллий университетети, ўзбек тилшунослиги кафедраси машҳур турколог, профессор Айюб Гуломовнинг илмий меросини тўплаш, китоб ҳолида нашр этишни режалаштирган.

Қўлингиздаги тўплам мана шу хайрли иш бўйича 1— китоб бўлиб, унга олимнинг 40—йиллардан бошлаб турли нашрларда эълон қилинган энг ноёб илмий мақолалари киритилган. Мақолалар билан кенг жамоатчилик, жумладан, аспирантлар, илмий ходимлар, ҳатто кўпгина тилшунослар — олимлар ҳам таниш эмас. Чунки, масалан, битта мақола 1953—йилда Москвада нашр этилган, академик В.А.Гордлевскийнинг 75—йиллиги муносабати билан тузилган тўпланда берилган бўлса, 2—мақола Фрунзе (ҳозирги Бишкек) шаҳрида, шундай муносабат билан тузилган тўпланда («Белек) нашр этилган (1946 й.) Берилган бошқа мақолалар ҳам бир мартагина махсус нашр этилган илмий тўпламларга киритилганлиги тўғрисида, уларни ҳозирги кунда, умуман, топиб бўлмайди.

Ушбу китобга киритилган мақолалар қайси тилда ёзилган бўлса, ўша ҳолда берилди. Кейинги нашрларда уларнинг таржимаси ҳақида ўйлаб кўрилади.

Китоб тилшунос олимлар, аспирантлар, магистрлар, тадқиқотчилар, талабалар, ўқитувчилар ҳамда тил билими билан қизиқувчи кенг жамоатчилик учун мўлжалланган.

Масъул муҳаррир: проф. Р.Сайфуллаева

Нашр учун масъуллар: проф. Ё.Тожиёв
доц. М.Наримонова

Такризчилар: проф. Ҳ.Неъматов
доц. М.Қодиров

Мундарижа

Аюб Гуломов – ўзбек тилшунослиги илмий мактабининг асосчиси.....	4
О суффиксе «-даш» в узбекском языке	10
К некоторым вопросам аффиксации в узбекском языке....	14
Словообразование путем внутренних изменений слова в узбекском языке.....	26
Ўзбек тилида – мон аффикси.....	36
Об аффиксе –лик в узбекском языке.....	40
О сопутствующих явлениях при аффиксации в узбекском языке	50

*Ё.Тожиев,
филология фанлари доктори, профессор.
М.Наримонова,
филология фанлари номзоди, доцент.*

АЮБ ҒУЛОМОВ – ЎЗБЕК ТИЛШУНОСЛИГИ ИМИЙ МАКТАБИНИНГ АСОСЧИСИ

1914 йилда Тошкент шаҳрида туғилиб, ўз педагогик фаолиятини 1931 йилда бошлаган Аюб Ғуломов жиддий илмий ишларини 1935–йилларда ёза бошлаган.

Аюб Ғуломов илмий–педагогик фаолиятининг асосий қисми САГУ–ТошДУ (ҳозирги ЎзМУ)нинг ўзбек тилшунослиги кафедрасида кечган. У 1946 йилдан бошлаб то умрининг охиригача (1986 йил май) шу кафедранинг мудури лавозимида ишлади. Аюб Ғуломов 1940 йилда «Ўзбек тилида аниқловчилар» мавзусида номзодлик диссертациясини ҳимоя қилган бўлса, 1957 йили «Ўзбек тили тарихий сўз ясалиши муаммолари» мавзусида докторлик диссертациясини ёқлади.

Олим 40 дан зиёд монография, дарслик ва қўлланмалар, рус ва ўзбек тилларида ёзилган 100 дан ортиқ жиддий илмий мақолаларини илмий мерос сифатида қолдирди. Аюб Ғуломов 30дан ортиқ илмий монография, дарслик ва қўлланмаларга масъул муҳаррир бўлди. Олимнинг бевосита илмий раҳбарлигида 30 дан ортиқ фан номзоди ва 15 га яқин фан докторлари етишиб чиқди.

Профессор Аюб Ғуломов фақат ўзбек тилшунослиги тараққиётига эмас, балки йирик турколог сифатида, умуман, туркология илмига ҳамда жаҳон тилшунослиги тараққиётига ўз хиссасини қўшди. У Е. Д. Поливанов, С. Е. Малов, В. А. Богородицкий, В. Радлов, В. М. Мелиоранский, Н. К. Дмитриев, О. Бётлинг, И. А. Батманов, М. Е. Массон, Н. В. Юшманов, Ф. Е. Корш, В. Банг, Ж. Дену, Н. А. Баскаков, А. Н. Кононов, Заянчковский, Рамстедт, Ряснен, Севорган каби дунёга машҳур олимлар билан илмий баҳсга киришади, улар илмий қарашларига ўз муносабатини билдириш билан бирга, ўз илмий ғояларини илгари суради, ўз фикрларини асослайди (Қаранг «О сопутствующих явлениях при

аффиксации в узбекском языке», 50 бетлик йирик илмий мақола).

Жумладан, Аюб Гуломов ўзбек тилидаги 1та ~~— даш~~ аффикси ҳақида ёзар экан, Т. М. Мелиоранский, К. Г. Залеман, Н. Остроумов, Банг ва Немет, А. Н. Кононов, Ж. Дену, Ах. Жафарўгли, А. Заянчковский каби олимлар қарашларидаги ноаниқликларни кўради ва уларга муносабат билдирарди, ўз қарашларини жиддий фактлар билан асослаб беради («Об аффиксе — даш в узбекском языке», Белек, С.Е. Малову. Фрунзе, 1946й.)

Кўринадики, Аюб Гуломов В. А. Гордлевский, Н. А. Баскаков, К.К. Юдахин, академик А.Н. Кононов каби олимлар билан бир сафда турган олим сифатида, тилшуносликда ўзига хос мактаб яратди, жуда синчиклаб ўрганилиши лозим бўлган илмий мерос қолдирди, ана шу меросни чуқур ўрганиш орқали ўзбек тилшунослигининг тараққиёти йўналишини доим тўғри изда олиб боришга интилувчи, бу қарашлар ва йўналишларнинг ҳақ эканлигини асослаб бера олувчи илмий кадрлар тайёрлади. Ана шу мактаб вакиллари Ўзбекистоннинг ҳамма вилоятларида, илмий марказларида, Олий ўқув юртлирида, Қирғизистон, Тожикистон, Қозоғистон, Озарбайжон, Туркманистон, Бошқирдистон, Грузия, Москва ва Петербург, Қозон каби республика ҳамда шаҳарларда фаолият кўрсатяпти ва ўзбек тилшунослиги ҳамда туркология тараққиётига ўз ҳиссаларини қўшяптилар.

Аюб Гуломов Тил илмининг барча соҳалари бўйича иштиёқ билан маърузалар ўқигани каби унинг ҳамма қирраларига оид илмий изланишлар олиб борди: фонетика, лексикология, морфемика, сўз ясалиши, синтаксис, морфология, нутқ маданияти, услубият, бадий асар тили, тил тарихи, диалекталогия, имло ва ўқитиш муаммолари, луғатчилик каби соҳаларда яратган ишлари фикримизни далиллайди.

Олимнинг илмий тадқиқотларида илгари сурилган фикрлари жиддий далилланганлиги билан ажралиб туради ва шунга кўра, бугунги кунгача ҳам, бундан кейин ҳам ўз қимматини йўқотмаслиги аниқдир. Чунки бу қарашлар ҳақиқатан ҳам узоқ ўйланган, атрофлича ўрганилган,

фактлар асосида ҳар томонлама асосланган илмий мушоҳадалардир.

Аюб Фулом ўзбек тили сўз структурасини ниҳоятда чуқур тадқиқ қилди: сўзнинг семантик, фонетик, морфологик, морфема ва сўз ясалиш структуралари ҳақидаги фикрлари; от ва феъл от ва сифат, сифат ва феъл муносабатлари ҳақидаги қарашлари (кўр-феъл; кўр-от, кўр-сифат; иссиқ, совуқ-сифат; иссиқ, совуқ-от; тап-тақлид сўз; тепа-феъл, бут-феъл, бут-от; чат-феъл, чот-от; қуймоқ-феъл, қуймоқ-от; ич-феъл, ич-от; таш-феъл, таш-от; аччиқ-сифат, аччиқ, аччиқ от; чуқур-сифат, чуқур-от); луғавий бирликлар ҳамда эргаш морфемалар полифункционаллиги ҳақидаги жиддий тадқиқотлари том маънода ўзбек тилшунослигида, туркологияда морфемика, морфонология соҳаларининг ажратилишига замин бўлди, сўз ясалиш тизимининг алоҳида сатҳ сифатида шаклланишини таъминлади. Аюб Фулом ўзбек тилшунослигида ана шу соҳаларнинг асосчисидир.

Унинг морфемика соҳасидаги, сўз тузилиши бўйича билдирган, йўналиш характеридаги фикрлари кўплаб жиддий илмий тадқиқотларнинг юзага келишига туртки бўлди.

Ўзбек тилшунослигида сўз ясалиши ҳамда эргаш морфемалар бўйича қилинган кейинчи ишлар (қўшма аффикслар тадқиқи, эргаш морфемаларнинг шакл ва маъно муносабатларига кўра гуруҳланиши аффикслар оранжеровкаси ҳақидаги тадқиқотлар ва, ниҳоят, эргаш морфемалар стилистикаси бўйича қилинган барча жиддий ишлар устоз Аюб Фуломов фикрларининг негизида юзага келди. Шу кунга қадар ҳеч бир олим Аюб Фуломов каби халқ тили, халқ оғзаки ижоди, шевалар ва адабий тил муносабатларини чуқур тадқиқ қилган эмас. Адабий тил барча сатҳлари тизимининг шаклланиш қонуниятлари устозники даражасида кенг кўламда асослаб берилмаган десак, муболаға бўлмайди.

Бироқ олимнинг илмий мероси шу кунга қадар жиддий ўрганилмади. Бунга асосий сабаб бу илмий ишлар нашрларининг ниҳоятда ноёблиги билан боғлиқ масаладир. Аюб Фуломовнинг 40—50—йилларда ва ундан кейинроқ нашр этилган соф илмий характердаги мақолалари ва

монографиялари: «Ўзбек тилида аниқловчилар» (1940), «Ўзбек тилида кўплик категорияси» (1944), «Ўзбек тилида ургу» (1947), «Феъл» (1954), «Содда гап» (1948); «Ўзбек тилида — ла аффикси», «Ўзбек тилида — мон аффикси» «Ўзбек тилида — дош» аффикси», «Словообразование путём внутренних изменений слова», «Некоторые аспекты аффиксации в узбекском языке», «Об аффиксе —лак в узбекском языке» каби ўнлаб мақолаларини кўпчиликнинг ўқиб — танишмаганлиги, албатта, ачинарли ҳол бўлиб, бу нарса кейинги пайтларда тилшунослик илмида маълум даражада бир ёқлама қарашларнинг шаклланиб қолиши учун ҳам туртки бўлгандек туюлади. Ҳозирги кунда мана шу кемтикни йўқотиш учун жиддий шароит яратилди. Кенг жамоатчиликни Аюб Ғуломов илмий меросидан тўла баҳраманд қилиш каби эзгу ишни амалга ошириш зарурий ҳолга айланди. Жамоатчилик ана шу заруратни ҳис этди. Ўзбекистон Миллий университети раҳбарияти бунга алоҳида эътибор қаратаётган ўзбек тилшунослиги кафедраси фаолиятини қўлаб — қувватламоқда.

Шуни қувонч билан айтиш мумкинки, Аюб Ғуломовнинг докторлик диссертацияси сўз ясалиши ва этимологик таҳлил нуқтаи назаридан умумтуркологик қийматга эга бўлиб, бунини йирик туркологлар тан олган, юқори баҳолаган. А.А. Зайончковский бу ишни тўлиқ ҳолда нашр этиш лозимлигини 50 — йиллардаёқ жиддий таъкидлаган эди. Афсуски, бу ишдан жуда кўп тилшунослар баҳраманд бўлолмай келди. Уни алоҳида китоб ҳолида нашр этиш ниҳоятда долзарб ва муҳимдир.

Турколог, йирик тилшунос Аюб Ғуломов тил бирликлари имкониятларини очиб бериш каби, тилшуносликнинг бош муаммосини тадқиқ этишдек машаққатли йўлни танлади. У ўзбек адабий тили фонетик тизими шаклланишини умумхалқ ўзбек тили фонетик тизими билан қиёслаш асосида чуқур асослаб берди. Фонемаларнинг тилда имконият сифатида мавжуд бўлиши, уларнинг нутқда ўз намоён бўлиш қонуниятларига эга бўлишини шу кунга қадар ҳеч бир олим Аюб Ғуломов даражасида кўрсатиб берган эмас. Тилнинг сўз ясалиши тизимида, фонетик усулнинг ўзига хос асосий жиҳатлари ўзбек тили материаллари асосида таҳлил қилинар

экан, унинг дунё тилшунослигидаги ўрни белгилаб берилади. Янги сўзларнинг ички ўзгаришлар асосида юзага келиши масаласи дунё тилшунослигида олим томонидан илк бор чуқур тадқиқ этилган. Бу нарса, биринчидан, ўзбек тили фонетик тизимининг барча мураккаб жиҳатларини кўрсатиб берса, иккинчидан, фонетик имкониятларнинг чексизлигини намоён қилади, учинчидан эса, туркий тилларда ҳам аслида флексиянинг ўзига хос кўринишлари мавжуд бўлганлигини асослашга хизмат қилади.

Аюб Фуломов тил бириклари имкониятларини тадқиқ этишдек мураккаб талқин усулини танлаган экан, у ўзбек тилидаги ҳар бири алоҳида олинган аффиксни ана шу нуқтаи назардан чуқур ўрганишнинг илк намуналарини илмий фаолиятининг дастлабки йилларидаёқ кўрсатиб берди. Унинг -ла, -лик, -мон, -лар, -дош каби кўлаб аффикслар бўйича олиб борилган тадқиқотлари ана шундай изланишлар натижаси эди. Олимнинг морфемика, морфонология, синтаксис соҳаларидаги ишлари ҳам ўзининг миллий салмоғи билан ажралиб туради. Устознинг илмий ишлари XX аср ўрталарида бетакрор мушоҳада, изланишлар самараси сифатида йирик туркологлар томонидан тан олинганлиги ҳаммага маълум. Аюб Фуломов ана шу илмий мерос билан XXI аср тилшунослигига ҳам ўз ҳиссасини қўшиб замин тайёрлаган. «Улуғ олим ва муаллим, камтарин инсон, филология фанлари доктори, профессор Аюб Фуломнинг номи жаҳон туркийшунослиги ва, хусусан, ўзбек тилшунослиги саҳифасига олтин ҳарфлар билан ёзилган», — деб қайд этган академик О.Азизов каби олимлар тўла ҳақли эдилар.

Аюб Фуломов, ҳақиқатан ҳам, жиддий ўзбек тилшунослигининг пойдеворини яратди. Ўзбекистонда йирик тилшунослик мактабини барпо этди. Республикамиздаги қатор олий ўқув юртлирида, нуфузли илмий текшириш институтлари ва бошқа илмий марказларида, ана шу мактаб вакиллари, олимнинг шогирдлари ўзбек тилшунослигининг сардорлари сифатида ижод қилмоқдалар. Бетакорор олим ва педагог профессор Аюб Фуломовнинг жонли, чуқур талқинли маърузаларини тинглаган, илмий тўплам ва нуфузли журналларда нашр этилган илмий ишларнинг

аудиторияларда бевосита устознинг ўзи талқинида, баён қилинганлигининг гувоҳи бўлган ва устоз билан ишлаш насиб этган шогирдлари ҳаёт. Улар Аюб Фуломов илмий қарашларини изчил давом эттирмоқда.

Аюб Фуломовнинг тилшуносликнинг барча сатҳларига оид, далилларга бой, чуқур, илмий асосланган хулосалар билан тўла бўлган илмий мероси, юқорида айтганимиздек, турли илмий тўшамлар, нуфузли журналларда чоп этилган ёки ниҳоятда кам нусхада чиқарилганлиги сабабли, ҳозирги кунда уларни, ҳатто, марказий кутубхоналардан ҳам топиш осон эмас. Олимнинг илмий меросини нашр қилиш илм аҳли, ижодига тилшунослар, қатор олий ўқув юртларида тилшунос бўлиш, яхши филолог бўлиш ниятида таҳсил олаётган талабалар, аспирантлар, тадқиқотчилар учун катта совға бўлади. Чунки тилшуносликда қўйилган маълум муаммони, изланишни устоз Аюб Фуломов асарларини кўрмасдан, ўқимасдан, чуқур идрок этмасдан туриб жиддий илмий иш қилиш қийин. Бунинг асосий сабаби шундаки, Олим ўзбек тилшунослигининг барча сатҳларида мавзуга йирик турколог сифатида ёндошиб ижод қилган, ўз тилшунослик мактаби аъзоларидан, шогирдларидан ҳам, аввало, тилшуносликнинг ҳамма сатҳларини чуқур билишни, ҳамма соҳасида бир хилда илмий тадқиқотлар олиб боришни талаб қилган бўлсалар, иккинчидан, сатҳлараро жиддий алоқа борлигини, тилнинг яхлит тизим система эканлигини, бу тизимнинг бошқа тизимлар силсиласидан ташкил тоишини, ҳодисага синхрон ва диахрон аспектларда ёндоишини, тил ва нутқ алоҳидалиги ҳамда боғлиқлиги нуқтаи назардан, тилнинг имконият, нутқнинг эса воқеланиш эканлигини идроқ этиб иш тутишни талаб қилган. Аюб Фуломов асос солган тилшунослик мактаби ана шу талаб негизида шаклланган. Шунга кўра, бу мактаб аъзолари ХХI аср тилшуносларини ҳам Аюб Фуломов илмий меросини чуқур ўрганган ҳолда тилшунослик тараққиётига ўз ҳиссаларини қўшишларини жуда истайдилар.

Устоз олим илмий меросининг нашр қилиниши чет мамлакатлар, туркий халқлар тилшунослари томонидан ҳам хайрли ва эҳтиёждаги иш сифатида қабул қилинади, деб ўйлаймиз.

О СУФФИКСЕ «-ДАШ» В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Суффикс — «даш», употребляющийся, в зависимости от фонетических условий, в тюркских языках в формах — «даш, таш, наш, лаш, дас, дес, даш, тас, тес, лас, лес», является одним из малоупотребительных пассивных суффиксов. Этот суффикс, хотя известен с древних времен развития тюркских языков (1), но тогда тоже, как нўне, круг употребления его был ограничен, на что в свое время обратил внимание и П. М. Мелиоранский (см. Араб филолог о тур. яз. LXXIX);

Этот суффикс в одних тюркских языках имеет два варианта («твердый» и «мягкий» варианты), в других второго варианта нет (т. е. он не подчиняется закону гармонии гласных).

Суффикс «даш» в современном узбекском литературном языке имеет только «твердую» форму, но в отдельных узбекских говорах имеется и «мягкая» форма (напр. сирдош).

Употребление этого суффикса в живом узбекском языке сопровождается интересным фонетическим явлением, кажется, не отмеченным для других тюркских языков; речь идет о способности начального звонкого суффикса «д» регрессивно влиять на конечный глухой основы, озвончая его (сафдаш>сабдаш, мактаб>мактап>мактабдаш, ёстикдаш>ёстигдаш). Это явление объясняется тем, что: 1) слов с суффиксом «даш» в узбекском языке очень мало, они, в основном, являются словами, оканчивающимися на сонорные и звонкие согласные, а слова типа сафдаш усвоены через письменный язык, поэтому, в произношении сохраняется единая форма; 2) в словах типа естикдаш, эмчакдаш конец слова независимо от «даш», произносится звонко.

В узбекском языке иногда в качестве семантического эквивалента «даш» употребляется персидский *хам*: *хамтавон*, *хам-шаһар*, *хамсуһбат*, *хамбазм* (*шоһ* *хамбазми болиб*, *хожасаролар бирла ёр* (Турди). *хам* в узбекском языке не имеет словообразующих функций, и встречается только в отдельных словах; по этому такие образования, как «*хамавтор*» («соавтор») весьма искусственны (см. титульную страницу поэмы поэта Пулкана, Комсомолка Ойтути, Ташкент, 1938).

Эта заметка, в основном, посвящена выяснению вопроса о составе «даш».

К. Г. Залеман этот суффикс считает, состоящим из: «да», (показатель местного падежа) и «ш» (сокращенная-суффиговая форма слова «эш» друг (см. Известия Академии наук, 1898. т. IX, № 2). В своей «Этимологии» это же мнение повторяет и Н. Остроумов: «даш» (показатель местного падежа)+ суффикс «ш» (обозначающий совместность, см. Этимология сартовского языка. Ташкент 1910, стр. 49). К этому же выводу пришли Банг и Немет (см. А. Н. Кононов, Грамматика турецкого языка. М-Л, 1941, стр. 64. В этой работе дан свод мнений по интересующему нас вопросу). Ж. Дени указывает, что этот суффикс происходит от слова *adaş* (тезка, товарищ) (2). А. Н. Кононов в названной работе более вероятным считает мнение К. Г. Залемана (стр. 64), вместе с этим он сообщает и о наличии двух этимологии (А. Заянчковского и Ах. Джафероглу), не приводя их точек зрения.

Так как мнение Д. Заянчковского и Ах. Джафероглу нам неизвестно (из-за отсутствия их работ в Ташкенте), что мы о них, естественно, не можем говорить.

Не занимаясь здесь критикой вышеуказанных мнений, нам хочется высказать свое предположение по вопросу о составе суффикса «даш».

Этот суффикс, по нашему мнению, возник в результате соединения двух морфем (ср. у К. Г. Залемана: «да+ш»), первый из них словообразующий элемент глагола, второй — именной словообразующий элемент. При этом надо иметь в виду следующее:

1. Элемент «ла», который с древних пор употребляется как активный словообразующий суффикс глагола, в отдельных случаях имеет и форму «да, дэ» (вспомним, что «даш» тоже имеет вариант «лаш»), «ундэ» — вать, подать голос (ун), «*isla*»-«*isdэ*» (см. П. М. Мелиоранский. Араб филолог о тур. яз. XXXI—XXXII), нынешнее узбекское слово «кимирламок» у Навои в форме «кимирдамок» — диссимилиация после сонорных (см. Алишер Навои. Суждение о двух языках. Ташкент 1940, стр. 19), в узбекском языке «тарсилла», а в Не которых других тюркских языках — «тарсылда» и т. п.. Когда к этому глаголу присоединяется суффикс «ш», получается форма: «имя+да+ш» (ён+да+ш). Эта форма употребляется и как взаимный залог глагола, и как прилагательное-существительное.

2. В узбекском языке части речи формально слабо дифференцированы. Это явление особенно ярко видно в именных и глагольных корнях: одно слово без формальных изменений употреб-

ляется и для обозначения самого предмета (имя) и для выражения действия (глагол), связанного с этим предметом. Следы этой недифференцированности встречаются и поныне: кари 1. старый, старик, 2. стареть и др. Эта недифференцированность, двусторонность встречается и в словах, образуемых из этих корней, напр. уриш 1. война (ныне как имя существительное согласно губной гармонии пишется; в форме «уруш»), 2. драться.

3. Эта недифференцированность существует и в суффиксах: большинство суффиксов залога, а также самых глаголообразующих суффиксов является и словообразующими суффиксами существительных-прилагательных: яса+л (1. им. сущ.—строй, страдательный залог глагола «ясэ») «туга+л» (1. им. прилагательн.—полный, законченный 2. глагол, который ныне отдельно не употребляется), кури+т (1. сушеный творог, 2. —сушить «ёнда+ш» (1.—стоящий рядом, 2.—встать рядом) и т. п. (3).

4. Элемент «ш», как словообразующий суффикс, известен древнейших времен. Махмуд Кашгарский этот суффикс показывает как в качестве элемента, образующего имена существительные — прилагательные (напр. уруш, таныш, билиш, см «Диван», г. I. стр. 12), так и взаимного залога глагола (т. I стр. 20). Этот элемент в обоих случаях выражает идею «совместности». Значит элемент «ш», присоединяющийся к глаголу, в соединении с корнями, образованными суффиксом «ла» (ла) образовал форму «даш» (да+ш—даш).

5. Слова, образованные с помощью суффикса «ш» и суффикса «даш», в функции управляющего требуют одинаковую форму—форму, выражающую «совместность»; «мен блан (менга) таниш» он со мной знаком, он мне знаком. Это тоже говорит о том, что во всех вышеуказанных случаях «совместность» выражена суффиксом «ш», а «да» является другим элементом.

6. Порядок соединения элементов «да» и «ш» обычный, нормальный («чистый» глагольный суффикс+залоговой суффикс—глагольный суффикс +именной суффикс). Если элемент «да» считать окончанием местного падежа, тогда появляется обратный порядок, нарушающий обычную норму (словоизменяющий элемент — словообразующий элемент, что встречается только в образовании относительных прилагательных с суффиксом «ш»).

7. Суффикс «ш» образует слова только от глаголов: «тукнаш, таниш, туташ, чалкаш, йараш» (см. W. Radloff. Ujgurische

Sprachsdenkmalen. Ленинград, . 1928. последняя часть – «Словарь»), «билиш» и. т. п.

8. От элемента «ла» образовался глагольный суффикс «а» При образовании суффиксом «ш» первый дает «даш», а второй «аш». Напр, ойнаш (показатель местного падежа не имеет варианта -а). Значит, в слове *adas* (4) нет суффикса «даш», а есть суффикс «аш» (а+ш).

Аналогичную картину (проявление неделимых суффиксов) можно встретить и в других залогах глагола (жонлан, отлан, шодлан, одатлан и т. п.).

9. Ныне в узбекском языке часто встречается такая дифференциация: слова, образованные суффиксом «лаш», употребляется как глагол взаимного залога (напр. *куллаш*: у коппи *кул-лашди.*), а слова, образованные суффиксом «даш», употребляются как прилагательные-существительные (напр, *кулдаш, ундаш товуш*) и т.д.

Откуда произошли самые эти суффиксы («да» и «ш»)это – отдельная тема.

1. Махмуд Кашгарский в вводной части своего «Дивана» не говорит об этом суффиксе но в самом «Диване» встречаются слова с «даш» (напр. см. . I, стр. 50).

2. Было высказано предположение о монгольском происхождении этого слова (адаши – адаш). Автор этого мнения считает что «с турецким ат «имя» адаш невидимому, вообще ничего общего не имеет» (ДАН–В 1925, стр. 19). Это мнение, нам кажется, вносит только путаницу: зачем искать этимологию этого слова в монгольском языке, когда все его морфологические части имеются и отдельно существуют в самих тюркских языках, а также они родственны и по семантике?

3. В современном языке: курт (им. сущ.)–курит (глагол) но первоначально оба слова были в одной форме (кури+т), ср. у Навои (XV в.) курут - им. сущ. (см. «Сужд. о двух языках», стр. 25), у поэта Мукими (XIX в.) бакколи дузди бадбурут, бир танга сотган бир курут.

4. Это слово в современном узбекском языке, кроме «одноименный» имеет значение «друг, товарищ» (расширение первоначального значения).

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ АФФИКСАЦИИ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Историческое изучение фактов языка очень много полезного дает для науки. Устойчивость основного словарного фонда и длительный процесс его развития придают громадное значение фактам языка как языковых явлений не может изучать их без детального исследования истории данного народа. Вспомним слова академика С.П.Обнорского: «В изучении истории русского языка А.Шахматов с годами все более и более становился историком русского народа».

Изучение явлений в процессе их исторического развития – подлинно марксистский диалектический метод научного исследования. О методологии изучения языковых явлений Ф.Энгельс писал: «Но ведь материя и форма родного языка» становятся понятным лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие...»¹ Исключительно важное значение имеет указание В.И.Ленина о том, как вообще изучать явления: «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь».² Разумеется, что подлинный историзм в изучении фактов языка – основное свойство советской науки.

Выяснение внутренних законов развития узбекского языка в области словообразования – одна из основных проблем изучения узбекского языка, так как главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка...»³ Эта актуальная задача⁴ в узбекском языкознании специально еще не ставилась.

История узбекского языка находится в начальной стадии своего изучения. Как правильно указывает А.К.Боровков, история узбекского языка – дисциплина новая. Эту дисциплину вызвал к жизни интерес к культуре возрожденного после Великой Октябрьской

¹ Ф.Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1951. стр. 303

² В.И.Ленин. Соч., т.29. стр. 436.

³ И.Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952. стр.30.

⁴ «Один из таких основных отделов грамматики являются, по-моему, правила словообразования, т.е. вопрос в том, как можно делать новые слова» (Л.В.Щерба. Очередные проблемы языковедения. «Изв. АН СССР». Отдел. лит-ры и языка. т.IV. вып. 5. 1945. стр. 173).

социалистической революции узбекского народа.¹ Надо сказать, что узбекский язык только благодаря Октябрьской революции получил права гражданства: он стал общегосударственным языком узбекской социалистической нации, воссоединенной в едином советском социалистическом государстве. Его всестороннее научное изучение тоже стало возможным только благодаря Октябрьской революции.

Изучение вопросов словообразования, как известно, тесно связано с изучением диалектов. Материалы узбекских говоров дают много полезного в разрешении некоторых еще неясных вопросов словообразования в узбекском языке.

По вопросу словообразования в узбекском языке существуют две специальные работы: «Словообразование глагола в узбекском языке», Улуга Турсуна (Ташкент – Самарканд, 1931) и «Словообразующие суффиксы имен существительных в узбекском литературном языке» Закира Магруфова (Ташкент, 1941). Работы на эту тему польского тюрколога А.Зайончковского и турецкого языковеда Бесима Аталая, а также Ахмеда Джевала не являются образцами полноценного научного исследования. В них нет настоящего научного историзма, подлинных, разносторонних научных изысканий.

Под термином «словообразование» обычно подразумевается понятие аффиксации, несмотря на то, что в языках мира существует много способов образования новых слов. Это объясняется активностью, большим масштабом распространения данного способа в современных языках земного шара. Но образование одного слова от другого, как известно, может быть осуществлено разными способами. Где появляется новая лексическая единица, образованная от старой, уже существующей, там, независимо от формы данного процесса, мы имеем явление словообразования. Разумеется, что для словообразования вообще необязательно формальное изменение. Иногда можно получить новое слово в результате изменения только его значения. Еще А.А.Потебня заметил по этому поводу: «Малейшее изменение в значении слова делает его другим словом».² Разнообразие способов словообразования можно иллюстрировать перечислением более или менее общепризнанных видов:

¹ А.К.Боровков. Ценный источник для истории узбекского языка. «Изв. АН СССР», Отд. лит-ры и языка, т.VIII, вып.1, 1949, стр. 67.

² А.Потебня. Из записки по русской грамматике, т.1-II, изд. 3.Харьков, 1888, стр.4.

1. Морфологический способ (аффиксация) со всеми его разновидностями. Словообразование «морфологическим будет во всех тех случаях, когда словопроизводящий элемент не отождествляется с каким-нибудь словом, обозначающим самостоятельный предмет мысли».¹

2. Синтаксический способ, или образование сложных слов. Сложные слова образуются в результате аморфного соединения слов, сочетания слов при помощи соединительных звуков и др. Аббревиатура является частным видом сложного слова. Под сложным словом понимаются обычно и парные слова. Но они своими некоторыми особенностями резко отличаются от обычных сложных слов (компоненты парного слова сочетаются по принципу равенства, они являются грамматическими копиями друг друга, каждой из них имеет свое ударение и т.п.).

Мы не будем останавливаться на вопросе о границе словосочетания и сложного слова: эта общезыковедческая проблема выходит за пределы нашей темы. Здесь мы ограничимся упоминанием слов академика Л.В.Щербы: «... любая синтаксическая группа может оказаться сложным словом, которое должно отличаться от группы лишь тем, что оно значит больше, чем сумма значений образующих его слов. Таким образом словосочетания вроде: железная дорога, общая тетрадь, зубная паста, красное кино (где со словом красный связывается целый ряд качеств вина) и т.д. следует считать сложными словами... Что даже такое словосочетание, как чай пить, начинает ощущаться сложным словом, явствует из такого очень распространенного новообразования, как «мы уже почайпили» и т.п.».²

3. лексический способ – переход одной части речи в другую. Он имеет, естественно, несколько видов; субстантивация, адъективация, адвербиализация и другие, имеющие, в свою очередь, разные ступени развития, например: переход лишь по силе контекста, полный переход (лексический переход). В тех языках, где некоторые части речи дифференцированы слабо, эти ступени развития формально аналогичны например, узбекские слова *иссик* и *совук* в изолированном виде одинаково обозначают и имя существительное – имя прилагательное (они формально одинаковы): *иссик*: 1) жара, 2)

¹ Л.В.Щерба. Очередные проблемы языковедения. «Изв. АН СССР». Отдлит-ры и языка. т.IV. вып. 5. 1945, стр. стр. 181.

² Л.В.Щерба. Очередные проблемы языкознания, стр. 182.

жаркий; совук; 1) холод, 2) холодный. Их конкретизирует в каждом отдельном случае только контекст.

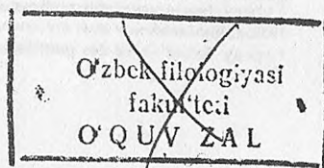
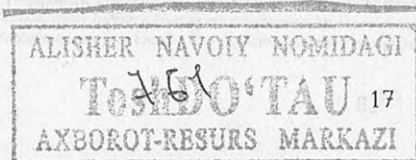
4. Семантический способ – употребление слов в новом значении, без формальных изменений. Как известно, такое образование связано с проблемами полисемантической и омонимии.

5. Фонетический способ – образование новых слов при помощи средств фонетики. Здесь имеется в виду образование слов посредством изменения места ударения.

Перечисленные способы образования новых слов возникли, разумеется, в разные периоды развития языка, так как язык является результатом длительного развития.

В каждом языке существует одновременно несколько способов образования слов. Другой вопрос – происхождение, постепенное развитие этих способов. С генетической стороны трудно говорить определенно о первенстве какого-нибудь одного из этих способов, но все же более древними следует считать способы семантический, фонетический, а также редупликация и, сравнительно более позднего происхождения, аффиксацию, словосложение и лексический способ словообразования. Если положение о происхождении аффиксов из отдельных слов можно считать вполне доказанным, тогда отсюда вытекает и следующий логический вывод: аффиксация – результат процессов развития словосложения. Все эти вопросы генетического характера требуют специальных исследований в общелингвистическом плане. Ход развития способов словообразования показывает, что все способы исторически связаны друг с другом, но разновременные с точки зрения последовательности развития, а также по своей продуктивности и роли на отдельных этапах развития. Для процессов словообразования характерно вытеснение или ослабление одного способа другим, новым способом, параллельное употребление двух способов и т.д. Как отмечает В.В.Виноградов, способы образования новых слов исторически изменчивы. В них обнаруживаются внутренние законы развития языка, которым они и подчинены. В качестве примера изменения в области словообразования можно указать на способы словообразования и степень их активности в староузбекском языке и в современном узбекском языке.

Мы указывали, что по вопросу словообразования в узбекском языке существуют две специальные работы. Во вводной части обеих

работ утверждается, что в узбекском языке новые слова образуются двумя способами — путем аффиксации и путем словосложения.

В настоящей статье мы попытаемся охарактеризовать способ образования слов путем аффиксации и в общих чертах показать наиболее характерные черты данного способа.

Словообразование путем аффиксации в современном узбекском языке является весьма продуктивным. Языковые памятники показывают, что этот способ господствовал и в староузбекском языке, но в современном языке он значительно активизировался. Расширилась функция многих словообразующих аффиксов (ср. новые образования при помощи именного словообразующего аффикса -чи: тепловозчи «машинист тепловоза, динамочи «динамовец», парашютчи парашютист, юзцентнерчи стоцентнеровик (стахановец, выращивающий урожай в сто центнеров хлопка с гектара и выше), бетончи «бетонщик» и т. п.).

Как известно, в узбекском языке широко распространена суффиксация. На вопрос же, существует ли в узбекском языке префиксация, -мы склонны ответить отрицательно. В некоторых словах, конечно, имеются заимствованные префиксы. Почему, например, нельзя видеть префиксацию в таких словах, как обер- [сокращенная форма сложного глагола олиб бер — взять (что-либо для кого-либо)], шул (из ш+ул этот, эта, это), копкора (из коп+кора очень черный), как считают некоторые исследователи. Так, проф. А. П. Поцелуевский¹ и П. А. Азимов² в результате исследования материалов туркменского языка пришли к выводу, утверждающему наличие префиксации в туркменском языке: акит — уносить < алып кит — (а — префикс), акел — приносить < алып кел — (а — префикс), шол этот, эта это < ш+ол (ш-префикс). Ж. Дени, отрицавший прежде префиксы в турецком языке, позже утверждает о наличии префиксации.³ Он говорит, что «неоспоримо существуют черты или, скорее, зачатки префиксации в турецком языке. В древности существовало некоторое количество префиксов, потом они исчезли или стали неощутимыми».⁴ В чем видит Ж. Дени префиксацию? Вот его примеры: кар-кара очень черный, s-ol тот, та, то, bos голова, bas muharrir главный редактор и т. п. То же мнение повторяет Ахмед

¹ А. П. Поцелуевский. Происхождение личных и указательных местоимений. Ашхабад. 1947.

² П. А. Азимов. Префиксация в туркменском языке. Ашхабад. 1947.

³ J. Dénys. Existe-t-il des préfixes en ture? "Bulletin de la société de linguistique de Paris" t. 39, 1938, cah. 51 — 65.

⁴ J. Dénys. Existe-t-il des préfixes en ture? стр. 62.

Джевад Эмре: «Турецкий язык имеет префиксы, это неотрицаемая истина. Эти префиксы s (йиглади-сиктади он заплакал), б (эгри-бугри кривой), q (ол- взять, кўл рука), l (ёрик-чорик – растресканный), t (ол – взять, тала – грабить). Проф. Н.К. Дмитриев, отрицательно относившийся к такому утверждению, для некоторых из указанных слов придерживается иного мнения; так, в местоимениях бул, шул он видит исторически два слова: бу+ул> бул, шу+ул>шул.¹

Теперь изложим причины нашего отрицательного отношения к этому положению. Во-первых, конструкция типа коп-кора не имеет префикса, так как коп – не префикс, а повторение начальной части корня; поэтому каждый отдельный случай имеет свою форму повторяемого элемента, который не может присоединиться к другим корням;² по словам проф. Н.К.Дмитриева, этот элемент есть индивидуальный показатель. Первый элемент этой конструкции не имеет свойств аффикса.³ Во-вторых, звуки п, м, с – не аффиксы, а вставляемые элементы не только при повторении начальной части имен прилагательных, но и в начале второго компонента парноповторных слов. Здесь есть какая то общность, согласованность. В корнях, начинающихся согласными, эти звуки не вставляются в корень, а лишь заменяют указанный согласный. В-третьих, такие сокращенные сложные глаголы, как опкел – принести, опчик – выносить, копкетди – остался, бўпколди – дело приблизилось к завершению», представляют собой не сочетания слова с префиксом, а обычное словосложение с фонетической деформацией и сокращением первого компонента, так как обычно в односложных глаголах, оканчивающихся на л, последний звук выпадает; ср., например (ташкентский говор): опти (-олипти) – он взял; оп (-олиб) – взяв; коп – (колиб) = оставшись и т.д.⁴ В сложных глаголах, как это нетрудно заметить, сокращается именно глагол (оканчивающийся на л). Нельзя такие считать префиксом самостоятельное слово бош – голова в таких сочетаниях, как бош мухаррир – главный редактор.⁵

¹ Н.К.Дмитриев. Об указательных местоимениях в башкирском языке. Труды Моск. ин-та востоковедения, вып. 4. М., 1947, стр. 70-74.

² Я встретил в узбекском языке только один случай, противоречащий этому утверждению: яп-ялангоч/кип ялангоч «совсем голый» (ср. кип-кизил) очень красивый».

³ См. Н.К.Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М., 1948, стр. 45.

⁴ Ср. еще кип (-килиб- сделал) уринглар (из народ. поэмы «Маткарим полвои», сказ. – Фазыл Юлдаш).

⁵ Ж.Дени сам чувствует, что тут он смешивает аффиксацию со словосложением, поэтому он добавляет: «По правде говоря, эти комплексы являются промежуточными между производными, образованными путем префиксации, и сложными словами (J.Deny. Existe – il des prefixes en ture? стр.61) Фонетические изменения в состав данного комплекса (чередование звуков, изменение слогоделения) он считает признаками превращения данного комплекса в производное слово. Следует заметить, что такие изменения – обычное явление в сложных словах. Это не может служить критерием «превращения».

Было высказано предположение и о существовании инфиксов.¹

Из вышеизложенного выходит, что основа в узбекском языке имеет единый структурный тип: корень+суффикс; другие типы связаны с заимствованными элементами (префикс+корень, префикс+корень+суффикс).

Прежде чем говорить о типах словообразующих аффиксов, скажем несколько слов об их фонетическом оформлении. Очень распространенный тип словообразующих аффиксов — однофонемные, двухфонемные и трехфонемные аффиксы. Остальные типы аффиксов, как правило, являются комбинированными, сложными — морфологически или этимологически (среди двухфонемных и трехфонемных аффиксов тоже немало сложных морфем). Однофонемные аффиксы сравнительно редко встречаются, они могут быть либо из одного гласного (присоединяются к корню после согласных), либо одного согласного (их очень мало, они употребляются после гласных и определенных согласных). например: куя — сажа, (куй — гореть), бойи — обогащаться (бой — богатый, багач).

Аффиксы ограничены в звуковом отношении: отдельные гласные и согласные вообще не употребляются в аффиксах или не могут стоять в начале его; невозможно в них скопление согласных и т.п. Почти все аффиксы ударны.

В результате фонетических изменений одного и того же аффикса могут появляться новые аффиксы с новым значением. Например: аффикс глагольного образования —ка дал аффикс —а: исчезновение звука ғ, к, қ, г в начале аффикса — очень распространенное явление: тиркамок — прицеплять и тирамок — подпирать, упирать; таким же путем образовался аффикс —ок в слове кочок — беглец (из кочкок — беглец), кочкин — беглец и кочкон — бежавший. Семантическая и формальная близость этих аффиксов дает основание предполагать, что современные аффиксы —кон (аффикс причастия) и —кин (словообразующий аффикс имен существительных и имен прилагательных) появились в результате раздвоения единого аффикса. Это еще виднее в эволюции аффикса деепричастия —ганча в узбекском языке. Этот аффикс в современном языке имеет формы: —ганча и —гунча. Теперь они семантически стали различными, хотя в языке фольклорных произведений и писателей старых эпох мы

¹ Ахмед Джевад Эмре (ук.соч., стр. 49-50) словообразующий аффикс глагола —ла считает образованным от другого словообразующего аффикса —а — при помощи инфикса л. Это предположение даже не нуждается в научной критике.

находим немало примеров, где обе функции выполняет аффикс – ганча. Этот путь фонетической и семантической дифференциации играл известную роль в развитии аффиксов. Ср. такие примеры: кизгончик ревнивый, скупой и кизгончок – ревнивый; ўйинчик – игрушка и ўйинчок – игривый,¹ хайкирик – крик и хайкирок крикливый, горластый; кўргузди² и кўргазди – значение обоих слов: (он) показал; ёпушти³ и ёпишти – значение обоих слов: (он) прилип; тегурмак,⁴ тегдирмок, тегизмок – значение их почти одинаково: заставлять или позволять касаться; алдокчи – обманщик и алдовчи – обманщик; Саргаймок «желтеть» и Саргармок (то же в староузбекском языке); бижғимок – кишеть, вонять и бижимок в том же значении и др.

При аффиксации иногда изменяется и корень (мы тут имеем в виду обычное изменение: чередование звуков, потерю звуков и т.п.). Это явление, которое, правда, встречается редко, показывает несоответствие языковых фактов с утверждением о неизменяемости корня в тюркских языках.⁵ Такие изменения встречаются и в старых памятниках. Бывают даже такие случаи, что в результате фонетического изменения трудно определить корень, например: мунчок – буси, ожерелье – в хорезмских говорах: минжиқ (от слова бўйин//мўйин – шея), в языке фольклорных произведений (например, у народного сказителя Фазыла Юлдаша): урлап – воровав < ўғирлаб, ул < ўғил – сын и т.п. При изменении корня встречается немало непоследовательностей: в одинаковых фонетических условиях – разные фонетические явления, например: от глагола ёрмок – рубить – ёриш (имя действия от того же глагола) и ярим – половина; от слова онг – сознание, понятие – онгли сознательный и англа – понимать и др. Эти явления тоже имеют свои исторические объяснения: «Процесс развития языка не состоит из беспорядочных явлений ... некоторые непоследовательности, исключения тоже не есть аномальные случаи»⁶. Определению фонетических изменений при

¹ В ташкентском говоре: ўйинчок и ўйинчик – игрушка.

² Мухаммед Салих. Шейбани намэ. Изд. П.М.Мелиоранского. СПб., 1908.

³ Там же.

⁴ «Бабур-намэ». Изд. Н.Ильминского. Казань. 1857. (Взяты из этого сочинения примеры сличались и с другими изданиями).

⁵ А.А.Реформатский, сравнивая агглютинацию и фузию, говорит, что в тюркских языках корень не меняется (см. «Введение в языковедение». М., 1947. стр.90-91), такого рода утверждение находим и в работе Р.О.Шор. Язык и общество. М., 1926.

⁶ М.М.Покровский. Материалы для исторической грамматики латинского языка. «Ученые записки имп. Моск. ун-та». Отдел историко-филолог., вып. 25. 1899, стр.18.

словообразовании и их исторического развития по материалам старых текстов мешает арабский алфавит.

Если словообразование путем аффиксации будем анализировать по частям речи, то в каждой части речи мы обнаружим два типа аффиксального образования слов: 1) словообразование от других частей речи и 2) словообразование в границах одной части речи. Первый тип словообразования можно было бы назвать «внешним словообразованием», а второй тип — «внутренним словообразованием». Не все части речи имеют обе разновидности; так, например, имя числительное, местоимение и междометие имеют только внутреннее словообразование, а имя существительное, имя прилагательное, наречие и глагол имеют оба способа. Во внутреннем словообразовании часто (но не всегда) семантическое изменение слова слабее, чем во внешнем образовании (выражение разных экспрессивных значений, степеней признаков и т.д.).

Аффиксация в узбекском языке как средство словообразования особенно сильно развита в системе глагола и главным образом в систем имен существительных. Причина этого частично лежит, по нашему, в следующем: в глаголе отдельные семантические оттенки выражаются описательным способом — при помощи вспомогательных глаголов, которые по всей функции стоят очень близко к словообразующим аффиксам. Аффиксальное образование очень слабо развито в местоимениях, именах числительных, наречиях и междометиях. Характерно, что до сих пор грамматическая литература по узбекскому языку (и научная, и учебная) не рассматривает явления аффиксального образования в междометиях. Исключение составляет «Грамматика узбекского языка» А.Н.Кононова, в которой указано образование при помощи аффикса *-ир* = *-ил*.¹ Существование же аффиксального словообразования в междометиях не вызывает сомнения.²

В современном узбекском языке словообразующие аффиксы, если мы будем их анализировать по частям речи, делятся на две группы: на аффиксы, общие для ряда частей речи, и на аффиксы, присущие только одной части речи. Последние могут служить признаком определенной части речи (каждая часть речи определяется и тем, что у нее словообразующие аффиксы особые). Общность

¹ А.Н.Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент. 1948, стр. 227.

² Такое образование указано на материале нескольких языков Н.К.Дмитриевым в его работах: «Beitrage zur osmanischen Mimologie» («Wiener Zschr. f. die Kunde des Morgenlandes». Bd. XXXIV, Heft 3 и 4); «Skizze der sudturkischen Mimologie» (там же, Bd. XXXVI, Heft 1 и 2).

некоторых групп словообразующих аффиксов весьма ясно видна в аффиксах имен существительных и имен прилагательных. Это объясняется исторической общностью этих категорий слов. Но такая общность почти отсутствует в аффиксальном словообразовании глаголов: многие аффиксы глагола присущи только ему.

В грамматической литературе иногда указывается на трудность различения словообразующих и словоизменяющих аффиксов. Учитывая эти трудности, некоторые лингвисты считают неудачным деление аффиксов на словообразующие и словоизменяющие.¹ Были колебания в вопросе, куда отнести показатель множественного числа имен существительных, аффикс отрицания в глаголе и некоторые другие аффиксы.

Есть основания сомневаться в том, что в образовании наречий подежные аффиксы (например, аффикс местного или направительного) играют роль словообразующего элемента. Тут можно говорить не об аффиксальном образовании, а о переходе одной части речи в другую: слово с застывшей падежной формой целиком переходит в категорию наречий. Таких случаев немало, они могут быть иллюстрированы следующими примерами (из староузбекского и современного узбекского языка):

1) Из «Бабурнамэ»: кечасига бориб, хабар олиб, тонгласига хабар келтурдилар (кечасига//кечаси – ночью, тонгласига//тонгласи – утром, наутро, на другой день); тонгласи улар йиғилиб (тонгласи//тонгласига – то же); не илгари юруйоладурлар, не кейинга (илгари//илгарига – вперед, кейинга//кейин – назад); тонгласи қор ва чопқун турди (тонгласи//тонгласига – утром, на утро, на другой день).

2) Из народных поэм: Аввал дўст бўб (-бўлиб), эндиликда касд бўлдинг... аттанга... хабарим бўлмади (Э.Джуманбулбул. Кунтугмыш): энди – тепер); аттанг//аттанга – как жаль! какая досада!. Бемахал етмади ўлим (Ф.Юлдаш. Алпомыш): бемахал//бемахалда – несвоевременно. Янгитта келдим (Ф.Юлдаш. «Ачилдау»): янгитта //янги – сейчас, только что. Дохимиз Сталин бўлсин омонда (Ф.Юлдаш. «Кунларим»): бўлсин омонда// бўлсин ОМОН – пусть будет здоровым.

3) Из разговорной речи: У кейин колди (кейин//кейинда после); бирданита чикди (бирданитаг//бирдан – внезапно) и т.п. Иногда слово

¹ Ср. „Вместо деления аффиксов на суффиксы и окончания вернее было бы деление их на именные и глагольные аффиксы. К именным аффиксам относить все форманты, употребляющиеся с именами, а к глагольным относить форманты, оформляющие признаки глагола» (Н.Т.Сауранбаев. Семантика и функции деепричастий в казахском языке. Алма-Ата, 1944, стр. 14).

в изолированном виде трудно выделить в качестве основы наречия (определяется по семантическим признакам); в этом случае падежная форма показывает его переход в наречие). Но это же слово без падежной формы семантически относится к другой части речи. Отсюда можно сделать вывод, что словоизменяющие аффиксы иногда могут стать словообразующими. В историческом плане такой переход возможен.

Так, остается невыясненным вопрос, следует ли читать показатель множественного числа имен существительных словоизменяющим элементом? Этот вопрос не раз бывал объектом общетеоретических споров. Проф. Д.Н.Ушаков¹, Н.Н.Дурново² и А.М.Пешковский³ показатель множественного числа считали словообразующим элементом. Академик Л.В.Щерба⁴ не считает показатель множественного числа словообразующим аффиксом. В цитированной уже работе Н.Т.Сауранбаев пишет: «...окончания множественного числа по существу тоже меняют смысл слова. например: o'qigan odam – образованный человек, o'qigandar – образованные люди...здесь –lar в форме –dar выступает как словообразующий аффикс, при помощи которого от причастия и от имени качества образуется существительное».⁵ По нашему мнению, в данном случае смешивается два явления: аффиксальная субстантивация и синтаксическая субстантивация. В указанном примере действует обычная субстантивация (синтаксическая). Здесь нет аффиксального словообразования. Для синтаксической же субстантивации необязательны морфологические показатели, в том числе и аффиксы множественного числа.⁶

Показатель множественного числа имен существительных не образует нового слова, основы; его условно можно считать словоизменяющим аффиксом. Тот факт, что данный показатель в однородных членах предложения может употребляться двояко (повторяется в каждом члене или присоединяется к последнему и

¹ Д.Н.Ушаков. Краткое введение в науку о языке. изд. 9. М., 1929. стр. 89.

² Н.Н.Дурново. Грамматический словарь. М., 1925. стр.142.

³ А.М.Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. изд.6. М., 1938. стр.59.

⁴ Л.В.Щерба. Очередные проблемы языкознания. стр.181.

⁵ Н.Т.Сауранбаев. Семантика и функции деепричастий в казахском языке. стр.14.

⁶ Другого мнения придерживается в этом вопросе В.М.Жирмунский. См. его статьи: «Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительном грамматическом освещении» («Изв. АН СССР». Отдел. лит-ры и языка, т. V, вып. 3, 1946); «Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками» («Изв. АН СССР». Отдел лит-ры и языка, т. IV, вып. 3-4, 1945). Похожее на это мнение было высказано раньше: А.Боровков. О частях речи в языках тюркской системы. «Революция и письменность». 1936. № 2.

бывает общим для всех членов), тоже говорит в пользу этого. Данное синтаксическое свойство присуще всем именным словоизменяющим аффиксам и не встречается в области словообразующих аффиксов.

Аффикс *-ма*, образующий отрицательную форму глагола, во многом похож на аффикс множественного числа имен существительных. Об этом аффиксе В.Радлов писал: «Я убежден, что отрицательный аффикс *-ма* нужно понимать как словоизменяющий аффикс». ¹ Он утверждал, что, во всяком случае, аффикс *-ма* ближе к словоизменяющим, чем к словообразующим.

Безударный аффикс *-ча* в отдельных случаях сближается с аффиксами *-дай*, *-дек* (с разными вариантами). Эти аффиксы в некоторых работах по узбекской грамматике (1933-1935) считались показателями падежа (сравнительный падеж – *ўхшатиш келишиги*). В позднейших работах авторы от этого отказались: стало ясно, что эти аффиксы образуются имя прилагательное и наречие. Но в 1947 г. в одной напечатанной в Лондоне работе по узбекской диалектологии восстановлен упомянутый «сравнительный падеж» (equative) с теми же аффиксами. ² Этот падеж автор заимствовал из вышеназванных грамматических работ по узбекскому языку (что ясно видно и из других мест указанной работы).

Итак, в различении словообразующих и словоизменяющих аффиксов имеются неясности лишь в отдельных, единичных случаях. Деление аффиксов на словообразующие и словоизменяющие имеет свои семантические и формальные основания. Если бы мы отказались от этой классификации и вместо этого делили бы их на именные и глагольные, как это предлагал Н.Т.Сауранбаев, в таком случае мы не могли бы дифференцировать их на качественно различные грамматические форманты. Тогда аффиксы-омонимы (именные или глагольные) пришлось бы считать за один и тот же аффикс. Например: формант *-и* в одном случае выполняет функцию притяжательного аффикса. 3-го лица, а в другом – функцию словообразующего аффикса. Деление аффиксов на словообразующие и словоизменяющие не исключает, естественно, деления их в дальнейшем на именные и глагольные аффиксы; но это будет, конечно, не в общей форме, а в соответствии с вышеуказанной классификацией.

¹ В.В.Радлов. Вводные мысли к изложению морфологии тюркских языков (на немецк.яз.). «Записки Академии Наук», серия VIII, т. VII, № 7, СПб., 1906.

² Steran Wurm. The Uzbek Dialekt Qizil Qujas. "Bulletin of the school of Oriental and African studies University of London", vol. VII, part 1, 1947, стр. 86-105.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПУТЕМ ВНУТРЕННИХ ИЗМЕНЕНИЙ СЛОВА В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Существующие грамматические работы по словообразованию в узбекском языке указывают на два способа словообразования (аффиксация и композиция).¹ Мы насчитываем в узбекском языке восемь способов словообразования (аффиксация, композиция, омонимизация, акцентуация, аббревиация, редупликация, словообразование путем внутренних изменений слова, переход одной части речи в другую). В настоящей работе будет говориться только об основных чертах словообразования путем внутренних изменений корня.

Такие сопоставления, как кўз – кўр (глаза – видеть-слепой), йир – ёр (расширять, раздвигать – раскалывать, прорвать), кўл-кил (рука – делать), ака-ука (старший брат – младший брат), показывают былую возможность словообразования путем чередования гласного или согласного корня, а также иных способов его внутреннего изменения.

Некоторые исследователи, занимавшиеся до нас вопросами словообразования в тюркских языках, также отметили, что иногда звуки чередуются для семантической дифференциации. В частности, в работе польского турколога Анания Зайончковского «Именные и глагольные суффиксы в западно-караимском языке», в разделе «Примечания, касающиеся фонетических изменений в корнях и суффиксах мы находим замечание именно такого характера. Он вместе с этим сообщает, что Педерсен также отметил это явление, приводя пример *bojun//kojun* (шея//пазуха, грудь), и сравнил данный пример с русским примером *ноготь коготь*.² Однако ни Педерсен, ни Зайончковский не считают это явление словообразованием, а рассматривают лишь как фонетическое изменение (поэтому А.Зайончковский это явление включает в главу, где рассматриваются палатализация, лабиализация, потеря звуков и тому подобные чисто фонетические явления). В действительности же, это явление фонетическим является только генетически: первично это были

¹ См. Работы Улуга Турсуна (Образование глагола в узбекском языке. Ташкент-Самарканд. 1930) и Закира Магмурова (Суффиксы имен существительных в узбекском языке. Ташкент 1941).

² *Ananijacz Zajoczowski, Sufiksy imienne i czasownikowe w jazyki zachodniokaraïmskim. Kkakow, 1932, s 13, str. 161.*

фонетические варианты, безразличные для смысла,¹ но позднее они были использованы для образования слов, начальной близких по своему значению и значительно разошедшихся впоследствии.

Надо думать, что новообразования такого порядка обуславливались изменением качества звуков (как в индоевропейских языках чередование гласных использовано для образования глаголов и имен), но этот вопрос еще не исследован достаточно, и пока фонетическая разница здесь не является моментом, закономерно обуславливающим семантические различия. При нынешнем состоянии науки это явление можно считать одним из технических средств словообразования, так как указанные звуковые изменения служат только для семантической дифференциации слов; они передают лексическую семантику и, давая значительное разнообразие звуковых изменений, пока не позволяют представить себя в виде определенных фонетических закономерностей: каждый случай образует новое изменение (об этом дальше).

Рассматриваемый нами способ словообразования является одним из самых древних. С появлением других способов словообразования (композиция, аффиксация), он почти не стал применяться, и в словах, образованных с его помощью, перестали ощущаться признаки подобного способа словообразования, однако лингвистический анализ отчетливо обнаруживает эти побледневшие черты словообразования.

Указанный способ словообразования часто встречается в односложных словах, что также говорит о глубокой его древности, ибо «древние слова были моносиллабичными и полисемантическими»². Такого рода образовывались и размножались путем простого изменения — чередования, но сохранили при этом свой тип, свою структуру, физиономию. В этих случаях дифференциация происходит посредством использования фонетических разновидностей.³ Данное изменение есть не что иное, как способ дифференциации древних диффузных слов, которым дифференцировались омонимы. Замена звуков — один из способов различия омонимов.⁴

¹ Различные огласовки одного слова без семантических изменений встречаются в старом письменном языке, а также она имеет место и ныне между говорами. Ср. кувла (ныне), ковла (у писателей Саккаки (XV в.) и Бабура (XVI в.) — изгонять.

² Акад. Н.Я. Марр. Избр. работы. IV, 42.

³ Акад. Н.Я. Марр. Избр. работы. IV, 43.

⁴ См. ст. Гитлида «Проблема омонимов», сб. XLV академику Н.Я. Марру. М.-Л., 1935.

Если вышеуказанные изменения корня мы примем за способ словообразования, то природа образований типа кел-кет (приходи-уходи), в которых проф. И.А.Батманов видит некогда самостоятельно употреблявшийся элемент (ке+л, ке+т)¹, шул-бул (тот-этот), и в которых П.Азимов видит явление префиксации,² становится совершенно ясно: тут каждое слово состоит только из одного элемента, здесь нет ни суффикса, ни префикса, а в основе этих слов лежит забытая техника словообразования.

Выше мы видели, что звуковые изменения, порожденные требованиями семантической дифференциации слов, были уже замечены, хотя данное явление не рассматривалось как способ словообразования; все же мы можем сделать вывод, что указания Педерсена и Зайончковского были косвенным намеком на такое образование. А если это так, то нам остается постараться доказать, что изменения такого типа являются особым способом словообразования и, развивая данное положение, надо искать разновидности и закономерности упомянутого способа.

Анализ живых диалектов и письменных памятников показывает, что исследуемый способ словообразования в древности, повидимому, представлял целую систему, и словообразование путем внутренних изменений слова не ограничивалось только чередованием звуков, но применялись также и иные способы. Наши исследования устанавливают следующие типы изменений слов: 1) чередование, 2) удвоение, 3) утеря звуков и 4) перестановка.

Каждая из этих рубрик может иметь несколько разновидностей, в значения, различаемые этими способами, весьма разнообразны.

Ниже мы рассматриваем каждую разновидность (характер ее и значения, различаемые ею) в отдельности.

¹ См. его работу: «Грамматика киргизского языка», вып. III, Фрунзе, 1940, стр. 4-5. Если мы предполагаем, что в данном случае аффикс «л» (показатель страдательно-возвратного залога) выражает «приближение» («к себе»), а аффикс «т» (показатель повелительного залога) обозначает «удаление», то выходит, что аффикс «т» в этом случае имеет необычную для этого элемента функцию: аффикс «т» превращает непереходный глагол в переходный, или от переходного глагола образует другой переходный («второстепенный»), а глагол кет является непереходным; если так, то здесь нет места для аффикса «т». Тот факт, что в древности характерным признаком слова была закрытость (слово-закрытой слог), тоже говорит в пользу неделимости вышеуказанных слов.

² П. Азимов. «Префиксация в туркменском языке». Ашхабад, 1947, стр. 17. Это, по нашему мнению, имеет форму шул> ул, а не ш+ул>шул (об этом дальше).

ЧЕРЕДОВАНИЕ

1. Чередование гласных

А. Чистое чередование (переогласовка)

Значения, различаемые этим способом: 1. Орудие и его действие: тош-теш (камень – пробивать, продырявливать). Камень – древнее орудие, инструмент; «теша-топор» происходит от слова «тош-камень». Это давно доказано на материалах других языков.¹ Материалы узбекского языка тоже подтверждают это явление. Еще один пример: кўл-кил (рука-делать). Вспомним, что первоначально единственным орудием человека была рука, поэтому, действительно, «деление происходит от руки»². Любопытно, что в «Киссасул анбиё» Рабгузи, у Навои и в некоторых других источниках слово кўл без всяких формальных изменений употребляется в значении «взять, делать, выполнить».³ Многие глаголы в узбекском языке, как и во многих языках мира, происходят от руки (об этом отдельно).

2. Функционально одинаковые предметы, живые существа: отит (лошадь – собака). Собака очень близка была к человеку и в древности употреблялась как транспортное животное; позднее эту функцию начала выполнять лошадь. Отсюда функциональное единство собаки и лошади. Это единство осуществляется и в охоте. И ныне в некоторых местах Узбекистана, как мне сказал канд.исторических наук Я.Г.Гулямов, лошадь продолжает служить орудием охоты. Животного, объекта охоты (напр. зайца), утомляют, гоняя лошадью, потом избивают кнутом до полусмерти. Эти еще раз доказываются высказывание академика Н.Я.Марра о том, что «название собаки перешло на лошадь».⁴

3. Предмет и характерный для него другой предмет: кўй-кий (баран – прессованный навоз, извлекаемый из овчарни).

4. Наименование родственных отношений по возрасту: ака-ука (старший брат – младший брат).

¹ Акад. Н.Я.Марр. Избр. работы. IV. 42.

² Акад. Н.Я.Марр. Избр. работы. IV. 133.

³ 1... Кўлсанг бағишлар... (поэт XV в. Лютфи)

2... Агар минг йил тарих бўлганмен охир
Негиб бу узрингиз кўлгаймен охир (Навои, «Фархад и Ширин»)

3... Чун хижласи сори кўз солибсен

Кўлмоқка кизини сўз солибсен (Навои, «Лейли и Меджнун»).

Позднейшие переписчики (напр., Шамуррад-катиб), увидев, что слово кўлмоқ стало архаичным, заменили его словом олмақ – брать, взять (Хамса, литогр. изд. Ташкент, 1904). Это тоже не случайная замена. О таких разновидностях у Навои см. работу Г. Каримова «Исследование по установлению критического текста «Лейли и Меджнун» Навои», стр. 16.

⁴ Акад. Н.Я.Марр. Избр. работы. IV. 68.

5. Противоположные значения: ост-уст (низ-верх).
6. Сходные по какому-то признаку предметы: тош-тиш (камень – зуб) – сходство по виду и качеству.
7. Ограничение первоначального значения: тош-тиш (наружный, переливаться – наружный). Форма тош употребляется в двух значениях (имя существительное – прилагательное и глагол), а форма Тиш имеет значение только имени прилагательного («наружный»).
8. Действие и предмет, появившийся как результат этого действия: чат-чот (подшивать, пришивать – пах). Чатмок – соединять два куска. Слово чот обозначает место, где соединяются эти две стороны. На пахе человек есть и выпуклая линия (шов), показывающая это соединение («пробиваемость»).
9. Признак и его носитель: йилтирок – йилтирик (блестящий – светящийся уголек¹).
10. Действие и признак, появившийся как результат этого действия: бит-бут (закончиться-законченный).
11. Действие и звук, сопровождающий данное действие тап (тап) – теп (звук топота – пинать ногой). Отсюда – сходные слова в узбекском и русском языках: узб. тап-та – русск. топтать. Еще один пример: ирр-ур (звук рычания – лаять). Слово ур – лаять употребляется и в форме хур. Выпадение начального звука х перед гласной – обычное явление для узбекского языка.
12. род (пол): бойвачча – бойвучча (сын богача – жена богача). Второй элемент этих слов (бачча – мальчик) – таджикский. В данном случае иностранное слово на почве узбекского языка подверглось изменению для различия пола. (Не смешивать слово бачча со словом бича).
13. Предмет и его звуковой признак: бик (бик) – бўк (звукоподражательное слово – кал).
14. Близкие, родственные или почти одинаковы значения: сик-суқ (жаты, давать-всовывать), ота – ада (отец- папочка; последнее слово имеет место в детском языке); дам-дим (душный – пар; отсюда: покой). Можно сказать: ҳава дам (погода душная) и в том же значении: ҳава дим; однако в отдельных случаях эта эквивалентность невозможна, ср. примеры: корни дам бўлди (у него живот расперло). палов дамланди (плов поставлен париться), но нон палов – или

¹ Из этого примера видно, что данный способ имел место и в отношении аффиксов (позднейшее явление).

картошка палов – димланади (хлебная – или картофельная тушенка поставлена париться) и т.д. и т.п.

Б. Веляризация и палатализация (представляет частный случай типа А.)

В качестве примера такой дифференциации мы можем указать на слова: ор- ър (ров – подъем). Значения в данном случае взаимно противоположны, однако, такое различие в современном узбекском языке не играет семантической роли, и в литературном языке эти слова стали омонимами. Хотя ряд слов различается в диалектах узбекского языка по твердости и мягкости гласного, напр, бол – бол (быть – делит), однако, пока невозможно установить какие либо семантические связи между этими словами.

В. Удлинение

Силамоқ – сийламоқ (гладить – уважать); хорезмск, от – ѳт (трава – желчь), оч-оч (открывать – голодный).

Данные примеры ярко показывают значение, различаемое этим способом: действие и признак, появившийся как результат действия, сходство, близкие значения.

В современном литературном языке это явление не наблюдается. Такого рода слова ныне различаются по контексту. В современном узбекском языке удлинение гласного служит для выражения длительности действия, интенсивной степени качества, вообще, эмоциональных оттенков.

2. Чередование согласных

А. Чистое чередование

Значения, различаемые этим способом: 1. Предмет и его действие: кўз-кўр (глаза-видет). Этим опять лишний раз подтверждается на материалах узбекского языка тезис великого советского лингвиста: «видеть по палеонтологии речи восходит к глазу ... глаз.... глагол (смотреть ... они выражаются дифференциацией одного звукового комплекса¹».

2. Предмет и признак, связанный с ним: кўз – кўр (глаза – слепой). Любопытно, что противоположные значения выражаются одним и тем же словом: кўр: 1) видеть, 2) невидящий – слепой. Язык максимально разносторонне использовал слово.

3. Предмет и его характерный активный признак: киш – кис (зима-сжимать) Противоположно этому: ёз-ёй (лето – расширять). Значит, зима – сезон сжимания, лето сезон расширения.

¹ Акад. Н.Я.Март. Избр. работы. IV, 103.

4. Предмет и его пассивный признак: бўз-бўр (белый – мел). Мел назван словом, обозначающим данный цвет. Ср. еще: бўз – мата (грубая хлопчатобумажная ткань кустарного производства).

5. Предмет и его объект; ёғ – ёк (масло – зажигать). Древний «человек» не знал как употреблять масло, употреблял его как топливо; потом, когда он начал кушать масло, это слово разделилось на два.

6. Предмет и признак, связанный с данным предметом: ёрик – ёриг (отверстие – светлый). Вспомним, что через отверстие жилища входил свет.

7. Сходные предметы: сув – сут (вода – молоко), тош – мош (камень – Маш-растение из семейства бобовых и семена этого растения) – сходство по виду и состоянию; кўз-кўл (глаза – озеро), кулон – булон (дикий осёл – животное, похожее на лошадь).

8. Противоположность: туз – буз (строить – разрушать), кел-кет (приходить – уходит), тун-кун (ночь-день), ол+д-ор+т (передняя часть – задняя часть). Для полной убедительности того, что тут корнями являются ныне забытые элементы ол-ор, сравним слова из этого же корня: олға-вперед, ар+ка-спина.

9. разные оттенки одного значения: сук-сик-тик (всовывать – сжимать-воткнуть), артмоқ – арчмоқ (вытирать-очищать от кожуры), тўй – тўл (насытиться – пополниться). Ср. еще: корним тўйди (мой живот насытился, т.е., я наелся) – челак сувга тўлди (ведро наполнилось водой).

10. Род (пол): оқа-опа (брат-сестра) и т.д. и т.п.

Мы видели, что изменение – чередование звуков в древних стадиях развития служило значащим орудием языка. Теперь остановимся на вопросе о том, существовали ли фонетическая закономерность в чередовании этих звуков. В собранных нами материалах словообразования этого типа мы видим такие виды чередования (указываются современным узб. алфавитом):

1. Гласные: о-и, ў-и, а-у, о-е, ў-о, и-у, и-а, о-а, ў-а, а-е, ў-у, е-и.

¹ В ташкентском говоре (и в литературном языке) для обоих значений употребляется слово артмоқ (от слова артмоқ – очищать, удалять). В этом случае дифференцирующую роль играет контекст (следы старых стадий); а в Ферганских говорах артмоқ-протирать, арчмоқ-обтирает кору (последняя дифференциация). Писатель Абдулла Каххар в нескольких своих рассказах в авторской речи употребляет слово арчмоқ

2. Согласные: з-р, ш-с, з-й, й-к, в-т, з-ч,к-б, к-д, б-т, т-ч, к-т, й-л, к-й, г-к,т-й, л-т, т-н, к-п, к-н, с-н, б-ш, п-г, л-р, в-й, й-д,н-ч, с-й, с-т, ж-й, ш-ч, й-н, б-ч,л-й,х-к, л-з, л-ш,г-н, х-х, т-ш, б-в,г-ч, х-ч.¹

Видно, что чередование тут очень пестрое. Здесь встречаются даже такие чередования, где губной звук чередуется с заднее язычным. На основании исторических и диалектальных данных можно доказать, что такие чередования, как з-р, г-к, л-р, б-в, являются закономерными (определение закономерности значительно легче в чередовании гласных), но трудно объяснить всю сумму этих звуковых изменений ныне существующими фонетическими законами, поэтому на вопрос о том, возможно ли такие чрезвычайно разнообразные звуковые изменения (служившие орудием словообразования) подчинить определенным фонетическим законам, мы отвечаем отрицательно. Нельзя предполагать, чтобы такие изменения происходили на основе чередований, понимаемых нами ныне, как закономерные.

Б. Оглушение (или озвончение)

Значения, различаемые этим способом: 1. Предмет и его часть – соотношение общего и отдельного: бут-пут (бедро – нога). Слово пут употребляется в Фергане.

2. Противоположность: олд-орт (передняя часть – задняя часть).

3. Близкие значения: туб-туп (корень – куст, ствол).

4. Вид: козгон – коскон (котёл – круглое решето для пельменей).

Сравниваем еще примеры: козгок (перхоть головная) – коскоқ – космок (толстый слой перхоти). Қозгон (котел) – древняя форма. Ныне это слово употребляется в форме козон. Выпадение звуков г,к,к,г, стоящих в начале слога (но не слова) перед гласными, давно доказано, поэтому мы можем тут ограничиться некоторыми примерами: таргоқ-тарок, ўргоқ-ўрок, эшкак-эшак, кочкоқ-кочок. Возникает вопрос: почему нет такого выпадения в слове коскан? На этот вопрос можно ответить так: если в данном случае выпал бы звук к, тогда звук с, попавший в интервокальную позицию, превратился бы в з; в результате получалась бы форма козон (котёл); и мы получили бы опять одно слово для двух значений. Для различия этих значений в данном случае сохраняется и фонетическая разновидность. В обоих примерах (козгон – коскон, козгоқ-космоқ)вторые слова семантически «усиливают» первые слова.

В. Палатализация (или веляризация)

¹ Ради краткости мы здесь не приводим примеров, так как этому думаем посвятить отдельную работу.

Данный способ является малопродуктивным. Им различаются, в основном, близкие или сходные понятия и предметы, а также разные оттенки одного значения: в Ташкенте ванг-ван (визг-жуужание), в Хорезме: гўз-гўз (глаза – орех) – сходство по внешнему виду.

УДВОЕНИЕ

Это явление встречается только в согласных звуках. В узбекском языке данный способ обычно служит для усиления значения, эмоциональной окраски и т.д., но иногда применяется как словообразующее средство: катик – каттик (кислое молоко – крепкий, твердый).

УТЕРЯ ЗВУКА

Такие примеры, как сол-ол (клясть-брат, т.е. выражение противоположности), тоға – оға (дядя-старший брат, т.е. различие родства), хирр-ирр (хихиканье-рычание, т.е. различие качества звукоподражаний), хич-ич (выдох-нутро, т.е. звук и его производитель), тарс-таш-тош (звук от падения камня – камень), тошмоқ-ошмоқ (разливаться-увеличиваться – переходить), приводят нас к убеждению в том, что в этих случаях мы имеем дело с словообразованием путем исключения отдельных звуков. Нельзя ли видеть в данных случаях явление префиксации? Нам представляется, что слова хич, тошмоқ, несомненно, предшествуют словам ич, Ош (Слово томшоқ происходит от слова тош-камень).

Выше мы видели, что автор работы «Префиксация в туркменском языке» доказывал, что слово шул – тот образовалось путем перфиксации (ш+ул). Не есть ли слово шул более древнее, а слово ул образованное от него путем выбрасывания звука?¹ (это предположение усиливается и тем, что личные местоимения происходили после указательных). Древнему человеку гораздо легче было различать смежные значения путем выбрасывания звука слова, чем образованием префикса. (Существовал ли тогда префикс?).

Следы образования путем выбрасывания звука мы выше видели в нескольких словах. В виду этого, взаимоотношение слов кўл (рука) и ол (взять) мы предполагаем в форме «кўл» ол, а не в форме «ол» к+ол-кўл». Ахмед Джевад Эмре без всякого основания утверждает,

¹ Не надо смешивать с этим образование типа «акит» (алып-кит). Такие образования происходят ныне на наших глазах, на высокой стадии развития языка.

что от глагола ал (взять) при помощи префикса «к» образовалось kol (орфография автора).¹

В древнем имя существительное кўл (рука) употребляется и в значении глагола ол (взять); позднее этот глагол «оформляется» путем потери звука к, в результате этого первоначальная форма (кўл) закрепляется за именем существительным. Для древнего человека невозможно было осознать «ол-взять» без «кўл – руки». Взаимоотношение элементов ал (рука), ол (взять) – позднейшее явление.² Если мы предполагаем, что слово кўл (рука) происходило от элемента ол (взять), тогда приходится утверждать неправильное положение, указывающее происхождение имен существительных от глаголов.³

Образования типа югур-юр (бежать-ходить) тоже можно включить в эту группу, но не исключена возможность другого их истолкования: юр>югур. В последнем случае приходится думать о существовании в узбекском языке инфикса. Сравним еще: катак-каталак (клетка-клеточка): персидское слово кат (место, стоянка) приняло аффикс уменьшения ак(кат-ак – местечко), но это значение в узбекском языке не осознавалось (катак для узбекского языка неделимое слово), для уменьшительного значения в узбекском языке употреблялась форма каталак. О происхождении формы каталак мы можем высказать два предположения: 1) слово катак, потерявшее уменьшительное значение на почве узбекского языка, принимало для этого значения узбекский аффикс лак (-лок), но для фонетического удобства (катак-лак) последний звук корня выпал. 2) Аффикс уменьшения вклинился в форме ла (ката-ла-к).

В современном узбекском языке перестановка звуков и слогов корня встречается, в основном, в диалектальных и исторических разновидностях данного слова, но некоторые слова показывают, что такая перестановка в глубокой древности играли роль словообразующего средства: «сик-кис [давить (со всех сторон) – давить (с двух сторон)], т.е. различие однородных значений; чўк-кўч (опускаться – подниматься), т.е. различие противоположных значений и т.д.

¹ Turkceñin yapilisi, Istanbul, 1942, стр. 22. 37.

² Глагол «олмок-взять» тоже происходит от «кўл-руки» (акад. Н.Я.Марр, Избр. работы, V. 327).

³ Вспомним слова акад. Н.Я.Марра: «Новое учение, афетическое, о древностях языка, как было сказано, установило, что глаголов в начале не было как самостоятельной части речи. Каждое имя становилось глаголом лишь во фразе, т.е. все глаголы человеческой речи произведены от имен существительных...» (Избр. работы, V, 335-336).

Суммируем все разновидности данного способа словообразования, установленного нами:

1. Чередование

1. Чередование гласных:

1) чистое чередование,

2) веляризация или палатализация,

3) удлинение.

2. Чередование согласных:

1) чистое чередование,

2) оглушение или озвончение,

3) палатализация.

II. Удвоение.

III. Утеря звука.

IV. Перестановка.

ЎЗБЕК ТИЛИДА – МОН АФФИКСИ

Эски ўзбек тилида энг пассив сўз ясовчилардан бўлган **–мон** аффикси hozирги замон ўзбек тилида янги сўз ҳосил қилиш функциясини бажармайди, баъзи, санокли сўзларнинг составидагина учрайди.

Бу аффикс деярли ҳамма вақт „каттик“ формада қўлланади, унинг „юмшок“ формаси эса айрим шевалардагина учрайди, масалан, *шибилермен* (Хива шеvasи). Бу морфема от (кенг маънода) ўзакларига отлик характериға эға бўлган ўзакларға қўшилади, феъл ўзакларига қўшилиши эса жуда кам учрайдиган ҳодисадир.

Сўз ясовчи **–мон** аффиксининг ўзбек тилида типик қўлланиш формаси: **–р** аффикси орқали ясалган сифатдош (келаси замон сифатдоши) **–мон** аффикси: *билармон* каби. Бунинг характерли хусусиятларидан бири шундан иборатки, маъно функцияси томонидан **–мон** аффиксига яқин келадиган айрим морфемалар турли типдаги сифатдош ва иш отларининг баъзан бўлишсиз формасига ҳам қўшилгани ҳолда, бу аффикс бўлишсиз формаға қўшилмайди. Чоғиштиринг: *биладиган-билмайдиган, билган-билмаган ишловчи, кишловчи-билармон*. Бу хусусият **–мон** аффиксини от ясовчи каторига киритишнинг асосларидан биридир. Чоғиштиринг: кашлоғич, копкон, босқон, сузгич каби сўзлар, асли феълға алоқадор бўлишиға қарамай, бўлишсиз формадан ясалиш хусусиятиға эға эмас. Булар равиш билан

ифодаланган аниқловчи (кенг маънода) қабул қилмайди, лекин *биладиган-билмайдиган* каби сўзлар равиш билан аниқланади (улар умуман феъл доирасида).

Борар (борадиган, борувчи), кўрар (кўрадиган, кўрувчи) типидagi *-р* аффикси билан келган сўзларнинг ўзи бажарувчи-ишни бажарувчи шахс маъносини, унинг актив белгисини англади, лекин *-р + -мон* формасидаги кўшилмаларда бу сифатдош иш-ҳаракат оти маъносида қўлланади. Чоғиштиринг: *улармон-алакман (олакмон)*, кейингиси эски ўзбек тилида „отлик отряд, таловчилар отряди“ маъносида қўланган (*ал+ак-олиш* – взятие маъносидаги от). Иш-ҳаракат оти бўлиб қўлланиш *-р* аффикси билан ясалган сифатдошнинг эски ўзбек тилидаги асосий функцияларидан биридир: *юрурда (Лутфий), барурга (Навоий)* ва бошқалар. Кейинрок етакчилик роли турли типдаги иш отларига кўчган¹. Чоғиштиринг: *барурга-боришга-бормоққа*.

Ургули *-мон* аффикси орқали ясалган сўзлар кўпгина хусусиятлари билан аслда сифатдошга тўғри келади (*борармон* ва *борувчи* сўзларини чоғиштиринг), бу аффикснинг ўзи маъно томонидан *-чи* ясовчисига ўхшайди: бажарувчи шахс маъносини ифодалайди (бу ўринда «шахс» сўзи кенг маънода, „киши, инсон“ маъносидагина эмас). Бу аффикс орқали бажарувчи шахс маъносини ифодалаш айрим кўринишларга эга: 1. Бу аффикс кўрсатилган типдаги сифатдошга кўшилганда (аниқ даража формасида), шу сифатдошдан англашилган ҳаракатнинг субъекти, бажарувчиси ифодаланади: *борармон* (бўлди) – билармон. Бу маъно баъзан интензивлик, ортиклик, кучайиш оттенкасига эга бўлади (*борармон* – ҳаракат субъекти маъноси, *билармон* – ҳаракатни интензив бажарадиган, белгида ортикликка эга бўлган субъект маъноси). Мисоллар: 1)... *кетармон бўпти, Хотин ўлармон бўпти, юртни отармон бўпти* (эски давр фольклоридан). Бу ўринларда интензивлик оттенкаси йўқ: „оддий бажарувчи“ ифодаланган. Бундай ифодалаш формаси маъно томонидан *-диган, -моқчи* аффикслари орқали ясалган сифатдошларга тўғри келади. 2) *Бир жойга борармон бў(л)са, оввол кийимларини дазмоялийди* (Тошкент шеваси, қари насл нуткида баъзан учраб қолади, лекин одатда *борадигон* дейилади). 3) *Кетармон (...Бойчечак“*, *болалар фольклоридан, Тошкент шеваси)*. 4) *Билармон: қизил аскар иш кўргандир, билермен (Фозил Йўлдош, «Бойчечак»*

¹ А.Ф.Фулмоов. Ўзбек тилида сўз яшаш йўллари ҳақида. „А.С.Пушкин номидаги тил ва адабиёт институти асослари“, биринчи китоб, 1949, 46,72 – бетлар.

достони). Билермен колхозчилар (Пулкан, «Колсомолка Ойтўти» достони). Чоғиштиринг: уста бузармон. 5) Дам олармон бўлади, дам о (л) мийдигон бўлади (Тошкент шеваси, қари насл нутқидан). 6) Кираармон алт, илгармон алт («Камбагал қиз» эртагидан, Марғилон шеваси). 7) Ўлармон: хасис (аслда: «ўладиган» маъносида; жуда берилувчан), бирор нарсага жуда берилиб ҳаракат қилувчи («Равшан» достонида шу маънода учрайди). Чоғиштиринг: ўлармон хўкиз болтадан тоймас (мақол). 2. Бу аффикс отларга кўшилганда, шу отдан англашилган предметга алоқаси бўлган шахс ифодаланади (шу предмет ўша шахснинг ишидаги, машғулотигадаги объектдир). Масалан, Чақичмон (Тошкентдаги бир маҳалланинг эски номи, сақич//чақич+мон – «чақиччи». Эски вақтда кўп маҳалла, кўча, кварталларнинг оти ўша ерда яшовчиларнинг касбига, машғулотига қараб қўйилган. Чоғиштиринг: Тошкентда: Эгарчи, Ўқчи; Москвада: Охотный ряд, Сокольники, Каменщики, Кузнецкий мост); кенгешменлар (маслаҳатчилар) (Эргаш Жуманбулбул, «Кунтуғмиш» достони) Бу аффикснинг Гулмон сўзидаги (атокли от) шахс англантишида ўхшатиш, эгалик оттенкаси ҳам йўқмикин? (Гулмон: гулчи ёки гулга ўхшаш – гул эгаси). 3. Бу аффикс феълларга кўшилганда, ўша ўзакдан англашилган ҳаракатнинг бажарилиши натижасида ҳосил бўлган тайёрланиш процесси шу иш билан характерланадиган предметни, одатда овқат номини билдиради. Мисоллар: енчмон (ёрма ёки сукни ёғ билан аралаштириб, янчиш билан тайёрланадиган бир хил овқат), сикмон (жўхори унининг хамирини кўлга олиб сикиш натижасида бармоқлар орасидан силжиботилиб чиққани қозонда қайнаб турган сувга тушиб пиша беради); Хоразмда сиқман аш.¹

Составида –мон аффиксининг борлиги тахмин қилинган баъзи сўзларнинг маъноси ва этимологияси жуда ҳам аниқ эмас: Кокөмен алт. Бунинг ранг билдирувчи ёки „осмон - юкори“ маъносини билдирувчи кўк сўзига алоқаси бормикин? Чоғиштиринг: кеккай (кек-кўк)?; Шекемен қырагай (Эргаш Жуманбулбул, „Кунтуғмиш“); палакмон (сопконга ўхшаган курол, палакса-палакса сўзига алоқаси?); сўлақмон (кўпол, ўхшовсиз. Буни Г.Вамбери сўл -чап→сўлоқ – бесунақай сўзидан² деб ўйлайди). Атамон (атаман) сўзининг –мон

¹ Ю.Жуманазаров. Ўзбек тили Хазорасп шевасининг морфологик хусусиятлари (кандидатлик диссертациясининг қўлёзмаси), Т., 1960, 96 – бет.

² Herman Vambery. Etymologisches Wörterbuch der Türkisch-tatarischen Sprachen Leipzig. 1878, 165 – бет; Г.Вамбери душман (ёв) сузи ҳам туркий, шу –ман аффикси билан ясалган деб қарайди (ўша асар. 20 – бет).

аффикси билан алоқаси жуда ҳам аник эмас. *Бўламон* (Хоразмда бир хил музика асбобининг номи) сўзидаги **-мон** элементининг юкоридаги **-мон** морфемасига алоқаси йўқдек кўринади.

Усто: мон (айёр) сўзидаги **-мон** элементи тожикча *монистан* (ўхшаш бўлиш; hozирги замон негизи: *мон*) сўзига алоқадор бўлса керак.

Бирор предметга ёки белгига, сифатга эгалик билдирадиган тожикча **-манд** аффикси ўзбек тилида **-мен** тарзида айтилади (сўз ёки бўғин охирида *н* товушидан кейин келган *д* товуши одатда айтилмай қолади). Бу **-мон, -мен** ва **-манд** аффикслари орасидаги яқинлик уларнинг аралашшига сабаб бўлган. Масалан, *девлетмен* («*Рустамхон*» *достони*). Баъзан шундай ҳол туғилади (жуذا кам учрайди): *д* товуши тушган деб фараз қилиш натижасида, **-мон (-мен)** аффикси ўрнига **-манд** элементи кўлланади. Масалан, *билармандлик* («*Кизил Ўзбекистон*» *газетаси*, 29.VI.1946). Зокир Маъруфовнинг от ясовчи аффикслар ҳақидаги ишида, бир ўринда, *биларманд* формасини учратамиз.¹ Бу *билармен, билармон* формасидаги сўздир: тожикча **-манд** аффикси ўзбекча сўзларга, айниқса сифатдош формаларига кўшилмайди. Шунини алоҳида қайд этиш лозимки, З.Маъруфов ўзининг «Ўзбек тилида сўз ясовчи ва сўз турловчи аффикслар» номли кейинги ишида **-мон (-мон)** формасини ўзбек адабий тилида махсус суз ясовчи аффикс сифатида ажратиб кўрсатиб, тўғри қилган.²

Бесим Аталайнинг юкоридаги аффикс ҳақидаги ишида бу аффикс кадимда „одам“ маъносидаги мустақил сўз бўлган, бу сўз ўша маънода *манжур* (*манджур*) сўзининг составида учрайди, инглизча *ман* (одам) сўзининг ҳам шунга алоқаси бор³ деган фикр баён қилинади. Бу фикрнинг акад. Н.Я.Маррнинг айрим асарларида учрайдиган, фантастик характердаги этимологик ёритишларга жуда ҳам яқинлиги сезилиб туради; туркий **-ман** аффикси билан инглизча *ман* сўзининг генетик алоқаси борлигига ишониб бўлармикин?

¹ Зокир Маъруфов. Ўзбек тилида от ясовчилар, СССР Фанлар академияси Ўзбекистон филиалининг асарлари, филология, Т., 1941, 112-бет.

² З. М. Маъруфов. Словообразовательные и словоизменительные аффиксы узбекского языка.

„Ўзбекча – русча лугат“, М., 1959, 723-бет.

³ Besim Atalay. Türkçemirde men-man. yaran. 1940.

ОБ АФФИКСЕ –ЛИК В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Аффикс –лик в современном узбекском языке является оморфемой: янгилик – новость: выражение абстрактного понятия (янги – новый); бошлик – начальник: выражение деятеля (бош-голова, глава, аффикс –лик в данной функции употребляется очень редко); Хандаклик – название кишлака, где много рвов (хандак – скоп, ров), чечаклик (Рабгузи) – цветник (чечэк – цветок). Олмалик – название местности (олма – яблоко): выражение места; беллик – название одного из конских принадлежностей (бел-талия, поясница), терлыг (Навои) – нижнее белье (тер-пот): выражение принадлежности – предназначённости (в широком смысле слова) яллуғ – блеск, в блезстящем положении (в прямом смысле, ял – огонь): «выражение обладания», олтунылыг чибин (Навои) – золотая муха (олтун – золото, чибин – муха) : выражение сходства и т.д. Мы здесь не будем говорить о генетической связи, общности, указанных значений.¹ Данная заметка посвящена аффиксу –лик со значением отвлеченности.

Данная морфема, выражение абстрактного понятия является основной функцией которой, имеет различные фонетические варианты. Как известно формы –лиғ (-луғ, -лиг, -луг) и лик (-лук, лик, -лук) обычно различаются тем, что первая из них образует им. прилагательные, а вторая – им. существительные²; но эта линия не всегда проводится последовательно, встречается немало отклонений, смешанного употребления, Например (по техническим причинам, примеры, как правило, даны в соответствии с правилами совр. узб.письменности), подшоҳлығ (царство, гадолығ (нищенство), шодлығ (радость) и т.д. у Навои («Александрова стена»), топмоғлығ (находить) – чыкышмоқлық (ладиться), бермэклик (давать) в «Бабурнаме». Ср.еще примеры: хорлык (униженность, хор – униженный), зорлык – нужда, нуждаемость (Мухаммад Салих, «Шайбанинаме»). Характерно, что обе формы встречались в одном двустииши), ёруғлук

¹ См. об этом. А.Г.Гулямов. Проблемы историческ. словообразования узб. языка (автореферат). Ташкент. 1955. стр. 17, 18, 24, 25, 26.

² Ср. «Суффикс луг (точнее – Лу) очень употребителен... для образования имен от прилагательных» (П.М.Мелиоранский, Турецкие элементы...). Этот аффикс «в образовании существительных употребляется часто с конечным звуком в образовании прилагательных – часто с конечным звуком –г (его же. Араб – филолог о тур. яз). См. также: С.Е.Малов, Памятники. ... стр. 192.

– свет (Навои, «Письма») – бузуғлук – развращенность (Навои, «Письма», «Возлюбленный сердце»). Бироз отлығ – немного конницы (Фердавс ул – икбал). Хизматкорлығ – услужение (Навои, «Письма») и т.п. Такая непоследовательность встрячается и по линии губной гармонии. Например: Баҳодырлук – богатырство (Кутб), нозуклиғ – тонкость, нежность (Атаи), тузлығ (солённый, но: тузлуг – солонка. См. П.М.Мелиоранский, Араб – филолог о тур.яз.) и т.п.

В современном узбекском литературном языке указанный аффикс употребляется в одной форме (-лик во всех случаях). Например, яхши (хороший) – яхшилик (доброта), кенг (широкий) – кенглик (широта), мўл (обильный) – мўллик (обилие), кўк (синий) – кўклик (синева), кув (хитрый) – кувлик (хитрость). В отдельных, редких, случаях две формы (по линии гармонии согласных) сохранены для смыслового различия (это явление по линии губной гармонии почти не встречается). Примеры: оталик (отцовство, устар.шефство) – оталик (арх.слово: 1.патриарх, глава рода; 2. одно из высших должностных лиц при хане в феодальных ханствах Средней Азии), йўқлик (отсутствие) – йўқлик (небытие), бўшлик (вялость, слабость, слабохарактерность) – бўшлик (пустота, пространство, полость), борлик (наличие чего-либо) – борлик (все, что есть, все, что существует: бытие, существование). Это различие в живой речи обычно не проводится, тут конкретизирующим средством служит контекст.

В живой, не литературной, речи встречаются и такие фонетические особенности употребления данного элемента: 1.Последний звук указанного аффикса в некоторых говорах произносится как й (тезлик – тезлий: скорость. Ср. этак – этай: подол). В этом существует заметная разница в речи старшего и молодого поколений. Например, в ташкентском говоре в речи старшего поколения наряду с формой -лий иногда встречается форма -луғ (ғ произносится очень слабо), характерно, что при этом звук «и» аффикса переходит в «у» даже в таких случаях, когда нет в корне о -губленного гласного (ёмоллуғ – название качества от ёмон-плохой, ёмоллуғи – такое качество кого-либо, отлуғ – всадник. Ср.: ортуғ – лишний, очуғ – открытый, килуғ – поступок). Видно, что упомянутый аффикс в указанных случаях выступает в форме – Лу, в форме –лув (переход ғ/к в «в»; здесь замена согласного «и» звуком «и» объясняется влиянием огубленного гласного у). Ср: кўхлув (кўрклуғ – красивый, кўрк – красота). Указанные различия (в речи старшего

поколения) – редкое явление, это поколение тоже и в указанных случаях употребляет форму –лий, а молодое поколение почти всегда употребляет единую форму (ёмоллий, ёмоллии – ёмонлиги, оглий).

2. Встречается и форма –лык (в словах с «твердым» звуком): айрылык – разлука (дастан «Малика – айёр»), ялғызлык (одиночество, дастане (Шейбанихан)), яхшылык (Пулкан, «Бедный батрак»), чўрылык – положение невольницы или рабыни (из хорезмского фольклора). Но: подшалик (царство) в дастане (Кунтугмыш). 3. По линии губной гармонии иногда появляются формы с гласным у. (Примеры даны выше). Ср. двоякое употребление: шўхлук (озорство, дастан «Кунтугмыш») – шумлык (злоупотребление, хитрость, дастан «Хушкелди») – сулувлыгы (её красота, сулув – красивая, «Кунтугмыш»). 4. Присоединением аффикса -лик, лык к основу, оканчивающемуся звуком н, в некоторых говорах происходит регрессивная ассимиляция. Например, ёмоллуг (ёмонлык, ташкентский говор), эсэлдик (эсэнлик – здоровье, Пулкан, «Бедный Батрак»), куллука (кунлука – каждый день, ташкентский говор). В некоторых говорах в указанном фонетическом условии происходит прогрессивная ассимиляция. Например, жаманнык (ёмонлик, народный сказитель Абдыбаев Нурмат, из Катта-Кургана), мийрибанлык (мехрибонлик – любезность, Фазыл Юлдаш, «Ачилдав»), аманлык (омонлик – здоровье, дастан «Раушан»), неполная ассимиляция: камник (камлик – недостаточность чего-либо, Пулкан, «Бедный батрак») и т.п.

В употреблении аффикса –лик встречаются отдельные особенности, не свойственные другим словообразующим аффиксам. Например, в однородных членах (обычно состоящих из двух элементов) он может присоединиться только к последнему, но бывает общим для всех элементов. (Такое положение обычно встречается в употреблении именных словоизменяющих аффиксов, а не словообразующих, так как в последнем случае смысл станет другим). Это явление встречается только тогда, когда данная морфема выражает абстрактное понятие. Ср. пример: услубнинг содда ва очиклиги (из газеты; – простота и ясность стиля). В других случаях такое употребление не наблюдается. Такое же явление в парных

¹ Нам в двух случаях пришлось встретить таджикский показатель абстрактного существительного – и: киличбозлик («Алпамыш»; фехтование), зўри («Бабурнаме»; насилие. В обоих случаях указанный показатель сочетается с таджикским элементом: ... боз – и, зўр – и; а в первом примере после таджикской морфемы присоединяется узб. аффикс в этой же функции: -и: + -лик; ясно, в узб. языке он не осознается). Итак, нет основания говорить об употреблении тадж. показателя отвлеченности в узб. языке.

словах, но здесь присоединение ко второму компоненту более обычное (парные слова по многим признакам похожи на отдельное слово). Например, катта-кичиклиги кандай? (размер какой? катта-кичиклик: размер). Бу боланинг ўғил-кизлигини билиш керак («Рождение Гурогли») – Надо узнать пол этого ребенка ўғил-кизлик: пол).

В некоторых случаях употребление аффикса -лик имеет факультативный характер: прилагательное без специальной морфемы в силу контекста употребляется и как существительное с отвлеченным значением, как, например, в пословице (керакли тошнинг огири йўк («нужный камень не имеет тяжести»), слово огир (тяжелый) употреблено в значении огирлик – тяжесть.¹ Такое свойство в употреблении аффикса -лик не ограничивается кругом прилагательных. Употребление в указанных случаях аффикса -лик в современном узбекском языке является нормой, которая уточняет речь, облегчает понимание фразы, отстраняет всевозможные двойственности в смысле высказывания, в значении слова. Если с этой точки зрения сравнивать факты старо-узбекского языка с фактами современного языка, то увидим, что в первом встречаются такие случаи, где с точки зрения современного языка нельзя не употреблять аффикс -лик. Ср.примеры: 1. Отим захмин учун хароб бўлубтур («Бабур-наме) – Моя Лошадь сдохла от ранения. 2. Кишиси оз учун (там же) – так как у него людей мало... 3.Бу ишга рызо бермадим (Навои. «Александрова стена») – я на это дело не дал согласия. 4. Топилмасдин (там же) – от не нахождения. 5.Саломат билан кайтиб (Навои, «Письма») – возвратившись здорово (букв. «со здоровым»). 6. Кичигида (Навои, «Собрания изящных людей») – в детстве. 7.Элнинг урушмасини билгандан сўнг (Абдулгази, узнав о том, что народ не хочет воевать) и т.п.

Основные случаи, где встречается колебание в употреблении аффикса -лик:

1. Инфинитив, образованный аффиксом – мок(мак), иногда принимает элемент -лик (-лик, данный элемент в этом случае выполняет функцию подчеркивания именного характера слова. Тут

¹ Эта старая пословица в живой речи и сейчас употребляется в указанной форме, но в современной литературной речи тут употребляется аффикс -лик. (Для ясности, точности речи). Характерно, что в изданных сборниках узбекских пословиц, в учебниках, хрестоматиях по литературе, по фольклору, данная пословица фигурирует то в первой, то во второй, обработанной форме. Однако в таких случаях, как халк огирини сингил килмок – мард иши (Ислам – шаир: облегчить тяжесть народа -дело храброго), слово огир употреблено не как отвлеченное имя, тут места аффиксу -лик.

можно говорить о семантическом ослаблении аффикса –лик. Примеры: 1. казмоғлык (Навои, «Фархад и Ширин») – копать (ср. в той же поэме: казмок -копать). 2. Топмоғлык (Навои, «Александрова стена») – найти. 3. Кетмэклик (там же) – уходит. 4. Тугтэмклик (там же) – закончить. 5. Эйлэмклик (там же) – делать, 6. Топмоқлык (Лютфи) – найти. 7. Турмоқлык (Гулхани) – стоять. 8. Кўрмэклик (там же) – видеть. Примеры из творчества народных сказителей: 1. Юрмалик (Фазыл Юлдаш, «Кунтуғмыш»). 2. Қўркмоқлик (там же) – бояться. 3. Келмақлик («Равшан») – приходиться. 4. Ўлмақлик («Шайбанихан») – умереть. 5. Бермақлик (Пулкан, «Мердиқар») – давать. 6. Ўстирмақлик (Ислам – поэт) – растить. Такое употребление иногда встречается и в современном литературном языке (обычно в стихотворной речи): 1) Бермоқлик (Х.Алиджан, «Зайнаб и Аман») – давать. 2) Қилмоқлик (Г.Гулям, «Кукан») – делать. 3) Ишонмоқлик (там же; верить) и т.п. То же явление иногда наблюдается в именах действия, образованных аффиксом –ш (характерно, что в других видах имен действия нет этого явления): 1) чарчашликни билмаймиш (из народной песни) – мы не знаем усталости. 2) Бўшлик (А.Қаххар, «Золотая звезда») – бывать. 3) Юришлик (там же) – ходить. 4) Айтишлик (Х.Алиджан) – сказать, 5) Тасдиқлашлик («Газ.»Кызыл Узбекистан», 25.VI 45; – утверждать) и т.п. Современный язык обычно избегает от такого употребления аффикса –лик.

2. В узбекском языке при обращении прямой речи в косвенную известную роль играет аффикс –лик. Это обращение бывает при помощи винительного падежа. При этом: 1) Если прямая речь состоит из глагольного предложения, то его сказуемое, стоящее в личной форме, переходит в форму имени действия, к нему присоединяется сначала притяжательный аффикс, потом показатель винительного падежа. Это бывает в двух формах: а) простая форма (аффикс –лик не употребляется). Например, У эртага келишини айтди. – Он сказал, что завтра придет («Он сказал свой завтрашний приход»); б) усиленная форма (форма подчеркивания): ... келишлигини... 2) Если прямая речь состоит из именного предложения, тогда употребление аффикса –лик обязательно. Например, У кампирнинг соғлигини айтди. – Он сказал, что бабушка здорова («Он сказал здоровье бабушки»).

3. Причастие на –ган, выступающее как имя действия, имя признака, снабженное притяжательным аффиксом, тоже допускает на двойное употребление. Примеры: келаётганини кўрди (дастан

«Ширин и Шакар») – он видел, что тот идёт («видел его приход»). Чарчаганлигидан ухлаб колди (из сказки «Вазирвачча») – он проспал от усталости («от своей усталости»). Ота, айтгин келганингнинг важини («Равшан») – скажи, отец, почему ты пришел («скажи причину соевого прихода»). Но бывают случаи, где употребление или отсутствие аффикса –лик имеет смысловое различие. Например, У билганини айтди (он сказал то, что знает). – Билганлигини айтди (он сказал, что он об этом узнал). Семирганини кўрдинг (ты видел из них потолстевшего). – Семирганлигини кўрдинг (ты видел, как он потолстел. В первых примерах имеет место явление субстантивации). Это смысловое различие в живой речи обычно проводится за счет контекста. Указанные две формы часто чередуются без изменения основного смыслового материала в сочетаниях, где вторым – вспомогательным элементом выступает недостаточный глагол экан. Примеры: хуши богда эканлигини кўсатиш учун... (А.Каххар). – Для того, чтобы показать, что он думает о даче («показать занятость своей мысли дачей») ...шундай эканлиги маълум (газ.»Қизил Ўзбекистон», 30.1.45). – ...такое положение ясно (букв. «таковость ясна»). Бу кизнинг одам боласи эканига ҳеч ким ишонмайди (сказка «три брата – богатыри») – Никто не верит, что эта девушка – от человеческого рода (слово идет о красоте). Мунинг Фарушк эканлигини билмади (дастан «Гарибджан»). Зилзиланинг нима эканини ҳарким билади (из перевода книги А.Т.Конькова «Землетрясение», «Ташкент, 1947»). – Всякий знает, что такое землетрясение (букв. «что+ость землетрясения»). Мен сенга баликнинг қаерда эканини кўрсатиб кўяман (из перевода рассказа «Налим» А.П.Чехова). – Я покажу тебе, где находится рыба (букв. «покажу где+ость рыбы»). Употребление слова экан с притяжательным аффиксом соответствует смысловому характеру сочетания (признак чего?), поэтому встречающиеся иногда в староузбекском языке такие формы, как кичик ёшлыг экэнде (Навои, «Хамсат ал-мутахаййирин» – «Пятерица смущенных»; – он в своем детстве...), в современном узбекском языке не употребляются. Ср. еще примеры: Сени билгэн учун («Шайбанинаме») – от того, что он тебя знал (билгэни – билгэнлиги). Ҳозир бўлганнынг жихэти (Навои, «Письма») – причина явки бўлғанының – бўлганлығының).

4. Имя на –маслик обычно употребляется как отрицательная форма инфинитива, так как узбекский инфинитив не имеет формы отрицания, образованной при помощи аффикса –ма (т.е. от отрицательной формы глагола нельзя образовать инфинитив), но эта

форма (на –маслик) не является инфинитивом: она является формой, образованной аффиксом –лик от отрицательной основы причастия будущего времени на –р. Данное причастие, которое в староузбекском часто употребляется как имя действия, в составе слова на –маслик, повидимому, выступает в качестве имени действия; если это предположение приемлемо, то можно думать о том, что в данном случае мы имеем дело с аффиксом –лик, выступающим как элемент подчеркивающий (ср. айтмок – айтмоклик: сказать). В современном узбекском языке указанное имя употребляется с аффиксом –лик, в нем употребление этого слова без элемента –лик иногда влечет за собой смысловые и иные различия; а в староузбекском употребление данного слова в указанном значении без аффикса –лик встречается не очень редко. Например, бермэс нияти бирлэ – С целью не давать (Рабгузи). Ичмэсимни («Бабурнаме», форма винительного падежа от слова ичмэс – не пить). Элнинг урушмэсини билгэндин сўнг (Абулгази: после того, как он знал о том, что народ не хочет воевать...) Ср. бўр ичмэс кэрэк (не надо пить спиртной напиток) в «Кутадгу Билиг») и т.п. В современном узбекском литературном языке употребление имени указанного типа без аффикса –лик почти не встречается, его можно иногда видеть в языке фольклорных произведений. Примеры на все случаи: 1) якин боришини хам, бормаслигини хам билмай... (А.Каххар). – Он, не зная близко подходить или не подходить, ... 2) Кўрмаслик (Ислам-шаир) – не видеть. 3) Олмаслик (хивинский говор) – не взять. 4) Ўзини билмасликка солди (А.Каххар, «Женщины»). – Он притворился незнающим (букв. «Он бросил себя в незнание»). В случае не употребления аффикса –лик мы вместо имени указанного типа имели бы субстантивированное причастие: билмас незнающий. 5) Билмасликдан («Алпамыш») – от незнания. Ср. билмасдан (там же) – не зная (тут употребление элемента –лик различает значение). 6) Устозим ўратган мени кўркмасга (Ислам-шаир). – Мой учитель меня научил не бояться (кўркмасга – кўркмасликка: не бояться). 7) Етолмасини билиб («Алпамыш») – Зная, что он не может догонять (етолмас – етолмаслик: не уметь догонять).

5. Слова бор (есть, имеется) и йўқ (нет, не имеется) в значении отвлеченного имени имеют аффикс –лик (борлик – наличие чего-либо, йўқлик – отсутствие), но данный аффикс часто, особенно в живой речи, в этом случае отсутствует, но значение слова от этого не

изменяется (возможная омонимия уточняется в контексте), на что примеров очень много.

Приводим примеры для иллюстрации употребления или отсутствия аффикса -лик (без смыслового изменения) в разных соединениях: 1. Камлик – недостаток, недостаточность, нехватка (кам – мало): 1) Бу ишдэ кэмлигим (Навои, «Александрова стена») – мой недостаток в этом деле. 2) Камлиги йўк юришдан (Ислам-шаир, «Описание лошади») – нет у него недостатка в ходьбе. 3) Нимадан камлиги бор? (Ф.Юлдаш, «Витязь в тигровой шкурке») – какой недостаток у него? 4) Камлик («Шайбонихан») – скромность. 5) Ками йўк юришдан («Равшан»). – Нет у него недостатка в ходьбе. 6) Сурагдан хеч ками йўк (Гульхани) – Нет у него недостатка по виду. 7) Эринг бўлса, сенинг недан каминг бор? («Равшан») – Раз есть муж, в чем у тебя недостаток? 2. Манман – манманлик: эгоизм. 3. Хато – хатолик: ошибка (не смешивать с этим форму хатолик в значении «ошибочность»). Это произошло таким путем: слово хато употребляется в двух значениях: ошибка и ошибочный; слово хатолик (ошибка) образовано от прилагательного хато. 4. Тезда – тезликда: быстро. 5. Бутунича еди (сказка «Три братья – богатыри») – бутунлигича еди: целиком. 6. Бекор гапнинг нима кераклиги бор? («Алпомыш») – ...нима кераги бор? – Кераклик – керак (надобность).

Теперь приводим примеры, где отсутствие аффикса -лик не согласуется с нормами современного узбекского литературного языка. Явление данного типа встречается иногда в староузбекском языке и в народных дастанах (часто в стихотворной речи по требованию размера): Эзим кыйинлар тортди (Навои, «Собрания изящных людей») – он испытывал большие трудности (кийин – трудный, кийинлик – трудность). Кичигидэ (там же) – в детстве (кичик – маленький; кичиклик – детство). Кичиктин хизмат қилиб эди («Бабур-наме») – Он служил с детства (кичик – маленький, младший; кичиклик – букв. «малость» – детство – годы детства)... семиз учун (там же) – из-за полноты (семиз – полный, семизлик – полнота). Ошлыксыздын (там же – из-за отсутствия зерна (ошликсиз – без зерна, ошлыксызлик – отсутствие зерна). Кулундаги товушиман кишнади (дастан «Кундуз и Юлдуз») – лошадь ржала голосом своих жеребьчих времен (кулун – жеребенок, кулунлик – букв. «кулун+ство» – жеребьчих годы). Яхшилик қил, болам, ёмонликни от («Равшан»). – Делай доброту, мой сынок, выброси зло (яхши – хороший, яхшилик – доброта. Ср. ёмон – плохой, ёмонлик – название

качества от ёмон). Из народной песни: кичик кизим – Назмихон догторликка ўқийди (моя младшая дочка - Назмихон учится на «дكتورство» - врачевание); но: менинг синглим – Зебиой агрономга ўқийди (моя младшая сестра – Зебиой учится на «агрономство», на агрономию). Кўздаги равшан, (дастан «Ширин и Шакар») – светлость в глазах (равшан – светлый, равшанлик – светлость). Чакирилган ернинг узоғи йўқ (поговорка) – место, куда тебя пригласили, не имеет дальности (так как ты имеешь приглашение; узок – далекий, узоклик – дальность). Гунчасида (на вопрос «когда?») в дастане «Далли»: гунча – бутон, гунчалик – «период бутонства» (когда роза будет в виде бутона). Очликдан норасталар фар'ёд дейдилар («Кунтугмыш») – Ребята от голода кричат (реч идет о двух грудных ребятах, выброшенных беком на дорогу в пустыне): очлик - голод (оч-голодный); но там же: очдан ўлса, ... (если они умрут от голода, ...) Кўнглидаги шодини («Шайбонихан») – Свою радость в сердце (шод – радостный, шодлик – радость). Узуни йигирма газ (сказка «Бедная девушка», маргеланский говор). – Длина двадцать аршин (узун – длинный, узунлик – длина). Из народной песни: ипмиди, ипакмиди кийганингиз? – Одетаая вами одежда нитяная или шелковая? (ип – нитка, иплик – материя, сделанная из ниток; ипак – шёлк, ипаклик – сделанная из шелка материя) и т.п.

Имена указанного типа при помощи аффикса –лик, как известно, обычно образуются от прилагательных и некоторых наречий; но встречаются и случаи иного порядка:

1. Данная морфема присоединяется и к именам существительным. Примеры: одамлик - человечность (одам – человек). Ср. одамлығ (у Навои), мағуллук («Бабурнаме») – грабительство, хайвонлығ (Навои, «Возлюбленный сердце») – хайвонлик (дастан «Хушкелди») – скотство (хайвон – животное, скот), оталығ (Навои, «Письма») – отцовство (ота-отец), тупроғлык (Навои, «Александрова стена») – перед кем-либо считать себя несравненно маленьким (тупроғ – земля, грунт), кишилик (Ахмад Югнаки) – человечность (киши – человек): кизлик – девичество, девственность (киз-девочка), бўрылығ (Навои) – хищничество; алчность (бўри-волк), болалик - детство (бола-ребенок, парень), солдатлик – солдатство (солдатская служба, положение солдата). Ясно, что в указанных случаях имя (основа) воспринимается как прилагательное. Оно выражает сумму признаков, присущих предмету, выраженному основой (сами существительные, как киз – девушка,

кахрамон – герой и т.п., имеют характер прилагательности). Видно, что данное явление связано с употреблением слова в переносном значении. Аффикс –лик для образования имени с отвлеченным значением иногда присоединяется к собственным именам. Например, религиозное слово: яссавайлик – яссавай +ство-суффийство (ср.яссавайя – религиозно – суфийская школа Ахмада Яссави); новое слово: форрестоллик – форрестольство – сумашедшие, помещательство.

2. Аффикс –лик иногда, очень редко, присоединяется к местоименным основам. Например, мэклик (Гулхани) или мэммэклик (дастаны «Алпамыш», «Равшан» и др.) – эгоизм. В этом значении у Навои встречается слово ўзлук (ўз-сам), но это слово (ўз) исторически является существительным. В качестве примера присоединения показателя отвлеченности к местоимениям можно привести слово кимлик (ким-кто?), нималик (Нима-что?). Эти слова, по семантической особенности, обычно употребляются вместе в притяжательным аффиксом (кимлиги, нималиги). Например, унинг кимлигини биласанми? – Знаешь ли ты, кто он такой? Унинг нималиги менга ма'лум, – Мне известно, что он такой.

3. Указанный аффикс иногда присоединяется к числительным. Например, дафтарнинг юзталигини аникладингми? – Ты уточнил ли, что тетрадей сто штук (юз – сто).

4. Он иногда присоединяется и к причастиям. Например, етилганлик – зрелость (етилган – назревший). Значение аффикса –лик в указанных случаях соответствует русским аффиксам абстрактного значения -ина (тишина, глубина), -изна (белизна, голубизна) – есть, -ость (свежесть, честность), -ота (простота, пестрота) и т.п.¹ Им выражается абстрактное понятие качества, профессии и т.п. (оклик – белизна, коровуллик – «караульство», шоирлик – «поэтьство» – профессия поэта, народниклик – народничество и др.). С этим связано и другое значение этого аффикса – значение принадлежности.

В некоторых случаях слова указанного типа имеют и конкретное значение. Например, тириклик (живость и жизнь), касаллик (нездоровье и болезнь), суюклик – жидкость (отвлеч. сущ. и название такого вещества), оклик (белизна, белая материя и общее название молоко и кислого молока. Ср. пословицу: оклик бўлса, очлик йўк. – Когда есть оклик, нет голода), ёруглик (светлость и свет), оғирлик – тяжесть и вес), тайёрлик (готовность и подготовка), йиллик

¹ См. В.В.Виноградов. Русский язык. М.-Л. 1947. стр. 110-112. 136-139.

(годовщина и годовой), яллуқ (свет, пламя; ял-огонь), ширинлик (сладость и сласти, йўвлик (ёвлик-вражда) — прапврануқ (хивинский говор; в этом случае, повидимому, имеем дело со значением принадлежности) аналик (материнство и мачеха: в хивинском говоре), кизлик (девственность и девственная честь в физическом смысле), иккилик (двойственность — двустийше), камлик (недостаток, дефект: но: недостаточность — камчиллик), айрилик (разлученность и разлука) и др. В виду указанного двойственного свойства данного образования иногда значение этого иффикса конкретизируется только при помощи контекста. Ср. еще примеры: баландлик (высота, горка и отвлеченное существительное), тирикликда (в жизни и при жизни). В некоторых образованиях аффикс —лик связывается со значением времени. (Это присходит от абстрактного значения данной морфемы). Например, болалик (детство и детские годы), кичиклик [малый размер — «малость» и «детские годы» («Кунтугмыш»)]. В этом случае данное слово обычно употребляется в пространственных падежах.

О СОПУТСТВУЮЩИХ ЯВЛЕНИЯХ ПРИ АФФИКСАЦИИ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье затрагиваются фонетические и позиционные явления, связанные с аффиксацией: фонетический облик словообразующих морфем, фонетические изменения, возникающие при аффиксации (в основном — при аффиксальном словообразовании), а также: вопрос местоположения морфем в слове¹.

Фонетическое оформление аффиксов особенно подробно освещено в исследованиях Н. А. Баскакова². Аффиксы обычно встречаются в составе многосложных слов, но такие примеры, как йем фураж (йе — есть, кушать), газ³ -гусь (га - га: звукоподражательное слово), показывают, что

¹ Основные положения данной статьи изложены в работе автора «Проблемы исторического словообразования узбекского языка. I. аффиксация» (автореферат). Ташкент. 1955. стр. 7-13.

² См., например, Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, часть первая, М., 1952. Данный вопрос частично затронут в статье автора «К некоторым вопросам аффиксации в узбекском языке» (сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию»). М., 1953. стр. 102. 103).

³ Употребление символа ɔ в примерах, взятых из современного литературного узбекского языка и несингармонистических говоров, явление более-менее привычное в литературе в области узбекского языкознания: к ɔ р - снег (орфографически: кор. Буквой О совр. узб. алфавита мы передаем оглубленный гласный заднего ряда, среднего подъема: кол - рука). Данная форма передачи (к ɔ р - орфографически: кор) постоянно придерживается в изданиях старых памятников буквами совр. узб. письменности значит, как справедливо указывает проф. К. К. Юдахин, узбекские языковеды очень легко заставляют «окают» даже такие памятники, к которым это явление никак не относится. например, при транскрибировании «Кутадгу билиг» или кашгарских текстов Махмуда Кашгарского. В такой форме передачи «окают» и Алишер Навои (XV в.): болту - топор. бори — все. бос — давить, кош — перед. передняя часть, сол -

простое неимеющее скопление согласных (ср. пышт—междометие, употребляемое для загона кошки, брысь, пыш-пыш: междометие для вызова кошки) - односложное слово тоже иногда может быть производным.

Почти все аффиксы ударны. Имеются случаи, где а' - ликсы-омонимы различаются при помощи значения. Например, словообразующий аффикс имен -ма - ударный элемент; аффикс, образующий отрицательный аспект глагола. -ма - безударный. Таким путем, при помощи ударения различаются и значения слов. Это говорит не в пользу утверждения В. В. Раллова о том, что в тюркских языках ударение не имеет смыслоразличительной роли¹.

Отметим одно явление, имеющее отношение к фонетике морфем: иногда аффиксы-омонимы «дифференцируются» и тем, что присоединение к корню одного из них вызывает фонетическое изменение в корне, а при соединении другого это изменение не наблюдается. Примеры: кишлоғи (кишлоқ - село, деревня, -и: possessивный аффикс) - кишлоқи (-и словообразующий аффикс). Ср. еще бузук (разрушенный, порочный): бузуғи (-и: possessивный аффикс; субстантивация) - бузуқи - склочный, бузатер (-и: словообразующий аффикс); мишиқ, (сопля, сопли): мишиғи - мишиқи (сопливый).

Характерным фонетическим признаком аффиксов в узбекском языке, как известно является то, что они в звуковом отношении подчинены корню. По словам проф. В. А. Богородицкого, гласный корня -

класьт, коз - гусь, кон — кровь и т. д. (См., например, «Краткий словарь к произведениям узбекской классической литературы»: составленный кандидатами филол. наук. П. Шамсиевым и С. Ибрагимовым. изд. АН УзССР, Ташкент, 1953) В связи с передачей заднеязычного широкого гласного буквой О совр. узб. алфавита (кор - к^ор) возникает вопрос о том, что можно ли видеть в этих случаях, например, у Наваи, явление оканья. Оканье - очень трудный, спорный вопрос. Памятники, написанные арабским алфавитом, очень осложняют этот вопрос, так как в них в употреблении алифа наблюдается непоследовательность, благодаря чему чтобы прочесть слово, надо было знать его произношение. Памятники, написанные арабским алфавитом, еще указал проф. П. М. Мелиоранский, будут всегда источником довольно смутным, это обстоятельство всегда было и будет большой помехой для лингвистического исследования дошедших до нас памятников..., особенно со стороны фонетики и этимологии. (См. П. М. Мелиоранский, Араб-филолог о тур. яз. СПб. 1900, стр. 1-3) Если в указанных случаях, для того, чтобы не отождествлять случаев آ -снег (где употреблен знак алиф) и آ -слои, آ — котел [где гласный первого слога, по правилам арабской письменности, ничем не передается-огласовка на письменности, отражается; в случае отождествления этих явлений (آ и آ) непонятным остается: почему в указанных памятниках в первом случае стоит алиф, а во втором случае гласный на письме не отражается] употреблять букву О (кор), то, все равно, это наводит на мысль об оканьи. Исследования проф. К. К. Юдахина (См. К. К. Юдахин. Материалы к вопросу о звуковом составе чагатайского языка. Сб. «Культура и письменность Востока», кн. IV. Баку, 1929) и проф. А. К. Боровкова (См. А. К. Боровков, Алишер Наваи как основоположник узбекского литературного языка. Сб. «Алишер Наваи» - М.-Л., 1946) по определению состава фонем старобухарского языка, эпохи Наваи, показывают отсутствие в указанных памятниках гласного - о (к^ор - кор). В данной, статье для передачи указанных случаев в примерах, взятых из письменных памятников истории узб. языка, употреблена буква А (а для передачи переднего ряда - знак э).

¹ См.: W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig. 1882. стр. 97. См. об этом нашу работу «Ударение в узбекском языке» (на узб. языке). Ташкент, 1947. стр. 10-18.

обуславливающий, а гласный аффиксов обуславливаемый. Многие аффиксы не имеют стандартной формы (в противоположность тому, что структура корня, как правило, устойчива), они имеют чередующиеся дублеты. В результате такого варьирования по закону гармонии звуков каждый аффикс имеет несколько вариантов: по линии палатальной гармонии, по линии лабиальной гармонии и по линии гармонии согласных. Обычное число вариаций аффикса по указанной линии - два (при наличии лишь одного нёбного притяжения) и четыре - при соблюдении обоих принципов гармонии гласных¹; «и то, и другое число может быть удвоено, если начальный согласный аффикса подчиняется гармонии согласных»². Ср. отдельные аффиксы понудительного залога: -ғъз, -ғуз, -ғаз, -каз, -ғъз, -ғуз, -ғаз, -каз. В результате такого сингармонистического чередования, ввиду наличия чередующихся дублетов, по мнению Е. Д. Поливанова, «мы просто не можем даже искусственно назвать суффикс данной морфемы вне сочетания и в зависимости от основы... и, следовательно, суффикс... с независимым своим звуковым составом не существует»³. Такое чередование звуков в аффиксах - известное явление в памятниках истории узбекского языка.

Обстоятельное освещение сингармонизма, его природы и роли в истории тюркских языков в исследованиях акад. В. В. Радлова, проф. П. М. Мелиоранского, членов-корр. АН СССР В. А. Богородицкого, С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, Л. Н. Кононова, проф. Н. Л. Баскакова и др., нас освобождает от необходимости останавливаться на общих вопросах сингармонизма в тюркских языках: в трудах указанных ученых, как известно, исследованы история, эволюция звуков в тюркских языках, анализированы материалы древнетюркских языков, отдельных современных тюркских языков. Это обстоятельство дает нам возможность ограничиться несколькими замечаниями по вопросу характера и места в истории узбекского языка явления гармонии звуков

1. Явление гармонии звуков было чувствительно в языке древних памятников, в староузбекском языке (ср. слова Наваи в «Споре двух языков» о четырех вариантах произношения — чтения букв **вау** и **йай** — о «тонком» — мягком и твердом произношении их; такое написание, как **көпрәк** и **йахшҗрак** в «Александровом вале»), но тогда тоже оно не совсем строго проводилось (не все говоры были сингармонистическими). Эта неустойчивость не раз отмечалась в тюркологической литературе. Тут надо иметь в виду и затруднения, связанные с арабским алфавитом, с манерами

¹ См.: Н. К. Дмитриев. Этюды по сербско-турскому языковому взаимодействию (ДАН-В. № 12. 1928. стр. 273).

² Н. К. Дмитриев. Гр. башк. языка, стр. 40.

³ Е. Д. Поливанов. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 9-10. Ср. его другую работу: Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент. 1933. стр. 12.

написания и чтения¹. Например, у Кутб"а («Хусрау и Ширин») слово АРАБЧА (почему-то во втором слоге содержит гласный у, а не ь. Это явление можно объяснить двояко: а) данное начертание, несмотря на то, что в этом иностранном корне после вав'а пишется алиф, в узбекском языке обычно читается так, что как будто он написан без алифа: хор (ср. современную разговорную форму: шыллув || хыллув). Вопрос осложняется тем, что слова указанного типа в источнике читается с пропуском "ду"а, но с сохранением алифа. (Ср. слова АРАБЧА), это положение, возможно, наблюдалось и в старобухарском языке. Но произношение через узкий огубленный гласный некоторых из этих слов (АРАБЧА), возможно, имело место и в старобухарском. Значит, употребление в упомянутом аффиксе огубленного гласного верхнего подъема, можно полагать, обусловлено присутствием в узбекской форме этого слова (в корне) огубленного гласного среднего подъема, (закон лабиальной гармонии); б) независимо от того, что имеется ли в корне огубленный гласный или нет, некоторые аффиксы нередко огласуются через у, у (ү), а не неогубленный гласный (и в старобухарском языке, и в некоторых современных диалектах): артук. - лишний (Навай, Саиди Исхандарий - СИ), ачук - открытый (там же), танук - свидетель (Навай, СИ), кьлуг - поступок (ташкентский говор), йьртуг - рвань, лохмотья (там же), тешув (<тешък) - дыра, дырявый (там же) и т. п. Видно, что в словах указанного типа, особенно в словах, где первый слог содержит гласный а - э, второй закрытый слог, кончающийся согласным ғ - қ или к - г, нередко содержит огубленный узкий гласный. Эта тенденция старобухарского языка, возможно, мотивируется тем, что конечный согласный второго слога (= или к) в указанных случаях в произношении, как правило, имеет другой вид (первый произносится как слабый \, за счет этого ослабления предыдущий гласный получает заметную долготу, второй - как слабый ғ², или как й). В произношении указанного согласного

¹ Ср. «... колебание мы видим в тюркских словах, написанных арабскими буквами, где имеется только одна буква для выражения двух узких гласных». (В. Радлов, О языке куманов. Приложение к XVIII тому Записок Академии наук. № 4. СПб. 1884. стр. 16). О том, что старая орфография является большим препятствием в историческом исследовании фонетических особенностей (отсутствие последовательности, малограмотность писцов, включение диалектальных элементов), писал и А. А. Фрейман. См. его статью: Согдо-хорезмийские диалектологические отношения («Советское востоковедение». IV. 1947, М.-Л., стр. 161). Исследователь языка среднеазиатского «Тэфсира» А. К. Боровков, ввиду указанного обстоятельства, считал более рациональным отложить фонетический анализ «Тэфсира», а обследовать его грамматически (А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка. II. Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского «Тэфсира». XIV-XV вв. «Советское востоковедение». VI. 1949, стр. 24-51). Ср. в словаре «Абушка» иногда одно и то же слово дается в двух, даже и в трёх вариантах: сачък, сачьг, сачук, и т. д.

² В образовании возвратного залога аффиксы Қ и К произносятся четко, поэтому здесь мы не имеем перехода гласного И в У. Ср. тынуг (им. прилагательное, чистый; отстоявшийся - о жидкости, тын-тын' - отстаиваться; про жидкость) - тыньк (возвратная форма глагола тын - успокаиваться), керък (возвратная форма глагола кер - потягивать, раздвигать). По правилам совр. орфографии, они пишутся в одинаковой форме. Мы в одной из своих работ писали, что показателей возвратного залога не два, а четыре: л, и + к' - к ш (о способах словообразования в узбекском языке. Труды Института языка и литературы имени А. С. Пушкина АН УзССР. вып. I. Ташкент. 1949. стр. 82). Исследования проф. Н. А. Баскакова по

чувствуется элемент превращения в звук **в**, в некоторых случаях он, особенно согласный **к**, уже перешел в этот звук. Ср, төләк (компенсация; в староузбекском) - тылов (в современном узбекском языке), өлчәк (мера; Навои, Фавойидул кабир - ФК) - ылчов (в современном узб. языке), йайак, йайов (пешком, в староузбекском) - йайов (в совр. узб. языке) - Если это объяснение будет приемлемо, то станет ясным, почему второй слог слов кьльк, (поступок, манера), кьчкь (верглявый, от глагола кьч - зудеть), этьк (сапоги) и т. п. произносится через огубленный гласный (кьлуғ, кичуғ, этуғ), а тот же слог таких слов, как кьльш (делать), этьш (делать) и т. п., - через неогубленный гласный **и**. Ср. ещё: бордик (в литературном языке) - б^ордув - мы ходили (в ташкентском говоре), тартьғ (подарок; Навои. Непоследовательность написания) тартув (Фазыл Юлдаш, да-стан «Ачилдау», в дальнейшем сокращенно: Фазыл, А.): бир йахшь ат тартув кьльд (он подарил одну хорошую лошадь) - тартуғ (в некоторых современных говорах). Еще один пример, имеющий отношение к написанию и произношению отдельных морфем: в «Арабе-филологе...» читаем **АРАБЧА** - широкий (стр. 697). Возникает вопрос: почему во втором, открытом слоге, написано **у**, а не **и**? Это можно объяснить на основе сравнения исторических и диалектальных фактов: конечный согласный этого аффикса (-**лиг** со всеми фонетическими вариантами) в говорах превращен или в **й** (энлий || эллий - с регрессивной ассимиляцией в форме и н - л), или в **в** (энлув || эллув). Ясно, что под влиянием звука в предыдущий гласный получил огубление (**и** → **у**). Форма -ув часто произносится так, что второй звук сильно ослабляется, а первый получает долготу, в результате это произношение напоминает долгий гласный **у**: (например, в ташкентском говоре), а в некоторых говорах - совсем исчезли и последний согласный, и долгота, в результате мы имеем форму с коротким гласным **и**. В присоединении притяжательного аффикса это положение дает ясно узнать себя: ақылльғым || ақылльйым - мой умный ребенок (в ташкентском говоре) - ақыллым (например, в некоторых говорах самаркандской области); Ср. эсьльнг (Пулкан, «Шайбанихан» Ш.) - эсьльнгг (ташкентский говор; эс - память, разум). Видно, что форму **АРАБЧА** приходится читать **энлув**.

Для того, чтобы показать то явление, что закон сингармонизма строго не проводился в староузбекском языке¹, мы приводим некоторые

каракалпакскому языку частично подтверждает это мнение: он указывает, что в каракалпакском языке показателями возвратного залога являются **л, и, к - к** (см. его работу: Каракалпакский язык, III. часть I, стр. 337 - 338).

¹ Ср. «Сингармонизм в произношении сартов выражен очень слабо». (П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о тур. яз., IXI). «Во всех наречиях тюркских, исключая среднеазиатских, являются два узких гласных: гортанное **ы** и небное **і**, между тем как в среднеазиатских наречиях мы встречаем один небноиндифференциальный гласный **й**». (В. Радлов, О языке куманов, стр. 14). См. еще: С. Е. Малов. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии (ИАН СССР, ОЛЯЯ. т. VI. вып. 6, 1947).

примеры, противостоящие этому закону и показывающие разнобои: кэмрак - меньше (Навои, Мухокаматул лугатайн - МЛ), йубармэккэ - для отправления (Навои, Фарход ва Ширин, ФШ), айтуб - сказав (Навои, МЛ), айтб тоже (тамже), келтурмагунча - до того, как он принес (Лютфи), көпрак - больше (М. Салих, Щбнм), кетурмагльг- принести (Амири) и др. Видно, что неподчинение гармонии звуков, непоследовательность, противоречивость наблюдаются не только в заимствованных словах, не только в соотношении речи современного старшего и младшего поколений, но и в самом староузбекском языке.

Не все придаточные морфемы имели все чередующие дублеты: некоторые аффиксы никогда не имели вариантов, ожидаемых по правилам того или иного вида сингармонизма. Например, аффиксы - усилители второго лица единственного числа повелительного наклонения (-гъл, -къл, -къл, -къл)ни в одном памятнике не имеют форм, показывающих их подчинение губной гармонии (они должны были иметь такие формы, так как в составе этих морфем, состоящих из закрытого слога, имеется узкий гласный, а не широкий: в языке памятников широкий гласный обычно не подчиняется этому закону). Так что можно сделать вывод, что эти аффиксы не подчинены были лабильной гармонии. Аффиксы, оканчивающиеся на узкий неогубленный гласный, тоже, как правило, не подчинены этому явлению. Ещё один пример: аффикс-«усилитель», употребляющийся в деепричастии прошедшего времени -ан, в староузбекском языке не имеет формы -эн. В качестве подтверждения этому могут служить формы типа **кельбан** (Навои. «Лейли и Меджнун», - ЛМ), где по правилам сингармонизма надо было ожидать форму -эн.

2. Ход развития узбекского языка показывает, что явление сингармонизма постепенно ослаблялось. В результате этого появилась возможность говорить об утрате во многих говорах сингармонизма, особенно нёбного. (Имеется в виду закрытый слог: открытый слог, как правило, не подчиняется нёбной гармонии и в староузбекском языке. Ср. кушч - птицелов, птицевод в МЛ Навои). Эта утрата является продуктом постепенного, долгого развития. Современные ведущие городские говоры, которые лежат в основе узбекского литературного языка, как правило, утратили сингармонизм. Вследствие этого гласные получили единые, индифферентные типы, появилась стандартная форма большинства морфем, аффиксов¹. Например, аффикс инфинитива в староузбекском языке имел форму **мак**, мэк [куймак (лить) - гәпърмэк (говорить)], в современном языке имеет одну форму. Еще некоторые примеры: показатель степени

¹ Ср. «Для перехода в несингармонистическое состояние нужно, чтобы разорвалась ассимиляционная связь между суффиксами и корнем таким образом, чтобы за данным суффиксом утвердилась одна из разновидностей. Ср. в ташкентском сф. - тақ в неопр. накл...» (В. А. Богородицкий. Введение в тат. яз., стр. 101).

сравнения имен прилагательных: рақ, рәк → рақ [кальирақ (толще) - көпрәк (больше) → кальирақ, копрақ], показатель отглагольного имени: ыш, иш; уш, уш - иш во всех случаях и т. п. Подобные изменения в сингармонизме облегчили дело в области орфографии. Ясно, что неправильно было решение первого республиканского орфографического съезда (1929 г.), который в основу орфографических правил положил сингармонизм. Не учитывалась тогда утрата сингармонизма в ведущих городских говорах.

В отдельных говорах сингармонистические дублеты некоторых аффиксов ещё сохраняются и сейчас. Надо добавить, что и в этом отношении по разным говорам наблюдаются разные формы. Например, в ташкентском говоре: $\text{с}^2 = \text{с}^2 \text{рм}^2 \text{ғ}$ (за счет ослабления звука ғ предыдущий гласный получил заметную долготу) - белегь, бледнеть, кук $\text{с}^2 \text{рм}^2 \text{ғ}$ (зеленеть, синпеть); тыйчуғ (уменьшительная форма от слова тый - свадьба) - в андижанском говоре: с^2 кармақ, к с^2 кәрмәк; тойчык и т. п. Ср. ещё: карсақ (шум от удара ладони о ладонь, аплодисменты; от звукоподраж. слова карс - треск, шум... Ташкентский говор) - карсақ (в том же значении в дастане «Камбағал батрақ» - КБ: «бедный батрақ» Пулкана - шаира; джекающий говор), шумлй (хитрость, шум - хитрый. Ташкентский говор) - шумлык (в дастане «Хушкелди» Иргаша Джуман - булбуля; джекающий говор); отгуз учунчи йил (1933 год. Народный поэт Курбан-ата. Хорезм) ытгиз учынч йыл (ташкентский говор), кошту (сосед, Фазыл Юлдаш) кышнь (ташкентский говор), акылд $\text{с}^2 \text{ғ}$ (пустолайка-собака, акылла - брехать, лаять. Ташкентский говор) - экилләк (сарайский говор Андижанской области), иска (нюхать, ис - запах. Ташкентский говор) - ьска (наманганский говор), узук (обрывок, оборванный, уз - обрывать, отрывать. Ташкентский говор) - узук (андижанские говоры. Эта форма в ташкентском говоре имеет значение «перстень»), кызыкчылык. (комизм. Нур-Али) - кызугчиллий || кизихчиллий || кизухчиллий (ташкентский говор). Подобные варианты постепенно, по мере усвоения литературного языка, сливаются в одну форму.

Постепенное отмирание сингармонизма мы ясно видим, если сравниваем, во-первых, речь современного старшего и младшего поколений, во-вторых, факты староузбекского языка с фактами современного узбекского языка. Примеры: 1) Ташкентский говор (в речи старшего поколения): йахшилуг (благоденствие, добро, йахши - хороший), танис $\text{с}^2 \text{ғлук}$ (здоровье), с $\text{с}^2 \text{ғлукка}$ (форма дательного падежа слова с $\text{с}^2 \text{ғлук}$ - здоровье), киргиз || кийиз (<кигиз<киргиз - разреши войти), сутлуг сигир (дойная корова, корова, которая дает много молока) - (в речи молодого поколения) йахшилиий (яхшилиг || яхшилик), танис $\text{с}^2 \text{ғлий}$, с $\text{с}^2 \text{ғликка}$, киргиз (понудительная форма от глагола кир - входить), сутлий сигир - (в соврем. узб. литерат. языке): яхшилик, соғлик, киргиз,) сутли (<сутлик).

Отсюда нельзя прийти к выводу, что речь старшего поколения - сингармонистична, а младшего поколения - несингармонистична. В действительности дело обстоит так: речь обоого поколения в общем несингармонистична, но в речи старшего поколения еще сравнительно больше элементов сингармонизма. 2) Кӱргуз - покажи (Навои, МЛ; повелительная форма глагола кӱр - смотри) - кыргыз || кыргыз || кыргыз || кырсат (ташкентский говор) - кыргыз, кырсат (соврем, лит. язык, йоклук - отсутствие (Навои, (СИ) - йығлий (ташкентский говор) - йоклик (лит. язык), берм² к - давать, дать (староузбекский) - берм² ғ (ташкентский говор) - бермок (лит. язык), шадлығ - радость (Навои, СИ) - ш² длий (ташкентский говор) - шодлик (лит. язык), учинч² - третий (Навои, СИ) - учинчи (ташкентский говор, лит. язык), бармағыл (Навои) - бармағын - не пойти (Лютфи) - бормагин (ташкентский говор, лит. язык), йалгузун - в одиночестве (Лютфи) - йолғиз (ташкентский говор, лит. язык), каравуллук - караульство («Бабур-наме» - Б., Изд. Н. Ильминского, Казань, 1857) - қоровуллий (ташк. говор) - қоровуллик (лит. язык), қорунуб - виднясь (Навои, СИ) - коринип (ташк. говор), - кыриниб (лит. яз.), куйдурур - сжигать, обжигать (Атаи) - куйдириш (ташк. говор) куйдириб (лит. яз.), йуқундурулмақ - повелительно - страдательная форма от глагола йуқун - становится на колени, преклоняться (Б. Здесь же мы наблюдаем противоположность палатальной гармонии: к - к.) йуқинтирмок, (архаизм. Ташк. говор, лит. язык).

Приведем некоторые производные слова, где аффикс фонетически (с точки зрения правил сингармонизма) противостоит корню (примеры - из ташкентского говора): соқуғ (распоротый по швам, сок - пороть), кесатуғ (ирония, кесат - иронизировать), битуғ (архаизм: бит - писать). Употребляется в устарелом фразеологическом сочетании: пешанадиги битуги болади - будет то, что с начала на лбу, т. е. то, что предопределено судьбой - Ср. битик (письмо: в древних памятниках), кесуғ (порез, срезанный; кес - резать) - ср. кесик (в том же значении в андижанских говорах) и т. п. Поговорка байағи - байағи, байхожани тайағи (употребляется тогда, когда не будет ожидаемого изменения, например, тогда, когда грубиян после многих предупреждений тоже вел себя попрежнему) в соврем, ташкентском говоре не имеет рифмовки (байағи - тайағи), так как первое слово в нем произносится в форме б² йиғи (вместо аффикса - ғы употребляется - ги), а второе слово имеет прежнюю форму. Ср. еще: қари киз² ға чикар, кетидан ғ² ға чикар. (Пословица).

3. Некоторые фонетические варианты аффиксов в современном узб. языке различаются по значению. Например: борлик (все, что есть, все, что существует; бытие, существование) - борлик (наличие чего-либо. Ср. такое различие в ташк. говоре: тинуг - прозрачный; отстоявшийся - о жидкости: им. прилагательное, тиник - отдохнуть: глагол). Однако это редкое

явление, Ср. в «Арабе-филологе о тур. яз.»: тузлуг - солонка, тузлыг соленый (стр. 0101).

Итак, фонетические разновидности аффиксов в настоящее время могут указать на: 1) варьирование по гармонии звуков, историческое соответствие отдельных элементов [бекик йапык, (закрытый), тирик (живой) – сыник (сломанный); «колдамак» (у Навои) -кылламок (в современном узбекском языке; поддерживать)]; такие дублиеты в отдельных случаях «распределены» по говорам:¹ один вариант живет в одном говоре, второй - в другом; 2) диалектальные различия [в ташкентском говоре: биззики (наш) - в кокандском и в некоторых других говорах: биззики, Ср. «бъздъкъгъ» (из народной поэмы «Кунтугмыш»). Еще: кыпинча (часто) купинчи, олти ойчалик йылда (в шестимесячном расстоянии) – «олтойчилик йылда» (Х. Алимджан), неча кун? (сколько дней?) – «нечь кун?» (из народной поэмы «Равшан" - Р)]; 3) семантические различия. (Здесь можно говорить о размножении аффикса, о появлении другого аффикса).

В результате фонетических изменений в отдельных случаях могут появляться новые аффиксы (не фонетические варианты одного аффикса). Например, аффикс глагольного образования -ка дал аффикс -а: исчезновение звука г, к, к, г в начале аффикса очень распространенное явление [тиркамок (прицеплять) – тирамок (подпирать, упирать)]; таким путем образовался аффикс -ок [кочкок (беглец) - кочок. (беглец, но по значению уже, чем первое слово)]. Современные разные аффиксы имен (в широком смысле) -лик и -ли восходят к древнему аффиксу лыг... Такие образования, как качкын (беглец) - качкан (бежавший), семантическая и формальная близость этих аффиксов дает некоторое основание думать о том, что современные разные аффиксы кан (словообразующий аффикс причастия) и -кын (словообразующий аффикс имен существительных и имен прилагательных) появились в результате раздвоения единого аффикса.² Это явление ещё ярче в процессе эволюции аффикса деепричастия -ганча в узбекском языке. Данный аффикс в современном языке имеет две формы: -ганча и -гунча. Они семантически различны, значит, мы теперь имеем два аффикса. Но в языке фольклорных

¹ Ср., например, в ташкентском говоре узук (оборванный), а в андижанском говоре - узук.

² См. Н. К. Дмитриев. Аффикс - ган... (ДАН В, 1926, стр. 67). Ср.: «Подобно тому как в лексике существуют гнезда близких по значению и фонетическому оформлению слов, - в системе словообразования существуют гнезда близких по грамматическому значению и фонетическому оформлению аффиксов». (Н. А. Баскаков, К вопросу о происхождении условной формы на -са -се в тюркских языках. Сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию». М., 1953, стр. 62). Возьмем для примера аффиксы уменьшительно - ласкательности -чак, -чак, -чук, -ча, -чи. Несомненно, они имеют этимологическую общность. Это ещё не все. Сюда имеет отношение аффикс -чи, который, присоединяясь глаголу, выражает «размельчание», «раздробление»; своего рода «ослабление» действия. Ср типирла (трепыхаться, биться в конвульсиях) - типирчила (то же с указанным оттенком), терла (потеть) - терчила (слегка потеть).

произведений и писателей старых эпох мы находим немало примеров, где обе функции выполняет аффикс — ганча (об этом отдельно). Этот путь размножения сыграл известную роль в развитии аффиксов, что будет подробно рассмотрено нами при анализе конкретных аффиксов. Здесь мы приведем лишь некоторые примеры, чтобы показать вообще путь постепенного изменения аффиксов (примеры смешанные, разнородные: в одном случае фонетическое изменение дает новый аффикс, в другом случае функции их остается почти без изменения и т. п.): чертмак (пощелкивать пальцами) - чертмак (название игры в шелчки), богаз (беременная; пролив) бокуз (горло, глотка, гортань), кызганчык (ревнивый, скупой) - кызганчок (то же), ойинчык (игрушка) ойинчак (игривый)¹, хайкырык (крик) хайкырак (крикливый, горластый), курумсақ (скряга) карымсуқ (похожий на старообразного человека) йейимсак (человек, который много кушает), көргүздь (М. Салих)² - кыргызди (значение обоих слов: он показал), йанушть (М. Салих, Ш.) йопишти (значение обоих слов: он прилип, привязался), тегурмак (Б., Издание Н. Ильминского, Казань, 1857) тегдирмак, тегизмак (значение их почти одинаково: заставляя или позволяя прикасаться), огдир (наклонять, склонять кого-либо к чему-либо) — ағдар (переваливать, сваливать), алдоқчи (обманщик) - алдовчи (то же), сарғаймак (желтеть) сарғаймак (то же в староузбекском языке), бижгимок (кишеть, вонять) бижимок (то же, но сравнительно слабее в смысловом отношении), кечкучи (проходящий. Эта форма встречается в староузбекском языке) кечувчи (то же, в современном узбекском языке) и др. Отсюда ясно, что некоторые аффиксы не первоначальны, они образовались от других, более древних, аффиксов (ғ, к → в, г, к → в, гу → в, -эку → эв: в образовании порядковых числительных, -ғиз → из: в образовании понудительного залога, -тир → т: то же и др.)

4. Выше было сказано о сравнительно слабом распространении в памятниках истории узбекского языка лабиальной гармонии.³ В этом отношении староузбекский язык характеризуется тем, что в нем:

1) несмотря на сохранение лабиальной гармонии, встречается немало разнобоев (кроме того случая, что широкие гласные не подчиняются этому закону). В подчинении аффикса губной гармонии в многосложных словах берется в расчет последний слог. Примеры: жандын илик ййулуб, өлүмгэ көнүл қойулуб - потеряв надежду на оставание живым, подчиняясь смерти (Навои, М), курут - сушенный творог (Навои, МЛ), богзум - мое горло (там же), чурук - гнилой (Навои, СИ), от куйдудур - он огонь зажигает (Атаи), өчук шам" - погасшая свеча (Навои, ФШ), мажнунлук. (Навои, М),

¹ Ср. в ташкентском говоре: ыйинчок (игрушка) - ыйинчук (то же).

² Изд. П. М. Мелиоранского, СПб., 1908.

³ По вопросу, связанному с историей палатальной и лабиальной гармоний, смотри работу И. А. Батманова, где анализированы точки зрения В. Радлова и О. Белингка: И. А. Батманов. Современный киргизский язык. часть первая. Фонетика. Фрунзе, 1953, стр. 67, 68.

махрумлук - лишение (там же), бузуглук - развращенность (там же), каравуллук - караулство («Б - Н») и др. В современном узбекском литературном языке указанное явление, как правило, не наблюдается (ср. бўйин - шея, кўнил - сердце, бўғиз - горло, ўлим - смерть, коровуллик и т. п. Но: бузук - испорченный, куйук - густой, йутук - успех и немного других случаев). В джекающих говорах элементы этого явления встречаются сравнительно больше: олтур - убей (Пулкан, ББ), шохлугъдан - из-за шалости его (Эргаш, К), согушть - они сражались (Эргаш, Д) и др.

2) Конечный открытый слог, как правило, закону лабиальной гармонии не подчиняется. Например: тутъ - он задержал (Навои, ФШ), козь - его глаза (Лютфи, но: көзум мои глаза, он же), колы - его руки (Навои, СИ, но; колум - мои руки, там же), бурункъ - прежний (Навои, М) и т. п. Отклонения от этого положения - редкое явление. Такие употребления, как тортусь - их четверо (Абулгази), нехарактерны и для староузбекского языка.

3) Такие формы, как соргу - спрашивание (Навои, МЛ), көргу - видение (то же), не обусловлены лабиальной гармонией - присутствием на первом слоге огубленного гласного, так как аффикс отглагольного имени - гу (со всеми фонетическими вариантами), независимо от того, какой гласный стоит в первом слоге, содержит гласный у//у (в соврем. узб. языке -и). Ср. бьлгу, баргу (Наван, МЛ).

4) Аффиксы залогов употребляются с гласным у//у (в современном узбекском языке с и). Отсюда можно сделать вывод, что они подчиняются лабиализации (см. В. А. Богородицкий. Введение в тат. яз., стр. 129 - 130): койул (Навои, М) - страдательная форма глагола кой (положить, поставить), йуцул (там же) страд. форма глагола йуй//йув (мыть), көрун (Навои, СИ) возвратная форма глагола көр (видеть), куйдур (Атаи) - понудительная форма глагола куй (гореть), көргуз (Навои, МЛ) - понуд. форма глагола көр (видеть). Но трудность заключается в том, что аффиксы понудительного залога при всяком фонетическом условии, не только при наличии в корне основе огубленных гласных или при соседстве с губными согласными [Ср. тамузса (Q. В.) - понуд. форма глагола там (капать, падать каплями)], употребляются с гласным у || у, а не ы || и. Примеры: кылдурт (Навои, СИ) - двойная понуд. форма глагола кыл (делать), йашурт (там же) тоже исторически двойная форма [йаш - скрываться; но там же: чыкар (от глагола чык - выходить): форма чыкур совпала бы с формой причастия данного глагола], аттур (Навои, СИ, от глагола ат - бросать, кидать), сындур (Лютфи, сын - ломаться: сын), бышур (Навои, В, быш - зреть; вариться), йандур (там же. йан - гореть), айландур (там же, айлан - вертеться, кружиться, вращаться), тиргуз (Навои, СИ, тир - оживать, воскресать), йараштур (Кутб, йараш - мириться), келтур - (Амири, кел - притти). Видно, что вопрос связан не только с лабиализацией.

Употребление этих аффиксов, особенно тур || дур¹, гуз (и другие варианты) с огубленным гласным, повидимому, связано с их этимологией, или мы тут тоже имеем склонность к употреблению у || у в придаточных морфемах указанного типа [ср. сыну к. (поломанный) и сындур (ломать) в «Мюншаат» е Навои, синик и синдир (в современ. узб. литературн. языке), йаруг - светлый; показатель третьего лица единств. числа (в повелительном наклонении) аффикс -син в памятниках фигурирует узким огубленным гласным].

С точки зрения употребления огубленного гласного в придаточных морфемах представляет интерес аффикс, образующий причастие будущего времени, ар || эр, ур || ур. (Данное причастие является и именем действия, и отглагольным именем). В древних памятниках, в памятниках староузбекского языка и указанном случае сильна тенденция (в сравнении с современным узб. языком) употребления огубленного гласного (встречается и форма с широким гласным). Сначала приведем примеры: келур (в орхонских надписях, кел -приходить), ичур (Q. В., ич - пить), кэчур (там же, кэч - бродить), кулур (Яссави, кул - смеяться), урур (там же, ур - бить), билур (там же, бил - знать), окутур (Рабгузи, окут - учить), келур (Ахм. Югнаки, кел - приходить), кечэр (там же, кеч - проходить, бродить), барур (там же, бар - идти); из стихотворений Лютфи: йуурда (йур - ходить), өткэрчр (өт - проводить), берур (бер - дать), тегэр (тег - трогать, касаться); айтур (Саккаки, айт - сказать); из произведения Навои СИ; айтур (айт - сказать), кылурга (кыл - делать), этэрдин (эт - делать), ичэр (ич - пить), тапар (тап - находить), көмэр (көм - закапывать, зарывать: көмэр йергэ хэр не оғурлады заг. (Ворона что найдет, то зарывает в землю), барур (бар - итти), көрэр (көр - видеть), туташур (туташ - примыкать, граничить), кучар (куч - обнимать), хандак қазарга (казы || қаз - копать), койар (кой - поставить, положить), йумар (йум - закрывать), салур (сал - класть), тушэрдэ (туш - спускаться, ср. тушулгэч - после спускания), ақар (ак - течь), курур (кури - сохнуть), көчэрдэ (көч - переселяться); из других произведений Навои: айтурга (М, айт - сказать), келур (НШ, кел - приходить), берур (там же, бер - давать. Ср.: в народном дастане «Лейли и Меджнун» сказителя Фазыла Юлдаша: берэр - значение то же. Данный дастан еще не издан; рукопись), эскэрур (там же, өскэр - устареть), турар (ФШ, тур - жить; стоять), кетэр (там же, кет - итти, уходить) и др.; келур (М. Салих, III, кел - притти), тушур (Бабур, туш - спускаться); у Абулгази: кылур (кыл - делать), кайтур (қайт - возвращаться, но есть и форма қайтар, в том же значении), келур (кел - притти), кетэр (кет - уходить); у Гюлхани («Зарб уль - масал»): аларда (ал - взять, брать), берурда (бер - давать), барур (бар - итти), айтышур. (айтыш - взаимно - совместная форма глагола

¹ Ср. Ибн Муханна, где эта форма указывается согласовкой у. См. Араб. фил. о тур. яз., XXX.

айт - говорить); йурулда (Турди, йур - ходить), акар (Фуркат, ак - течь); из народных поэм - дастанов: «Ачилдав» (Фазыл Юлдаш): отэр (от - проходить), йарар (йар - рубить), алар (ал - брать), йурур (йур - ходить), келэр; (кел - приходиться); «Маматкарим - палван»: турар (тур - жить; стоять), болар (бол - быть) и др. В современ. узб. литературном языке аффикс указанного причастия имеет форму *ар*. В стихотворной речи иногда, очень редко, употребляется форма *ур*. Из стихотворений Га-фура Гуляма: йаратур (ярат - творить), борур (бор - итти), йорур (<йори + р, йори - стать светлым, осветиться). Такое употребление для современ. языка является архаизмом. Причастие на *ар* в староузбекском языке, в языке пословиц, загадок и т. п. обычно употребляется в значении глагола изъявительного наклонения (общее время). В современном узбекском языке эту функцию взяла на себя другая форма глагола, образующаяся из деепричастия; причастие на *ар* в функции предиката обычно имеет оттенок сомнения, предположения.

Из приводимого иллюстративного материала видно, что употребление во втором слоге (или в последующих слогах) огубленного гласного (*у*) не всегда обуславливается наличием такого же гласного (*у*, *о*) в предыдущем слоге (например, форма айтур. Нет, например, у Навои формы айтар; но: кирэр, нет формы кирур). Это еще не все. Есть случаи, где, несмотря на то, что в первом, предыдущем слоге имеется огубленный гласный и второй, последующий слог является закрытым, в последнем слоге мы имеем не огубленный гласный (например, форма көмэр в СИ Навои. Нет в этом значении у Навои формы көмур¹). Значит, употребление причастной формы *ур||ур* в староузбекском языке и ее дальнейшее развитие, изменение имеет особое фонетическое свойство (наше наблюдение с таким предположением, что нет ли тут формального различия по функции данного слова - когда слово выступает в функции предиката, употребляется одна из этих двух форм, когда оно выступает в функции определения, употребляется другая форма; или: нет ли различия по частям речи - как причастие и прилагательное оно имеет одну форму, а как имя действия - другую форму, не дало ожидаемых результатов). Это свойство, наверное, связывается с тем, какой согласный стоит перед гласным этого аффикса (после согласного *т* часто употребляется *у*, а не *а*; то же после сонорных *л* и *р*; после согласных *к*, *г*, *қ*, *з*, *ч*, *м*, *ш* часто имеем форму *ар*); оно связывается, может быть, с общей тенденцией употребления во втором слоге гласного *у*, а не *и* [хатун - женщина, ашук - лишний и т. п. Ср. йори (быть светлым) - йоруғ (светлый): в староузбекском и современном узб. языке; таны (узнавать, признавать) -

¹ Употребление в СИ форм тузарғ (составить, привести и порядок: настраивать т. д.), сорарга (спрашивать) - отсутствие форм тузурга, сорурга, наверно, объясняется тем, что тут мы имеем конструкцию и форме тузэ-р. сора-р, а не туз-эр. сор-ар.

танук (свидетель), кычы (чесаться, зудеть) - кычук (зудение, чесание). Ср. у МК: ташы (таскать, тащить) ташуттым (я заставил его таскать груз)]; оно могло бы связаться с числом слогов в данном слове, с избеганием от появления омонимии (например, кетур - понудит, залог глагола кет уходить, кетур || кеткэз; кетэр - причастная форма того же глагола).

5. Некоторые аффиксы вообще не подчиняются сингармонизму (об этом сказано выше). Во многих случаях это показывает то, что данная морфема еще не полностью перешла в ряд аффиксов. Например: слово турган (тур - стоять) постепенно начало употребляться в качестве вспомогательного глагола (баратурган - идущий, бар - итти; келатурган - приходящий, кел - прийти), в этой вспомогательной функции оно начало деформироваться: б² райтик² н (самаркандский говор) - б² райдиг² н (кокандские говоры), барадыган - баратыган (джекающие говоры) - б² радиг² н (ташк. говор. Опущен звук р: это - нередкое фонетическое явление; согласный т перешел в д: в соседстве нет глухого согласного; гласный у превратился в и: гласный у обычно употребляется на первом слоге; г перешел в г, но гласный ² еще сохраняется) - бератаган (Пулкан, КБ. Под влиянием гласных а форма тыган взяла вид таган). Ср. примеры: агата га н суу - текучая вода (Пулкан, III), кылмайтаган - не делающий (там же), коркутадыган - человек, который пугает (Фазыл, Ф), келэтыган - идущий (Пулкан, КБ), тушэтаган спускающий (там же), бератыган || бератаган - дающий (там же), конул толатаган малды алатыган болдым - возьму такую вещь, которая мне по-сердцу (Пулкан, КУ). Такое изменение произошло еще в староузбекском языке: эмэдуган (Гюлхани, от глагола эм - сосать), артадуган йукларни - вещи, которые будут погружены (там же). Позднее в отдельных говорах и в литературном языке появилась форма диган. Эту последнюю форму теперь можно считать аффиксом: она подчиняется гармонии звуком: - дыган и диган. В современном узбекском литературном языке, в связи с утратой сингармонизма, - форма -диган для всех случаев.

6. С точки зрения фонетических изменений, в том числе изменения корня и аффикса, изменений по линии закона сингармонизма, староузбекский письменный язык был сравнительно далек от живой речи. Он сравнительно мало отражал эти изменения. Иногда встречающиеся в памятниках некоторые «необычные написания» показывают проникновение элементов живой речи (переписчик вносит элементы своего говора. Иногда данное явление происходит по необходимости, связанной со стихотворной речью). Примеры: агартыб (Лютфи, «Гюль и Навруз»; от слова ак: белый), не:чэ дедим ул сэнэмгэ бармагын¹ - я

¹ Форма бармагын (гын: аффикс - усилитель второго лица единствен. числа повелительного наклонения) для языка эпохи Лютфи необычна (но совпадает с современным произношением и изменении л → н) тогда данный аффикс употреблялся с конечным согласным л а не и. Морфема на л в узбекском

сколько раз говорил этой красавице «не ходи туда» (Лютфи), кетти - он ушел (Навои, СИ), йетти - он достиг (там же), тутты - он задержал (Навои, ФШ), чектим (там же) от глагола чек (чеканить), кэмак - меньше (Навои, М.М), көктэ кобуз - настраивай кобуз - музыкальный инструмент (Навои, FC). улукка улукча, кичиккэ кичикчэ,... улугны - большому по взрослому, малому по младенчески... большого (Навои, СИ), сескэн (Навои, СС) < сездкэн - сез - ощущать. Ср, титрэниб, сескэниб уйгана тушэр - он дрожал, вздрагивал, вдруг просыпался. (Б - н), сескэниг - вздрагивал (Фазыл, МП), сескан (в соврем, узб. лит. языке); йунды (поэт Турди) йувунды - помон. Корень этого слова в соврем, узб. языке произносится без конечного билабиального звука. Это, по-видимому, связано с изменением: йувунды || йувинди || → йунды¹.

Для того, чтобы показать то положение, что в живой речи фонетические изменения гораздо шире, чем в письменном языке (как известно, не всякое фонетическое изменение отражается в письменной речи) и постепенное изменение отдельных морфем, постепенное проникновение элементов живой речи в литературный язык, приведем некоторые характерные примеры (для большей ясности сравниваем материалы староузбекского и современного узбекского языка, материалы народных говоров): эгэк подпилоч, напильник (Навои) → эгэв (бухарский говор), эгэв (ташк. говор, совр. узбек, лит. язык), көрклуг|| көрклук - красивый (Q. В, Кутб) → кохлув (ташк. говор), йайак - пешком, пеший (Навои) → йай² в (совр. узб. язык), ичак - кишка (ферганские говоры, совр. узб. язык) → уч² в (ташк. говор), пшэк - кошка (во многих джекающих говорах) - пишик (узб. говор Туркестанского района на территории КазССР), мышығ (Ферганские говоры) - мушук (совр. лит. язык) мушув (ташк. говор), кучлуг|| кучлук - сильный (староузбекск. язык) → кучлув и кучлий (совр. узб. говоры) — кучль (лит. язык и отдельные говоры), атлуг || атлук || атлығ || атлык, - имеющий коня (староузбекск.) - ² тлий (диалектальная форма) - ² тль (лит. языки некоторые говоры), б² ш барм² к - большой палец (лит. язык) - башмалд² к (ташк. говор), чинчал² к

литературно - письменном языке употреблялась до последнего времени. Но эту арх. форму впервые «Грамматика узб. языка» (часть I. Ташкент. 1943 г.) заменила живой формой, где последний элемент является и (что написание теперь узаконилось). Но в указанной строке Лютфи форма на и, употреблена по требованию туюка, рифмы. Поэт ее, конечно, не придумал, а взял из живой речи. Это подтверждается существованием данной формы в современном узб. языке. Значит, изменение в форме гил → гин существует уже давно.

¹ У Турди (XVIII в.) читается: бу заман юган казан астыда калган юндыман (в настоящую эпоху я являюсь помощия, оставшимися на дне вымытого котла). Положение «юнды → ювунди» подтверждается и употребляемым здесь словом юган. (Здесь форма действительного залога употреблена в значении страдательного). В вузовской «Хрестоматии по истории узбекской литературы» (часть II, Ташкент, 1946, стр. 103) слово юган дано в форме юган (современное произношение). Надо было написать в форме юган. так как в случае юган размер нарушается: вместо двух полных, длинных слогов, требуемых здесь по требованию размера, по которому написано данное стихотворение, появляется: «краткий слог + долгий слог».

- мизинец (кокандский говор) - жимжил² к (ташк. говор), й² пиниб — накрываясь

лит. язык) жамылып (Фазыл, дастан «малика айяр» - МЛ), боймиди? - не было ли? (в народных дастанах) < болмасми эди (лит. язык), улилла - он соединяет (ташк. говор) улайдилар (лит. язык), ташилла — он тащит (ташк. говор) < ташийдилар (лит. язык), кевур || келивур - приходи (ташк. говор) келабер (лит. язык), ашнакани - вот так-то (ташк. говор) ана шундакани (лит. форма: ана шунд² к || ана шундай), бурулиш || бурилиш - поворот (лит. язык) > муйулиш > муйиш (ташк. говор), мақв² ссан? - что ты делаешь? (ташк. говор) < нима қив² тсан? (<нима қилайэтипсан?), отка - туда (ташк. говор), - уйетка (самаркандский говор) < у ерга (лит. язык), қатта? (ташк. и коканд. говоры) < қайетта? < қаерда? (лит. язык). Ср. лак - лукиниз қатта, сизни уйиниз қатта? деп соради ч² йх² начи (Нур - Али) - ваше барахло - большое: ваш дом где (где вы живете?) - спросил чайханщик [рифмовка қатта - қатта (< қэттэ - қатта) показывает, что э и а в результате конвергенции уже дали индифферентный гласный].

Гармония согласных, сравнительно шире распространенная в живой речи ассимиляция согласных по звонкости и глухости (кит² п - книга, кит² ппи < китобни - книгу), как говорилось выше, в большинстве случаев имеет прогрессивный характер, а обратное явление, которое изменяет корень слова, встречается редко. В ассимиляции и диссимиляции согласных много диалектальных различий: Сизни (лит. форма: Сиз - Вы, Сизни - Вас) - Сизди (ташк. говор) Сизди (кокандский говор), н² ни (лит. форма, ташк. говор; форма винительного падежа слова н² н - хлеб) н² нди (к² канд. говор; диссимиляция) и т. п. бывает немало случаев появления словарной омонимии в результате ассимиляции, но процесс речи ее делает безвредной. Примеры: ² чса - если он откроет (лит. форма, оч - открывать) > асса (Пулкан, КБ). Последняя форма в изолированном виде может обозначать: а) если он откроет, б) если он повесит (ас - повесить), в) если он выбросит (лит. форма: ² тса, ² т - бросать, кидать; ² тса → ² сса), г) если он похудеет (лит. форма: ² зса, ² з - худеть), д) если он переходит свою границу; повышается (лит. форма: ² шса, ² ш - переваливать, например, через горы, превышать, повышаться, увеличиваться).¹ Если учитывать разнообразные фонетические особенности всех узбекских говоров, то указанная омонимия еще усиливается (например, в Хорезме сочетание й + с иногда дает форму с + с: касси < қай + I си который, ² сс² қ² л << ² қ + с² қ² л - арх. старшина). Такие изменения происходят не только при аффиксации. Мы их наблюдаем и в непроизводных словах, и, в сложных словах, и в некоторых словосочетаниях: ² ч ч² пти < ² т

¹ Такая омонимия встречается и в литературном языке. Например: ёккан (й² ккан): а) зажигающий (ек - зажигать), б) шедший, падавший (о снеге, дожде: ёг - падать, итти - о дожде, снеге: й² г + ган → йок + кан); эккан: а) посеявший эк - сеять), б) согнувший (эг - согнуть: эг + ган → эк + кан).

ч²пти - лошадь побежала (Ташкент, говор), урры - вор (Пулкан, КБ) < оғры и т. п. Бывают случаи приобретения смысловой дифференциации этими фонетическими разновидностями. Например, оринат (= орнат - помещать, от слова орин - место) → орилат (употребляется для переносного значения: сделать что-либо хорошо, надлежащим образом, *обделать* какое-либо дело). Ср.: отдельные переходы, соответствия звуков приобрели смысловой оттенок: айрим (отдельно) - ажрим (решение). Ср.: айир (разделять, отличать, разлучать, разводить) - ажрат < ажирать (отделять, отбирать; разнимать дерущихся).

Ассимиляция пограничных, встречающихся, звуков имеет свои закономерности, но эта закономерность имеет разные виды по диалектам. Например, в присоединении аффикса лик/лык к слову й²м²н (плохой) получаем формы: й²м²нлик (лит. форма) - й²м²нлуг (ташк. говор) - жаманнык [в отдельных джескающих говорах, Ср. примеры: зумнук (< зулмлык - насильник) у сказателя Эргаша Джуман-бульбуля, мыйрыбанник (Фазыл, А) - мехрыбанлык, (любезность), жаманнык (сказитель Нурмат Абдуваев, район Катта-Курган)]. Все же по материалам ведущих говоров мы можем установить картину изменения указанного порядка: 1) р + н → н + н: урина > урна унна (ср. уринди - он старался) — стараться, приступать к чему-либо. Ср. уннап — стараясь (дастан «Гороглининг туғилиши»: «Рождение Гур-оглы» Т — Г.). Данная форма в отдельных случаях встречается и в литературном языке: уннади — он старался (Гафур Гулям), х²тин² вкатга уннади — женщина приступила к приготовлению кушанья (А. Каххар, «Гранат»); 2) н + л → л + л (в отдельных говорах: н + н. Об этом говорилось выше): х²тин (женщина) + ли: (словообразующий аффикс им. прилагательных) → х²тилли (женатый); эсэлик (Пулкан) < эсэнлик (благополучие, здоровье), танла (выбирать, избирать) → талла (ср. Мукимий. Танланган асарлар.— Избранные произведения. Изд. Узб. филиала АН СССР, Ташкент, 1942). Ср. йараллар (Пулкан, М) < йаранлар; 3) р + л → л + л (это в большинстве случаев встречается в образовании им. прилагательных: при помощи аффикса *ли*: и в образовании глагола при помощи аффикса *ла*): комилли: (< комирли: с углем), эгалла (<эгарла — седлать), толла (< торла - штопать). В образовании глагола указанным; аффиксом от расширенной формы звукоподражательных слов, образованных аффиксом *ир // ур* (такир - такир: звукоподраж. стукотня, дукур - дукур: звукоподраж. топота и т. п.), мы в живой речи всегда получаем форму л + л (< р + л), но в литературном-письменном языке встречаются обе формы: а) в образовании от слов указанного типа, содержащих в своем составе один из звуков *р, з, л, й*, мы имеем форму л + л (в данном случае глагол образуется сложным аффиксом илла < ир + ла): пирилла - порхать, чирилла - чирикать, гурулла - (пылать, визилла - свистеть, жужжать (о нуле и т. п.), зирилла —

побаиваться, лапилла - от звукоподраж. лап-лап: «пых-пых», чийилла - пищать, попискивать; б) в других случаях сохраняется форма р + ла (морфологический принцип написания): такирла (так-ир-ла) - издавать стук, гакирла - гоготать (о гусях), патирла — звукоподраж. от летания птиц, кимирла — шевелиться, приходиться в движение, шивирла — шептать, бидирла - говорить торопливо и неотчетливо и др.¹) Но формы живой речи (ил-ла < ир-ла) иногда проникают и в литературный язык. Например: пичирла: шептать- «пичилла» (А. Каххар, Мастан); 4) н + р → р + р: йоғ² н (толстый) + р² к (аффикс сравнительной степени) → йоғ² рр² к (толще), калир² к → калир² к (толще), жонр² к → жорр² к (легче); 5) л + р → р + р: коп² л + р² к → коп² рр² к (грубее). Ср. ложное слово: кул ран → курраң - пепельный, стальной цвет; серый (букв, кул пепе ран - цвет); 6) з + с → с + с: туз (соль) + сиз - туссиз (без соли, бессмысленный); 7) з + ч → ч + ч: боз (мата, бязь) + чи (аффикс со значением деятеля) — боччи (ткач маты); 8) ш + ч → ч + ч: куш (птица) + чи куччи (птицелов, птицевод. Хорезм), иш (работа) + чи — иччи - рабочий (Хорезм), 9) т + ч → ч + ч: сук (молоко) + чи - суччи - молочник; 10) р + л → л + л: ʔ ғир (тяжелый) + лик (аффикс, образующий им. признака) → ʔ ғиллий — тяжесть. Ср. ʔ ғиллиги - его тяжесть (маргеланский говор); 11) н + м → м + м: к² н + м² к (аффикс инфинитива) → к² мм² к - удовлетворяться. Ср. сложное слово й² нмай² н → й² нма² н - бок-о-бок, рядом; 12) ш + с → с + с: ч² пиш (бежать; скакать) + сиз → ч² писсиз — без пробега; 3) р + т → т + т (в присоединении аффикса *та* к им. числительному *бир* - один): бир + та → битта - один, одна штука. Ср. примеры: биннарса (< бирнарса - какая то вещь; что-нибудь), биннама (< бир нима — что-нибудь), матта (< марта - раз: бир матта — один раз. Ташк. говор), но: бирта (хивинский говор. Однако в том же говоре: бинни ʔ лди - он взял одну штуку из этих предметов), биртэ нар (М. Салих, Ш) — один гранат; битта пичаг биттана (< бирта пич ʔ бир таңа) - цена одного ножа - одна монета (Нур-Али) и др. Указанные комбинаторные звуковые изменения более или менее общи для узбекских говоров, но много случаев, имеющих сугубо диалектальный характер - Приводим некоторые примеры Матч² н (Хорезм) < Матжэн (Ср. Ташкент. Ахмадж² н < лит. Ахмадж² н), йеммиди? (таш. говор. Ср. сложное слово маммаллик < манманлик - эгоизм) < йебмиди? (он кушал-ли?), таппас (Пулкан, КБ) < танмас (он не найдет), кассы? (Хорезм; Алтинкульский район) < кайси (который?), к² ғ² ссис (ташк. говор) < к² ғ² зсиз (без бумаги), сөллэгэндэ (Хорезм) < сөзлэгэндэ (когда он говорил), оқуссан (наманганский говор) < оқурсан (ты будешь учиться), чуқурчак (наманганский говор) < чуқурчак // чуқурча (ямочка), огичча (там же) < огирча (ступка), тинна (ташк. говор) < тирна (царапать), тайынна

¹ См. об этих формах *ирла* и *илла* нашу статью: Об аффиксе *ла* в узбекском языке (Ученые записки Ташк. госуд. педагогического института. Серия общественных наук, вып. 1, Ташкент, 1947).

(Пулкан, КБ) — тайилла (ташк. говор) < тайинла (назначать, препоручать), имнэ (Пулкан, КБ) < имла (манить, подавать знаки), хайр^о м б^о лдим >, хайр^о н болдим - я удивился¹, ус сом (Пулкан, «Ишан») < уч сом (три рубля), качча (Пулкан, КУ) < качса (если он убежит), сассаң (там же) < сатсаң (если ты продашь), жетсаниз (если вы достигнете), й^о сса (ташк. говор) < 1. й^о тса (если он ляжет), 2. й^о зса (если он напишет), кессин (Пулкан, М) < кетсин (пусть он уходит. Данная форма может означать еще: кечсин — пусть он переходит, кессин — пусть он зарежет, кезсин - пусть он ездит, бродит), кичча (ташк. говор) < кизча (девчонка), йигичча (там же) < йигитча (молодой человек, парень), кочч^о к (там же) < козч^о к < козич^о к, (ягнечок), кучча (там же) < кутча < кутича (коробка, коробочка), каллама (джиззакский говор) < катлама (тонкие слоеные сдобные лепешки) и др. Видно, что изменения указанного типа разнovidны по историческим и диалектальным причинам. Эти звуковые изменения во многих случаях сохраняются и в сложных словах (между последним согласным первого и начальным согласным второго слов: в узб. языке в речи ударение принимает не каждое слово, а ритмическая группа. Это показывает и фонетические изменения на границах слов²). О причинах упомянутого сходства (фонетические изменения в кругу отдельного слова и сложного слова) и, вообще, видах звуковых изменений в сложных словах речь будет идти в следующей статье. Заканчивая слова об ассимиляции при словообразовании путем аффиксации, заметим следующее:

Некоторые звуковые изменения в результате разных исторических и других причин стали неощутимыми. Например: изла (искать, из - след) > истэ (МК) - искать, истэбан (Навои) - искать. В современном узб. языке эти две формы имеют смысловое различие: изла — искать, иста — желать (генетически они связаны); сескан — вздрагивать (от; слова сез — ощущать), х^о вучча - маленький хауз (от слова х^о вуз — пруд, бассейн), ачпич^о к, (ташкент. говор) < ш пич^о к (инструмент для рубки мяса), м^о ч кичири (там же) < м^о ш кичири (крутая каша из маша с рисом) и др. Такие изменения, несомненно, имели место и в староузбекском языке (в живой речи), но тогдашнее письмо их почти не отражало: формы как чыкғач (Навои, СС; чык - выходить) бурунқы (Навои, М; бурун - раньше, бурунғы - прежний) и т. п. читались как чыкчак, бурунғы и т. п. Это подтверждается и тем, что в памятниках, рукописях встречаются и последние формы, совпадающие с современным произношением этих слов. Например, в «Мюншаате»; Навои встречаются обе формы: бурунқы и бурунғы (Ср. еще у Навои: көктэ кобуз - настраивай музыкальный инструмент кобуз, баштын

¹ См.: В. В. Решетов. Некоторые замечания по консонантизму и морфологии маргеланского говора узбекского языка (Изв. Узб. Филиала АН СССР. 1941, № 4, 24).

² О характере данного явления в казахском языке см. статью В. Н. Зиновьева «О ритмико-мелодических особенностях казахского языка» (Изв. АН Каз. ССР. № 77, серия: «Лингвистика», вып. 6. Алма-Ата. 1948). Для узб. языка см. нашу работу «Ударение в узб. яз.», Ташкент. 1947.

– аяк (ФШ) - с головы до ног); форма дательного падежа слова курт; (насекомое), по правилам современной орфографии, будет куртга (форма *га* сохраняется и после глухих), но это слово читается как; куртка; отсюда можно предполагать, что дательный падеж упомянутого слова куртга (в староузбекском языке) читался как куртка (иногда встречается и такое написание). Наблюдения над узбекскими говорами показывают, что ассимиляция сравнительно сильнее в речи старшего поколения (так как, во-первых, в старое время основная масса была неграмотной, во-вторых, тогда не было единых орфографических норм), чем в речи младшего поколения: молодое поколение владеет литературным языком, орфоэпией; письменная форма слова закреплена в его зрении, оно ее, эту форму, «читает». Например (ташкент. говор): бил лаган ² ш (в речи ст. поколения) - бир лаган ² ш (в речи младшего поколения: бир — одно, лаган - блюдо, ² ш - плов - одно блюдо плова). В настоящее время первые формы, по понятной причине, постепенно уступают в борьбе последним. Ср. характерный случай: народный сказитель из Пискентского, джекающего, говора во время своего исполнения (он нам пел народный героический эпос—дастан) произнес слово *жоқ* (*нет*). Эта форма естественна для него), но через несколько строк это же слово в его устах произносилось в форме *йоқ* (влияние литературного языка).

В рассмотренных нами звуковых изменениях часто приходилось говорить о приспособлении аффикса к корню, но и бывает обратное явление, которое, правда, встречается сравнительно редко. Это, кроме обычного влияния начального звука аффикса на конечный звук корня, основы (обычная регрессивная ассимиляция), имеет и более сложные виды. Примеры: асырга (ас // ² с - вешать, повесить) > ысырга > сырга — серьга, сережка (Ср. тиллэ сырга - золотые серьги в дастане «Бедный батрак» Пулкана); эсирик > исирик — травянистое растение (эс — дуть или веять: о ветре), ичэк (ич — внутренность, нутро) > учов - кишки (переход *к* → *в* влечет за собой изменение *а* → ², в результате этих переходов, под влиянием их, гласный корня *и* перешел в *у*) и др. Ср. уйдаги (уй — дом, да — показатель местного падежа, ги — словообразующий им.прилагательного, уйдаги — находящийся в доме, комнате) уйдиги (ташк., говор), алты айчалык йол > алтайчалык, йол > алтайчылык йол (в народных дастанах) - дорога, рассчитанная примерно на шесть месяцев.

Видно, что при аффиксации иногда изменяется и корень (мы тут имеем в виду обычное изменение: чередование звуков, выпадение звуков и т. п. В узко фонетическом смысле можно сказать, что при аффиксации в узб. языке почти всегда изменяется корень: вследствие перехода ударения на аффикс звуки корня несколько ослабляются).

Выражение «сопутствующие явления при аффиксации» мы здесь условно употребляем для обобщенного обозначения двух явлений:

фонетических изменений (связанных с аффиксацией) и позиционных явлений (вопрос местоположения морфем в слове).

Наше изложение о фонетических изменениях будет идти в таком порядке: чередование звуков (1. Чередование гласных, 2. чередование согласных), удлинение гласных, выпадение звука, удвоение звука, добавление звука, перестановка звуков.

Ч е р е д о в а н и е з в у к о в. В определении чередований дело осложняется тем, что, во-первых, произношение отдельных слов нам ещё не совсем ясно, письменные источники их показывают в разных формах (например, кышлак - кышлағ), во-вторых, в отдельных случаях в народных говорах мы находим оба варианта (одна форма — в одном говоре, другая — в другом); в таких случаях приходится говорить о разных диалектальных источниках. Возьмем для примера правило озвончения типа «орт² к - орт²ғи» (товарищ - товарищ его). В грамматической литературе по узбекскому языку указывается, что в двусложных и многосложных словах, оканчивающихся согласными к или қ, в результате присоединения притяжательного аффикса данный согласный, оказавшийся в интервокальной позиции, озвончается: к → г, қ → ғ; односложные слова указанного типа этому правилу не подчиняются, но слова «бек и йўк, составляют исключение: бек—беги, йўк — йўғи». (См. «Свод основных орфографических правил», приложенный к «Орфографическому словарю» Алима Усманова, Ташкент, 1948, стр. 29 - 31). Спрашивается: действительно ли в указанных словах конечный согласный произносится глухо, а, попадая в междугласное положение, озвончается? Проф. М. Е. Массон, наверное, опираясь на то, что указанное первое слово в расшифровке, транслитерации орхонских надписей фигурирует в форме *бэг*, прямо утверждает, что бек - искаженная форма.¹⁾ Отсюда возникает другой вопрос: как согласовать это утверждение с тем, что в односложных словах указанного макета отчетливо произносится звук к а не г [н²к - груша, тик - шить, бук- сгибать, бек < берк - закрытый, дик-дик: звукоподражательное слово, йик (диалектальн.) - веретено, йук - груз, чук — пупок, эк — сеять, көк - зеленый, кек - затаенная злоба, лик-лик: звукоподраж.слово, тук —волосок (на теле), тек - спокойно. Слова йо к, кок, эк и т. п. в старых памятниках тоже содержат звук к, а не г (ср. *экин* — посев, а не *эгин*. О случаях типа *эгин* - дальше]. Как установить первичность той или иной формы?

По поводу указанного правила надо сказать, что: 1. в двусложных и многосложных словах указанного типа, например, как в слове орт²к (товарищ), последний согласный произносится не как к, а иначе: согласный қ произносится как слабый звук ғ, за счет ослабления его

¹⁾ «... турецкий термин «бег» (искаженное — «бек»)» (М. Е. Массон. Обсерватория Улугбека. Ташкент. 1941).

предыдущий гласный получает заметную долготу (қишл² ғ), в диалектах, где данный гласный не переходит в ², согласный произносится сравнительно четко и гласный не произносится с долготой, как в первом случае, здесь долгота не так заметна (қишлағ). По этой причине в памятниках слова указанного типа не имеют стандартной, единой формы написания (о чем говорилось выше): қишл² : ғ - қишлақ, (деревня), чир² : ғ — чирақ (лампа, светильник), бузуг — бузук (испорченный) и т. п. (Ср. такие написания, как қышлағ у МК). В слогах, как *этақ* — подол, *тирик* — живой и т. п., последний согласный в большинстве говоров произносится как *й* (*этай, тирий*), а в словах, где первый слог содержит гласный *э*, указанный согласный часто произносится как *в* (происходит и переход в форме *и* → *у*: тешиқ-тешув: дыра, отверстие; дырявый, этиқ — этув: сапоги). Значит, упомянутое правило скорее имеет орфографический характер, чем фонетический (фактически мы же имеем звук *ғ* еще до присоединения притяжательного аффикса). Здесь необходимо сделать оговорку: а) в глаголах указанный последний согласный произносится четко *қ*, а не *з* (қ² ник — удовлетворяться, чиник — закаляться, йут² қ - сильно голодать, тиник — успокаиваться и др.), он не озвончается и после присоединения аффикса, начинающегося гласным, т. е. в интервокальной позиции (например, қ² ник + иш - удовлетворение. Озвончение его встречается редко, в некоторых говорах: х² влык < х² вырық — спешить, волноваться — в дастане Пулкана КБ: хавлыгын — спеша, волнуясь). Ср. слова: синик (глагол: ломаться — в переносном значении) — синиг // синуг (им. прилагательное: сломленный, разбитый), ² чик (проголодаться) — ² чуғ (открытый), ² шик (спешиться) — ² шуғ (лишний, излишний), тэрик (суживаться, делаться тесным), таруг (просо); б) в хорезмских говорах слово кул² қ (ухо, уши) произносится с четким конечным согласным *қ*, а не *з*. Но дело в том, что в них это согласный не озвончается и после присоединения притяжательного аффикса: кул² қ - кул² ки - кул² киннан, ² й² қ - ² й² киннан).² Слова *бек* - *бег*, *йоқ* - *йог* (йо : ғ) возможно имели двойное произношение: диалектальное различие.¹ Ср. *беги* (и — притяжательный аффикс) - *бика* (бекша, княгиня). Но сравнение слов йо : ғ - йоги (*и* - притяжательн. афф.), й² : ғ - й² ги (й² ғ - сторона) со словами ток (сытый) - токи (*и* — притяжат. афф.), йук — йуки (йук — прилипший к посуде остаток какой-либо жидкости) и т. п., где согласный *қ* произносится четко, наталкивает на мысль, не следует ли считать слова первого типа сокращенной формой двусложных слов, или: не являются ли они словами, изначально имевшими в концовке *ғ*, как буг // боғ (пар), т² ғ (гора), ч² ғ (время) и т. п. (в результате аналогии в конце слова смешанно употреблялись звуки *қ* и *з*). 3) В словах, как *этақ* —>

¹ Ср. в наманганском говоре: йоқ > йог 'нет' (В. В. Решетов. О наманганском говоре узбекского языка. Сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому». М., 1953, стр. 226).

этай (подол), последний звук (*ii*), может быть, происходит от согласного *z*. Возможность превращения мягкого согласного *z* ('*g*') в *й* (*j*) известна по орхонско-енисейским памятникам (В. Томсен). Наличие в этом случае звука *г* частично подтверждается и тем, что в присоединении притяжательного аффикса указанный согласный в узб. говорах обычно произносится как *z*, а в отдельных случаях — как *й* (*этаги* — *этайи*: его подол). 4) Нельзя сказать, что слова типа *оқ* (пуля), *көк* (синий) и в присоединении прит. аффикса никогда не озвончаются: в отдельных узб. говорах такое явление налицо (*оқ* — *оғы*, *көк* — *көги*). Значит, в большинстве говоров в указанном фонетическом условии озвончение не происходит (*көп* — *көпи*; *көп* — много), но в отдельных говорах наблюдается озвончение (*көп* — *көби*). 5) Указанное правило озвончения, имеющее скорее всего орфографический характер, не ограничивается сферой притяжательных аффиксов: оно встречается и в области словообразования. Например: *к^оз^ок* (казах) + *ист^он* (аффикс со значением места) — *Казағыстан* (Пулкан, Ш), *К^оракалп^ок* — *К^оракалп^оғист^он*, [но слово *Ўзбекист^он*, по правилам совр. орфографии, пишется через *к*: *Ўзбекистан*. Ср. *өзбэгистэн* (Ислам — шайир)]. В отдельных говорах озвончение (при словообразовании) типа *чық* (выходить) - *чыгар* (понудительный залог глагола *чық*), *эк* (сеять) — *эгин* (посев) является обычным явлением (о чем дальше). 6) Такие пары слов, как *бузуғи* (*бузук* // *бузуг* — испорченный, и — притяжательн. афф. III лица) — *бузуки* (склочник, бузотер, и — словообразующий аффикс), *кишл^оғи* (*кишлок* // *кишл^оғ* — деревня, и — притяжательн. аффикс) — *кишл^оқи* (арх. слово: сельчанин, деревенский, кишлачный, и — словообразующий аффикс), *кесаги* (*кэсак* // *кесай* // *кесаг* — комок сухой глины, и — притяжательный аффикс) — *кесаки* (косяк: брус дверной или оконной рамы, — словообр. аффикс) и т. п., показывают, что данное явление, озвончение, иногда связывается и со значением, с грамматической особенностью морфем (когда аффикс *и* является словообразующим элементом, указанное озвончение не возникает; вернее: несмотря на то, что до присоединения данного аффикса в конце слова стоял звук *ғ*, теперь для смысловой дифференциации на этом месте стоит звук *к*).

В связи с указанным возникает вопрос, выражающийся в том, как из упомянутых форм является первичной: были ли первичными слова с конечным звонким согласным (*кышлаг*) или наоборот (*кышлак*)? Акад. В. В. Радлов считал первичными формы с конечным звонким. Проф. Н. К. Дмитриев считает, что «параллелизм звонких и глухих вариантов звука в конце основ и в начале аффиксов мог возникнуть одновременно и существует с тех пор, как существуют сами тюркские языки. Мало того: этот параллелизм является одним из основных признаков для языков

данной типологии»¹. Нам хотелось бы на материале узб. языка этот вопрос связать с диалектальными разновидностями: один из вариантов характерен для одних говоров, второй вариант - для других: вспомним указанные выше примеры: кул^о г — кул^о ги (Ташкентский говор) — кулок — кул^о қы (хорезмские говоры).

Чередование гласных: а → ^о. Чередование этого типа встречается в случаях:

а) образования слов от основ типа киск (короткий), калка (защищаться), когда присоединившийся к нему аффикс составляет один закрытый слог вместе с последним согласным корня (конечный гласный корня а переходит в а): киск^о р (укорачиваться), калк^о н (шит), ишқа (тереть, потирать) — ишқ^о р (шелок, поташ) илга (итти вперед; видеть; чувствовать) — илгор (передовой, авангардный: передовик), козга (возобновляться, тронуть, поднять) - козг^о л (двигаться, подниматься, возбуждаться) — козг^о т (понудительный залог глагола козга), кара (смотреть, наблюдать) - кар^о л (слуга), алда (обмануть) — алд^о к (обман. Ср. алд^о кчи - обманщик), ата (предназначать, посвящать; именовать: ^о т — имя, название) — ат^о к (ср. атокли - знаменитый, известный, славный; ат^о кли от — грамматический термин: имя собственное), тара (расчесывать) — тарок (расческа, гребень), сора (спросить, допрашивать) — сор^о к (вопрос; допрос) тарка (расходиться, разбрестись) — тарк^о к (разрозненный, необъединенный), бойа (красить) — бой^о к (краска), чанка (жаждать) — чанк^о к (жаждущий), булга (смешивать, мутить; пачкать; обваливать) — булг^о н (возвратный залог глагола булга) — булг^о т (понудительный залог глагола булга), чулга (обступать, окружать, закутывать) чулг^о н (возвратная форма), тала (грабить) — тал^о н (грабеж), қ^о пқа (хватать, закрывать, покрывать, охватывать) — қ^о пқ^о н (капкан, ловушка) — қ^о пқ^о к (крышка, покрывка; футляр) и т. п. В таких случаях, как тара — тар^о к, сора — сор^о к, и т. п., причиной чередования а || ^о обычно является влияние звука к || г (словообразующего аффикса) и это фонетическое условие считается одной из причин появления оканья (^о канья). Это и приемлемо. Но в таком случае останутся непонятными причины указанного перехода в случаях, как калка — калк^о н, киска — киск^о р, илга — илг^о р, кара-кар^о л, тала-тал^о н и т. п. Причина эта может быть объяснена в указанных случаях (кроме случая тала -тал^о н) наличием звука к (или г) в корне, основе слова перед гласным а, но тогда возникает другой вопрос: в таком случае этот переход мог бы осуществиться и без присоединения аффикса (киска, илга). Можно думать, что данный переход связан не только с влиянием звука к (или г), но и с явлением закрытого слога. По фонетическим особенностям узбекского языка в конце слова не

¹ Н. К. Дмитриев., Гр. башк. яз., стр. 35.

употребляется звук ɔ , поэтому в словах типа киска, илга, несмотря на непосредственное соседство этого гласного с заднеязычным согласным, стоит гласный a , а не ɔ ; а когда присоединяется аффикс, т. е. когда образуется закрытый слог, в середине слога возникает возможность такого перехода (киск ɔ р, илгор) даже тогда, когда нет в корне звука k или g (тала — тал ɔ н. Возможно, что этот последний переход связан с явлением аналогии). Можно ли сюда отнести слово бор ɔ н — буран; метель, выюга, буря? Здесь есть и другая возможность объяснений появления звука ɔ . Данное слово образовано от глагола бора, который в современном узбекском языке употребляется в составе глагола борала (мести: о снегопаде или снежном вихре. Присоединение словообразующего аффикса глагола — ла к глагольным корням, который выражается многократность или длительность действия, явление известное. См. об этом нашу упомянутую статью: Об аффиксе -ла в узб. языке). Значит, тут глагольной основой является бора, которая может быть, связана с глаголом бура (вертеть, крутить винтообразным движением, закручивать), который этимологически состоит из бур+а (бур — корень глагола, а - словообразующий аффикс глагола). Слово бор ɔ н происходит от сокращения слова бораг ɔ н (ср. слово ураган). Значит, бораг ɔ н (ср. ч ɔ паг ɔ н — умеющий быстро бегать, кулаг ɔ н - человек, который много смеется, билаг ɔ н - знающий, знаток и т. п.) < бор ɔ :н (выпали согласный g и гласный a ; или: изначально отсутствует данный гласный: слово образовано прямо от корня бур || бор. Ср, сичк ɔ н — мышь, к ɔ пк ɔ н — капкан. Это — менее вероятно. Гласный по известной причине получил долготу) > бор ɔ н (долгота исчезла). Ср. корадиг ɔ н — видящий (ташкент. говор. Здесь присутствие гласного ɔ после согласного g объясняется тем, что данный аффикс происходит от слова тург ɔ н: коратург ɔ н > коратуг ɔ н || корадуг ɔ н > коратиг ɔ н || корадиг ɔ н > корадиг ɔ н > корадиган: в совр. узб. лит. языке).

В таких колебаниях между a и ɔ на диалектальной почве, как савагич || сав ɔ гич (палочка, которой перебивают вату, сава — перебивать прутьями), кашлагич || кашл ɔ гич (скребница, кашла — чистить скребницей, чесать), к ɔ паг ɔ н || к ɔ п ɔ г ɔ н (кусака; злой; кусающий: о собаке; к ɔ п — кусать: о собаке), билаг ɔ н || бил ɔ г ɔ н (знающий, знаток, бил - знать) и т. п., ясно влияние заднеязычного согласного k или g на предыдущий гласный a [ср. б ɔ шла (начинать) — б ɔ шлан (возвратная форма), но :б ɔ шл ɔ гич (начальный); но тот факт, что в типах к ɔ паг ɔ н — коног ɔ н — преобладает второй вариант, а в типах билагон — бил ɔ г ɔ н — первый вариант, говорит о том, что тут налицо известное влияние гласного ɔ первого слога, корня.

Указанный переход, как видно из приведенных примеров, встречается в образованиях имен от глагола (иногда и наоборот), залогов

глагола. Надо добавить, что в некоторых говорах такой переход, который отражается и в совр. узб. лит. языке, не происходит, образования слов от корней, основ, оканчивающихся на гласный *a*, когда словообразующей морфемой является аффикс *в*: сайла (избирать) — сайл² в (выбор), ишла (работать) — ишл² в (обработка), терга (расследование) — терг² в (следствие), алда (обмануть) — алд² в (обман) и др. Данный переход происходит под влиянием словообразующего аффикса (состоящего из губно - губной согласной фонемы), который эти. логически имеет связь со словообразующими аффиксами имён *к, к; гу, гу, ку*: аффикс *в* происходил от этих морфем (об этом дальше). Указанный переход встречается при образованиях: имени от глагола, оканчивающегося гласный *a* (ишла — ишл² в), имени от отрицательного аспекта глагола (анла - понимать, анлашил² вчилик - недоразумение), собирательного числительного (² лти - ² лт² в — шесть - шестеро: древний аффикс данного числительного -ку в результате обычного выпадения согласного *к* (*г, к, ф*), стоящего в начале слога (не первого), перед гласным, получает форму *у*, вследствие чего получается зияние гласных, для устранения этого второй гласный переходит в *в*, под влиянием последнего гласный *a* переходит в ²; икэку → икэв || ик² в и др. Видно, что замена какого-нибудь аффикса морфемой *в* обычно влечет за собой переход предыдущего *a* в ²: эгэк > эг² в (напильник), өлчэк (ферганск. говоры) > өлч² в - мера (лит. язык, ташк. говор), искэ (нюхать), искэгу (имя действия) — иск² вуч (собака ишейка), кирсак (кир - входить, кирсак - если мы войдем. В лит. языке) - кирс² в || кирс² вуз (ташк. говор), билмаб эди — он не знал (лит. форма) — билм² вди (ташк. и некоторые другие говоры). Ср. с этим явление перехода у (лично — указательное местоимение: он) → *в* в сложном слове: ана + у (ана — вот, у — он) > анав || ан² в (анави || ан² ви. Но в ташкентском говоре: анув) и т. д. Но надо указать, что в некоторых говорах, например, в Бухарском городском говоре, данный переход не встречается: ишлавчи (ишла — работать, ишлавчи — работающий) — ишл² вчи (совр. узб. лит. язык и многие говоры). Ср. лав (<лаб) — губы (ташк. говор) — л² в (ферганские говоры) савзи (<сабзи — морковь. Ташк. говор) — с² взи (ферганские говоры) — сагзи (наманганский говор), эг² в (< эгэк — напильник. Паркентский говор Ташкентской области). Ясно, что переход в форме *a* → ² в упомянутых случаях происходит под влиянием звука *в*. Формы бир² р, которая встречается в некоторых современных узбекских говорах — результат аналогии. (Ср. слова бир² в и бирар || бир² р имеют смысловую общность: неопределенность), ик² в - двое (ср.: в стихотворений Муками «Танабчилар» — „Землемеры" рифмуются слова ик² в и куй² в — жених). Примеры из народных дастанов: уч² в — трое, торт² в — четверо, йет² в — семеро, (Фазыл, Р), икк² вгинэнг — вы двоим. Но в дастане Пулкана «Бедный батрак» мы встречаем формы: бирэв

(бир — один), экэв (двое), нечэв (нечэ? — сколько?), төртэв (четверо). Значит, говор, представителем которого является Пулкан, приближается в этом отношении к говорам бухарского городского типа (ср. ишлавчи — работающий).

Указанный переход (а + в → ² + в) встречается и в обратном порядке (в + а → в + ². В закрытых слогах): дейапти (он говорит. Ферганские говоры) — див² тти (Ташк. говор).

² — а. Данное чередование встречается в образованиях типа с² н (число, количество) — сана (считать), ² т (имя, название) — ата (именовать, называть) и др.: в образовании глагола при помощи аффикса — а от имен односложных, состоящих из закрытого слога: ² т — ата [ср. атадылар (назвали) в QB], й² ш (молодой; возраст; год: о возрасте) — йаша (жить, здравствовать). Это — основное положение. Но данное изменение иногда, очень редко, встречается и в образованиях другого вида: в образовании глагола при помощи аффикса — ла от имен указанного типа (т² ш — камень, ташла — бросать, ² н — сознание, анла — понимать, осознать); в образовании глагола от имен, от междометий при помощи других, кроме указанных, аффиксов (² л — брать, взять, алмаш — менять, х² й — эй! ой — ой! — хайкир — кричать, вопить); в образовании имен от глагола (й² р — рубить, йарим — половина; й² р — колоть, рубить, раскалывать, вскрывать, йара — рана, язва; й² ш — молодой, йашил — зеленый); в образовании имен от именных корней (т² й — жеребенок, тайл² к — верблюженок; т² ш — камень, таш² к — testicula; ² к — белый, акча — серебряные монеты, деньги); в образовании определительного местоимения при помощи аффикса — ча от слова б² р — есть:¹ б² рча — барча (все, всё).

После этой иллюстрации сделаем несколько замечаний по природе данного чередования: 1) оно встречается в образовании слов от односложных корней, исключение составляет слово карындаш (Навои, СИ) — родственник, родной (карын — живот; утроба); но в некоторых языках оно тоже, сокращаясь, вошло в ряд указанных слов (к² ринд² ш || каринд² ш || кард² ш). 2) Указанное чередование не является фонетическим явлением, регулярно действующим во всех аналогичных образованиях. Ср. примеры: сана (< с² н + а: с² н — число, сана — считать) — к² на (< к² н + а: к² н — кровь, к² на — кровоточить), анла (< ² н + ла — осознать) — ² нли (сознательный), сана (считать) — с² нсиз: бесчисленный, многочисленный (в случае ² н — анла в связи с присоединением аффикса слогостроение не изменилось, в случае с² н — сан² к — изменилось; но это обстоятельство не повлияло на чередование ² - а), каринд² ш (родственник) — к² ринли (человек с большим

¹ Н. А. Баскаков. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках (Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1952, стр. 133).

животом), йаша (здоровствовать) — ʔ ша (ʔ ш — плов, пища, кушанье, ʔ ша — есть, кушать), йашил (зеленый. Ср. в поэме Навои СИ: йашил куб — зеленый кувшин) — й ʔ шлик (молодость). акча (деньги) — ʔ клук (белизна) и др. Значит, данное чередование имеет место в отдельных случаях, поэтому нельзя прямо ответить на вопрос в каких именно случаях происходит данное чередование. 3) Колебания, разноречивые по данному чередованию часто отражают диалектальные различия: й ʔ рма (крупа, от глагола й ʔ р — рубить, раскалывать. Ташк. говор) — йарма (то же в андижанских говорах), ата (называть. Ташк. говор, лит. язык) — ʔ та (то же в ферганск. говорах), алманшир (менять. Ташк. говор) — ʔ лм ʔ штир (ферганские говоры). Если сравнить факты староузбекского и современного узб. языка, то увидим, что это явление — сравнительно новое. 4) В некоторых случаях указанные две формы могут получать смысловое различие, оттенок в значении. Например: б ʔ ри || б ʔ :ри (то, что имеется, сколько есть в данный момент, но не все вообще) — бари (всё).

Выше сказано было, что данное чередование встречается нерегулярно. Приведем слова (кроме вышеуказанных), где наблюдалось это явление: йахши — хороший (от слова й ʔ к — нравиться), какра — сохнуть от засухи (к ʔ к — сухой, сушеный; голый), какша || кахша — трястись, испытывать озноб; расшатываться (к ʔ к — сухой, сушеный), аралаш — смесь, смешанный (ʔ ра — промежутки, интервал), катик — кислое молоко (к ʔ т - затвердевать), катирма - 1. род тонких слоевых сдобных лепешек, 2. накрахмаленный (к ʔ т - затвердевать. Но: к ʔ т - затвердевать, к ʔ тир - побудительный залог глагола к ʔ т, к ʔ тирма - отрицательный аспект того же глагола. Видно, что данное чередование не, наблюдается в образовании залогов), каттик - крепкий (к ʔ т — затвердевать), таши - тащить (происходит от т ʔ ш - камень? Ср. ташвак < т ʔ шбака - черепаха: букв, т ʔ ш - камень, бака - лягушка), сачра - брызгаться (происходит от с ʔ ч - сыпать, рассыпать, сеять?), бакрай — тарашить глаза, выплутить глаза (происходит от б ʔ к — смотреть?). Для показа данного «чередования» и «нечередования» ср. пример: й ʔ шини йашаб, ʔ шини ʔ шаб (фразеологическое сочетание: виды видеть).

Упомянутое чередование, как известно, обычно объясняется переходом ударения на аффикс (ослабление гласного в результате безударности). Тогда на первый взгляд неясным останется переход в слове кариндаш (к ʔ рин — живот, утроба). Но, возможно, это тоже связывается с явлением ударения (гласный ʔ предударного слога перешел в а в результате еще большего удаления от ударения?).

а — и. Данное чередование — сужение¹ встречается в отдельных диалектах узбекского языка, в литературном языке не имеет места. Оно

¹ О таких фонетических явлениях вообще, как расширение, сужение и т. п. см.: Н. В. Юшманов. Ключ к латинским письменностям земного шара, М. — Л., 1941, стр. 79, 81.

наблюдается перед звуком *й*. Например: ичмайди (лит. форма: он не пьет, ич - пить, ичма - не пей, ичмай — деепричастие) — ичмийди (то же в ташк. говоре). Это чередование обычно встречается в словообразовании и словоизменении глагола в таком фонетическом условии, где звук *й* (или вместе с соединительным гласным) является аффиксом, присоединившимся к корню или основе глагола: ишлийди (<иш-ла-й-ди: он работает), карийди (<кара-й-ди: он смотрит), б^о рмийди (<б^о р-ма-й-ди: он не пойдет). Но в хивинском говоре (Хорезм) данное явление имеет место и в другом условии. Например: (<^о лгай: причастие будущего времени со значением желательности или долженствовательности от корня ^о л — брать: ^о л + гай). В маргеланском говоре вместо этого звука *и* мы видим гласный *э* (ичма - ичмэйди). Ср. уч й^о ш: три года - уч йешар: трехлетний (влит, языке и во многих говорах). Указанное явление в данном говоре, встречается даже в корнях. Например: бугдэй (<бугдай || бугдэй: в лит языке) — пшеница.

Лит. форма б^о райапти (он идет) в разговорной речи имеет, вид барьяпти, где налицо *а* → *и*. Данная форма иногда даже попадает в лит. язык: айтийапман (А. Каххар, «Гранат») <айтайапман — я говорю.

Указанное явление — *а* + *й* → *и* + *й* — происходит под влиянием звука *й* на предыдущий гласный (см. упомянутую статью автора.) «Об аффиксе - ла в узб. яз.», это отчасти напоминает долгий *и*.

Такие формы, как алка (желать добра, здоровья) — алкиш (аплудисменты, овация), карга (проклинать, ругать) — каргиш: (проклятие) инчкэ (тонкий) — инчкир [Ср. инчкирмэк... инчкэ ун билэ йыгламакдур (Навои, МЛ), инчкирмэк — плакать тонким (инчкэ) голосом], тирка (прицеплять) - тиркиш (чересседельник: местной упряжи) толкают на мысль, не имеем ли мы тут тоже чередования *а* — *и*. Но возможны и другие предположения: алк + *а*, алк + иш; кар + иғ + иш → каргиш, инч (корень?) + кэ, инч + кир (известный аффикс *қыр* || *кир*, образующий глагол).

а — *у*. Данный сугубо диалектальный переход происходит под влиянием следующего за гласным *а* звука *в* и за ним идущего гласного *у* (< *и*). Например: сувуп қалды (Пулкан, КБ): сувуп < с^о вуп < с^о вып: с^о вы + п (деепричастие от глагола с^о вы — стынуть, охладиться), сувук (Эргаш, дастан «Товариш Ленин») < с^о вук (холод, мороз; холодный). Ср. в речи Пулкана — шайира: тувук (<т^о вук - курица).

и — *у*. Это чередование обычно встречается в таком фонетическом условии: основа (корень), конечный звук которой является гласный *и*, + словообразующий аффикс, состоящий из одного согласного звука. В этом процессе изменяется слоговой состав слова: предпоследний и последний

звуки основы + согласный (аффикс) → закрытый слог. В этом положении, т. е. в середине слога, в окружении согласных, гласный *и* переходит в *у* [выше было сказано, что звук *у* в узб. языке для концовки слова не характерен, такие слова, как кайғу (горе) и т. п.¹ уже употребляются в форме кайғи и т. п. Закрытый слог является более благоприятным для чередования типа *и* — *у*. Но отсюда не следует делать вывод, что в закрытом слоге указанный гласный *и* всегда превращается в *у*. Есть и случаи «непревращения». Примеры: таны (узнавать, признавать) — танук (МК, Навои) — свидетель, йары (стать светлым) — йарут (Навои) — побудительная форма глагола йары, савы (охлаждаться) — савутма (Навои) — не охлаждать, кичи (зудеть чесаться) — кичук — вертлявый (графически: кичик), ачи (киснуть, прогоркнуть), — аччуг: горький, кислый (графически: аччик) и др.

Если в таких случаях, как куры (сохнуть) — куруғ (QB) — ачуг (Пулкан, KB) < аччик || аччуг (горький), коруг — охрана (кори - охранять), сучук — сладкий, пресный (сучи — быть сладким, пресным), окув — учeba (оки — учиться, читать), кашув — чесание (каши — чесать), с² вук — холод, мороз (с² ви — охлаждаться), авуз (Пулкан) < ² физ (рот), чукур (чоки || чуки - копать. Ср. чудила — выкапывать), эксулмэгэй (Навои, СИ) — не уменьшается (окси - уменьшаться) и т. п., присутствие в последнем слоге гласного *у* объясняется законом губного притяжения, влиянием губно — губного звука σ^2 , то случаи типа тани — тануг || танук этим объяснить, пожалуй, невозможно (так как предыдущий согласный является не губным), если в этом не видеть начала, «зачатия» превращения звука f || k в σ (об этом случае сказано выше). То общее положение, говорящее о том, что гласный *у* второго слога (и последующих слогов) в сущности есть огубленный *и* (лабиальной гармонии подчиняется только гласный *и*: он превращается в *у*³, требует видеть тут действие закона губного притяжения. Здесь превращение гласного *и* в закрытом слоге в *у* налицо, но неясно, является ли это действием указанного закона. Ср. еще такие примеры: йир (расширять, раздвигать) — йируғ (раздвинутый), ² ч (открывать) — ² чуг (открытый. Современное написание: ² чик. Форма ачуг || ачук встречается в староузбекском языке). Можно ли здесь утверждать, что тут гласный *у* происходит путем огубления гласного *и*? В связи с этим нет ли необходимости уточнить указанное положение? («гласный *у* второго слога, и последующих слогов, является огубленным *и*

¹ Ср. йағду (Навои, М) — йағты (хивинский говор: электр йағтысы — электрический луч. йағду || йағты — луч, свет, сияние), -му (показатель вопроса в староузбекском языке) -ми (то же в соврем. узб. языке) -и (то же в некоторых узб. говорах).

² Нельзя сказать, что согласный в никогда не допускает соседства с ним гласного *и*, в таких случаях всегда требует гласного *у*. Ср. примеры: тивит (козий пух), равиш (образ, вид, форма), нвит (размочить, заквасить), шивирла (шептать), гивилла < гавирла - копошиться (гувулла < гувурла - другое слово).

³ См., например, работу Н. А. Баскакова «Каракалпакский язык» (т. II).

в тех случаях, когда в первом слоге имеется лабиализованный гласный, или в окружении гласного *и* имеются губные согласные»).

Чередование согласных: $\kappa - \xi, \kappa - \xi$. Как сказано выше, в конце двусложных и многосложных слов в древние времена писали ξ , потом постепенно начали писать κ (например, в произведениях Навои). По этой причине говорить об озвончении указанного глухого согласного при аффиксации в интервокальной позиции (не всегда, в отдельных случаях) носит скорее всего графический характер, чем фонетический (сарык || сарыг — желтый, саргай — желтеть и т. п.): в подавляющем большинстве говоров здесь мы имеем звук ξ еще до присоединения аффикса (вспомним, что в хорезмских говорах здесь имеем звук κ и этот согласный не озвончается и при аффиксации). Отсюда мы можем предполагать, что такое «озвончение» имело место и в староузбекском языке. Это видно и из разнобоев в написании (АРАБЧА и АРАБЧА и т. п.) Трудно согласиться с мнением, говорящем о том, что «в чагатайском языке, и в совр. северо — узб. языке, глухой согласный не озвончился и в середине гласных... Написание АРАБЧА следует транскрибировать *tesüki*, а не *tesügi*, т. к. в ср. аз. лит. языке, как и в современном узбекском литературном языке, не происходит озвончение глухих [интервокальном положении]. Правда, в нашем памятнике нередки написания АРАБЧА наряду с АРАБЧА и т. п.»¹. Другое дело было бы, если речь шла бы о хорезмских говорах узбекского языка и о языке указанного памятника (как известно, Замахшари написал свой словарь для одного из хорезмшахов - Атсыз'а: XII в.); но тогда тоже возникли бы некоторые вопросы, как определение тогдашнего языка Хорезма, взаимоотношение этого языка и современных хорезмских говоров и т. п. Надо учитывать, что в совр. хорезмских говорах указанное озвончение отсутствует (но и остальных говорах, наоборот наличествует озвончение), но у Замахшари налицо написания как АРАБЧА и АРАБЧА. Наличие этого явления в совр. узб. языке, как ξ й² ги — его нога, тешуги || тешиги отверстие чего либо, — факт общеизвестный. Написание АРАБЧА у Замахшари можно транскрибировать в форме *tesügi*. Этому нет препятствия (как известно, буква каф читается двояко).

Если такие случаи, как $\kappa^2 \xi^2 \kappa$ (казах) — $\kappa^2 \xi^2$ гист² н (Казахстан) мы можем принять за озвончение с оговоркой (так как в конце его произносится κ), то неопределенность конечного согласного слов указанного типа в глаголах с формантом ик || ук имеет совсем другой характер: тут слышится ясный звук κ (чинник — закаляться, κ^2 ник — удовлетворяться, йолук || йолик — попадаться навстречу; подвернуться, ξ^2 шик — торопиться и т. п.). Присоединением к этому глаголу аффикса, начинающегося гласным, мы можем иметь двоякую форму: в

¹ Монгольский словарь «Мукаддимат ал-адаб» (I - II, М. Л. 1938; III - М. - Л. 1939), стр. 427.

литературном языке не происходит озвончения, а в некоторых говорах это озвончение - нормальное, регулярное фонетическое явление. Ср.: ашык (торопиться) - ашығып (торопясь) в народных дастанах. Например: ашығып иш кылмак бунда не дэркэр? Ашыкмағын, хэрнэрсэнин, вақты бар (дастан «Далли»).

Во многих говорах, и в совр. узбек, лит. языке, в односложных словах типа ок (пуля), ок (белый), док (угроза, запугивание), т² к (виноград - растение) и т. п. указанное озвончение в упомянутом фонетическом условии не происходит (оки - его пуля и т. д.), но в джекающих говорах мы имеем озвончение и в этом случае. Призеры: безэкларди тағып (Фазыл, Мх.) - привешивая предметы украшения, чығарып (там же) - выводя, соғум (там же) - убойный скот, жоғатты (Пулкан, М) — он потерял, сөғүп (там же) - выругав, чағымчы (Иргаш, К) — клеветник, ябеда, ағыз (там же) — заставляя течь, лить, сливать или спускать, соғушты (Иргаш, Д) — они сражались, мал бағады (Пулкан, КБ) — он скот пасет, чағырып (там же) — вызвав, татар (там же) — выводить, сақалы ағарған (там же) — он поседел, ағар (Кашка-дарьинская область) — белеть, бледнеть, чығаверди (сказитель Умар Сафаров) — он вышел, дэйрэнин ағышы (Хал'яр — бахши) течение реки, жоғатты (то же) — он потерял, чығып (Фазыл, устный) — выходяв, ағар (то же) - бледнеть и др.¹ В соврем, узб. лит. языке в указанных случаях — к, или к, а не ғ или г. Надо сказать, что иногда в письменных памятниках тоже встречается, правда, очень редко, данное озвончение. Например: ағаргудек (Навои, БВ. Но здесь есть и форма ақар. См. словарь «Абушка», стр. 24). — как будто бледневший, ағартыб (Лютфи) — сделал белым. Однако это — внесение писцом . язык памятника элементов своего диалекта. В староузбекском языке вообще подобные случаи озвончения отсутствуют.

Примеры на чередование к - г (в односложных словах): эгинди эгип, мал бағады — он после посева пасет скот (Пулкан, КВ; в литературном языке: экинни экиб, мол боқади), эгин — посев (Фазыл; устный), тигәди — она шьет (Умар Сафаров), бугулди - он сгибался (Хал'яр — бахши), көгәт — зелень, растения (то же). Такое озвончение иногда имеет место и в соврем, узб. лит. языке: йигир (от диалектального слова йик || ик - веретено. Ср. в андижанском говоре: йикчи || икчи - токарь, изготовляющий веретена). Ср.: бугун (сложное слово: сегодня) < букун (сегодня, букв.: этот день), билагузук (браслет) < билак узук (билак — рука: от кисти до локтя, узук — кольцо, перстень), икки (< ики — два) —

¹ 1 В слове бок² ғ || бук² : ғ (зоб. болезнь) мы увидим обратное этому явлению: бо: ғ (душить) + ² ғ || ² к → бок² : ғ (здесь не может быть речи о влиянии последнего согласного, так как и произношении мы имеем слабый заднеязычный фриктивный звонкий согласный). Это, повидимому, произошло таким образом: боғ + ғ² к. > бокк² к || бокк² ғ (ғ + ғ → к + к, ғ + ғ → к + к. Это - известное фонетическое явление) > бок² ғ || бок² к.

йигирма (двадцать); присоединением аффикса, образующего порядковые числительные, — *инчи* конечный согласный корня *к* переходит в *г*. В отдельных говорах данный конечный звук корня иногда произносится как *й*, этот звук сохраняется и в случае присоединения аффикса — *инчи*: эллик (пятьдесят) — эллигинчи (пятидесятый) эллий - эллийинчи.

к - в (*к - в, г - в, г - в*): *й^ок* (сторона) - *й^овук* - близкий. Ср. *йавугумда* - вблизи меня (ВН), *тут* (завязывать) — *тутмача* || *тувмача* (диалектальная форма: пуговка). Видно, что здесь фонетическое условие - интервокальное положение или соседство с гласным и сонорным звуками. Данное чередование встречается редко, не имеет регулярного характера. Ср. указанный переход в других случаях: *окл^оғи* (длинная скалка) — *окл^ови* (то же в паркентском языке), *боғин* (сустав, бог — завязывать, загородить, лит. язык) - *бувун* (Пулкан, Ш), *сугуриб* (вынув, лит. форма) — *суварып* (Пулкан, КБ), *йайағ* || *йайак* - пеший (Навои, М., Б - Н и др.) - *йай^о* в (соврем. форма), *йайлак* - летовка, летнее пастбище (Навои, М.), *йайл^о* в (современ. форма), *туғал* - полностью (лит. форма), *туғал* (диалект. форма), *аччиги чикиб* - рассердившись (лит. форма) — *ачувы чығып* (Пулкан, КБ), *эғак* - напильник (староузбекский язык) *эғав* || *эғ^о* в (совр. узб. язык), *билсак* — если мы узнаем (лит. форма) — *билс^о* в || *билс^о* вуз || *билс^о* в за < *билс^о* вуза (ташк. говор), *тиргак* - подпорка (диалектальн. форма) - *тиргавуч* || *тирг^о* вуч (лит. форма), *ғиз* - рот (лит. форма) - *авуз* (диалектальн. форма), *тоғри* - прямой, правильно (лит. форма) - *тувры* (диалектальн. форма), *кашл^оғич* — скребница (лит. форма) — *кашавыч* (<кашлавыч): в хивинском говоре (ср. *каш^о* в — в андижанском говоре), *карағу* - смотреть (староузбекский язык) — *к^ор^о* вул (караул; совр. форма), *коғурм^оч* || *ковурм^оч* (жареная пшеница). В случаях *к^ор^о* вул, *каш^о* выч, может быть, звук *в* заменяет гласный *у*: вследствие выпадения согласного *г* гласный *у*, во избежание зияния, перешел в *в*. Ср. еще: *суг^о* риш - орошение (лит. форма) - *суварыш* (сарайский говор): *су* (в) *ғ^о* р - *сув* (ғ) *р*, или: *суг* || *сув* + *р*.

г - й (*к - й, г - й, қ - й*): *б^оғ* (вязка, вязанка) — *б^оғла* || *б^ойла* и *байла* (диалектальн. формы) — *завязать*, *шмағунча* (до перехода, лит. форма) — *ашмайынча* (Хорезм). Ср. *кечаги* (вчерашний, лит. форма) *кечиги* || *кечийи* (диалектальн. формы: последняя встречается очень редко), *суйун* (диалектальн. форма, в лит. языке: *севин* - радоваться) — *сугун* (в ойротском языке), -*лиғ* || -*лик* (словообразующий аффикс имен) — *лий* (диалектальн. форма). Переход звука *г* в *й* в орхонских надписях еще указан В. Томсеном.

К - х: *окша* > *охша* (быть похожим), *к^окша* > *какша* > *кахша* (рассыхаться), *йок* // *йог* — *йокла* (навешать) > *йохла* (диалектальн. форма). Ср. *б^ор-йоғи*: все, что он имеет), *р^окча* - *акча* > *ахча* (монета; деньги), *тоққуз* (девять) - *тоқс^он* (девяносто) > *тохс^он* (диалектальн. форма),

кирхта туйа — сорок верблюдов (маргеланский говор) - кихта (ташк., наманганский говоры). Ср. хадыр (поворачивать, вертеть) и кайыр (крутить) у МК. Современный заднеязычный фрикатив *x* во многих случаях происходит от древнего согласного *κ*: макта > махта - хвалить, йакшы > йахши - хороший, токта > тохта - остановиться, пакта > пахта - хлопок и т. п. Ср. употребление звука *κ* не без влияния указанного фонетического явления в заимствованных словах, морфемах вместо согласного *x*: мактэпкана (Нурман-шаир) < мактабхэна (школа); акын < ахунд в киргизском языке.¹

К — х. Данный переход происходит на диалектальной почве: согласный *κ*, стоящий в конце слога, перед определенными согласными произносится как *х*. Примеры: көрклуг (в староузбекском языке, в совр. узб. языке: кўркли - красивый) - кохлув (ташк. говор), кўклам - весна (лит. форма) - көхлэм (Пулкан, КБ), туксиз - безволосый, голый (лит. форма) - тухсим (диалектальн. форма), тикди — она сшила (лит. форма) — тихти (диалектальн. форма), йукла — грузить (лит. форма — йухлэ (маргеланский говор). Этот согласный не есть фарингальный звук, который в современ. узб. письменности обозначается указанной буквой (*х*), а заднеязычный мягкий *h* (для простоты мы его обозначаем той же буквой *х*).

П — б. Согласный *β* в конце слова оглушается, произносится как звук *п* [соответствие этих согласных встречается в источниках истории языка и в начале слова. Такое историческое соответствие, чередование видно в таких случаях, как бит // пит (писать), быч // пыч (резать), бычак // пычак (нож) и т. п. Ср. иши питти — дело его закончилось (Пул. д., КБ)]. Озвончение этого согласного присоединением словообразующего аффикса, начинающегося гласным (или звонким согласным), обычно является диалектальным изменением, но такое явление мы имеем и исторически. Например: кап (закрывать) - қабаг - веко (Навои, МЛ), сакраб // сакрап (прыгая) — сәкрәбан (Навои, ЛМ), кап (хватать) — кабан (кабан. Но в хивинском говоре: капан). Ср. кит² б // кит² п (книга) - кит² би (его книга), мактаб // мактап (школа) - мактабд² ш (сошкольник): в современ. узб. лит. языке.

В джекающих говорах такое изменение (*п — б*) при аффиксации — явление обычное. Примеры: ат чабылды - на лошади ездили (Халъяр бахши), чабышып - убежав (то же, чап бежать), көбик (пена. Фазыл, устный. Коп - пухнуть, опухать, вздуться), гəбим - мое слово (Пулкан, М., гəп - слово, речь), тибирчилə — трепыхаться (Фазыл, устный; тип-тип, типир-типир: звукоподраж. слово), көбəйсə — если увеличивается (Эрғаш,

¹ См.: К. К. Юдахин. О киргизском термине акын (сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому». М. 1953, стр. 324 - 328). Ср. «фонема *x* до революции в казахском и киргизском языках отсутствовала, а отсюда всегда *x* → *κ* или в казахском алфавите *κ*». (Там же, стр. 326).

дастан «Товарищ Ленин»; көп - много), табалмайсэн - не найдешь (Пулкан, «Ишан»; тап - найти), гəблəшəлмəй - не могший поговорить (Умар Сафаров, гəп — слово, речь), табышып - встречавшись (Пулкан, КБ; тап - найти). Эти случаи в современ. узб. письме не отражаются, так как в ведущих городских говорах указанное фонетическое изменение отсутствует.

П — в. Данный переход является другим видом предыдущего: *n // б* и *n // в* (вернее: *n — б // в*). Любопытно, что в строках Пулкана — шаира (дастан «Мардикар»): кулагыңа айткан гəбим кирдими? Бу гəвимди зинхар хəзил билмəннəр — Ты слышал мое слово? Это мое слово ни в коем случае не принимайте за шутку! (в лит. форме: кул² гинга айтган гапим кирдими? Бу гапимни зинх² р хазил билманглар): в первой строке мы имеем форму гəбим, во второй же строке — гəвим, Ср. кабаг — веко (у Навои) - к² в² г (в ташк. говоре) — к² в² к (в совр. лит. языке), шибир - шибир - шопот, перешептываньє (Эргаш, Д.) - шивир - щивир (таш. говор), тушмабэди - не слезал (лит. форма) - чушм² вди // чушм² вди (ташк. говор). Ср. ойлам² вди (М.Бабаев, стихотворение «Йурак сад² си» — «Голос сердца») — он не думал.

Примеры на указанное изменение: девлəр йатыр йєрни кавып - злые духи лежат под землей, т. е. умерли (Фазыл, дастан «Витязь в тигровой шкуре»), тевип - лягать, пинать (Хальяр — бахши), тавылады - найдется (Пулкан, Ш), тавып - находя (Фазыл) эвля // эпла - сумеь (ташк. говор. Ср. эпчил - ловкий). Это явление, как внесение диалектальной черты писцом, отражено у Абулгази: көп чавып (много побегав).

Когда данное явление имеет исторический характер, не чувствуется связь с первоначальной формой, то оно отражается и в современ. узб. лит. языке: к² вурга (< қапурга - ребро), к² в² к (< қапак - кабак - веко) и т. п. Ср. савзи (< сабзи - морковь), таван (< табан - пятка), ишкив² з (< ишкиб² з - любитель).

П — м (также: б — м): тумəн (Фазыл, устный) < тубəн - низкий, нижняя часть. (Ср. йус туман тушип - упав лицом на землю. Ташк. говор), кама - закрывать, окружать (совр. форма) < қапа (кап - хватать, закрывать; то, чем закрывают). [Ср. қапамак - окружать, закрывать (Навои, МЛ), қорғанда қабалғанларның - заключенных, окруженных в кургане (Навои, ФШ), қал'аны қабаб - окружив замок (М. Салих, Ш), қабал - окружение (там же), қабалдылар - они окружены (Абулгази), қамады - окружили (Фазыл, М)], қопар - взрывать (қоп — вставать) — қомар (паркентский говор), чубчук // чупчук — воробей (Навои, ЗИ) - чумчук (совр. лит. форма) - чимчик (бухарский говор. От звукоподраж. слова чип-чип. Ср. чугурчук - скворец, кучук - собака, мушук - кошка, жамынар (Эргаш, К) й² пинар - накрываться (й² п - накрывать). Иногда встречается обратное

явление ($b \leftarrow m$): тартынбай – не уклоняясь (Фазыл, устный) < тартынмай (лит. форма: т² рт-ин-ма-й).

Н — нг. Как известно, звук *н* перед согласными *к, г, қ, ғ* произносится как нг: йувин + ган → йувинган и т. п. Ср. такое явление в конце слова: топал² н // топалаң - суматоха, койлакчан // койлакчан - в одной рубашке; современное слово калын - толстый у МК — в форме калың. Возникает вопрос: это не имеет ли формы *н + г* → нг и т. п.? Можно согласиться с положительным ответом. Звук нг в слове йаланг (голый) отличается от этого же звука в слове йалаңг² ч (йалан + г² ч - голый): последний является более задним. Итак, *н + г* → н (заднеязычный, носовой), *н + ғ* → қ (глубокозаднеязычный, более назализованный). Ср", коныз (жук), тонгыз (кабан), й² ныз (< й² лғыз - одинокий), й² ныр (< й² мгыр - дождь). В некоторых говорах, например, в ташкентском, эти два звука являются отдельными фонемами.

Иногда встречается обратное указанному изменению. Например, он (правый) - онайк (ашичка, правша).

Л — *д*. В современном узбекском языке при образовании имен от глагола, произведенного от звукоподражательных слов, звук *л* переходит в *д*: чийилла (пищать, попискивать) - чийилд² қ (стрекочущий), какилла (кудахтать) - какилд² қ (пустомеля), шакилла (звукоподражат. слово от стука, удара) - шакилд² қ (testicula), чирилла (я, рчать, стрекотать) - чирилд² қ (стрекочущий звук). Исторически мы тут имеем такую картину: -ла // -да. В приведенных примерах *л + л* происходит от *р + л*: какирла → какилла. Вообще, звуки *р* и *л* могут чередоваться: х² вирик > х² врик // х² влик - спешить, волноваться (в современ. узб. лит. языке обычно употребляется последняя форма), ингла (у Навои) - ингра (в совр. узб. языке) < ингира.

Р — *с*. При образовании отрицательной формы причастия на - *р* вместо этого аффикса употребляется согласный *с*. Об этом есть упоминание в «Арабе-филологе о тур. яз.» (IXVI), айтар - айтмас. Это, как известно, идет по такой линии: *р* → *з* → *с*. Ср. болмаз (не будет) у Кутб'а. О чередовании звуков *р* и *з* сказано у МК (I, 23.) Ср. еще примеры: тозгур («Диван», III, 200. Есть и форма тодгур: *d — з*) — тойгуз // тойгиз (совр. узб. язык) - побудительная форма глагола той (быть сытым, ²з (уменьшаться, худеть) - ²рик - худой (²риг < ²григ? - больной), сез (чувствовать) - сергак (бдительный).

Мы здесь говорили о некоторых чередованиях, соответствиях, имеющих отношение к аффиксальному словообразованию. Эти вопросы, которые еще почти не исследованы в историческом аспекте, должны анализироваться в плане исторической фонетики узб. языка (не только с точки зрения словообразования). Например, изменения *д - т - з - й*: адак - азак - аяк - ноги, башдан адак - с головы до ног (Эргаш, К).Кудук

(колодец; - куйи (то же в Хорезме), бедук (МК, 1,413) - буйук (великий, большой), йадаг - йайак (пеший), адырыл - айырыл - ажырал > ажрал (отделяться) и т. п.; *и* — *й*: кантар (Фазыл, Р - привязываться, поставить на выстойку) - кайтар - поворачивать (лит. язык), кандын? (Араб. фил. о тур. яз., стр. 0106; Кутб. Откуда?) - кайдын? (Навои, Лисан ат-тайр — «Язык птиц» - ЛТ; некоторые узб. говоры), канда? (Фазыл, Р) - кайда? (где?), чинкир (пизжать) - чийкир (кокандские говоры), канча? (сколько? кан + ча) - кайчаг (Навои, FC); кач² н)? (какое время? - когда?), кандай? (какой?) - кайси? (который?, кайдак? (Муками. Какой? Как?) - канд² к // кандай? (совр. форма) - канд² г (диалектален, форма). Ср. рифмовку *қанда?* (где?) *анда* (там) у Атаи: айағынг канда болса, ба:шым анда (где твоя нога, там и моя голова); кыйа, кийэ (уменьшительные частицы у МК: III, 127) - кина, кина, гина тоже в совр. узб. языке); *з* - *й*: й² й (расстилать, распускать, распространять) - й² з (расстилать, стлать, распускать, развернуть). Ср. төрни йазыб¹) - развернув сетку (Эргаш, К), улгазты (МК, I, 416) - улгайди - он вырос (совр. узб. яз.), тозгур (МК, II, 202) — тойғуз // тойғиз (побудительная форма глагола той - быть сытым); *л* - *р* - *й*: карал (чернеть, темнеть. Навои, М) - к² рай (то же в совр. узб. языке), кыскал (укорачиваться. Араб-фил, о тур. яз., XL) - кискай - киск² р - кискар (совр. узб. язык), саргар (желтеть. Навои, газели) — саргай (совр. форма); *в* — *й*: йуйул²) умываться (Навои, М, МЛ) — йувил (совр. форма); *ч* — *ш* и *ш* — *ч*: олча (мерить) - ошла (то же в ташк. говоре), учта (три) - ушта (диалектальн. форма), бошла // бошат (освободжать) - бочла; диалектальная форма: (Пулкан, Ш); *нг* — *й*: уканиз (ваш мл. брат) - укайиз (диалектальная форма); *о* — *т*: хизматкор (слуга) — хизмэдгэр (у Фазыла Юлдаша); *қ* — *к*; йук (+ кари — верхняя, верхняя часть) - йук (+ сэ + л возвышаться. Некоторые корни употреблялись в твёрдой и мягкой формах. Сюда имеет отношение слово йук - груз?) Ср. каф и каф могут чередоваться (МК, II, 74) и др. Такие звуковые изменения см. в «Памятниках...» проф С. Е. Малова.

Удлинение гласных. Долгота в узбекском языке во многих случаях появляется вторичной, заместительной. Эта вторичная долгота имеет свои разновидности. Природа долготы в киргизском языке освещена в упомянутой работе «Фонетика» И. А. Батманова, стр. 31 - 43; для узбекского языка см. статьи В. В. Решетова. См. еще статьи Е. Д. Поливанова в Изв. АН СССР, ОГН, за 1928, 1929 гг.

Долгота, удлинение гласного в узб. языке служит для выражения эмоциональности, интенсивной степени качества, длительности и

¹ Глаголы й² й и й² з в совр. узб. языке имеют тонкую разницу, оттенок и по употреблению.

² Первоначальным корнем этого слова является, пожалуй, форма йук. Ср. АРАБЧА «если будет мыть» (АРАБЧА) в «Памятниках...» проф. С. Е. Малова (стр. 321). Ср. аналогичное явление со словом сув - вода (см. М. Е. Galtier. Notes de linguistique turque (1904).

многократности действия, дальности (во временном и пространственном отношениях), подчеркивания («идеализации»). Но все эти явления не имеют прямого отношения к аффиксальному словообразованию, поэтому мы здесь не будем заниматься анализом их, а ограничимся приведением примеров: эрталаб (утром) - э:рталаб (рано утром), катта (большой) - ка:тта (очень большой), х² ванави (вог, тот) - х²:ванави (тот, стоящий сравнительно на далеком расстоянии), так-так (звук от удара, стук) - та:к-та:к (время удлинено между стуками), секин-секин (постепенно, медленно) - секи:н-секи:н (еще медленнее. Ср.: нельзя удлинять гласный в слове тез - скоро, нет сочетаемости между значением данного слова и значением, передаваемым при помощи удлинения гласного); ойлаб (продумав) - ойл:аб (долго продумав), узун кун йуради (он целый день ходит) - узу:н кун йу:ради (он целый день ходит - ходит), майда й² цыр (мелкий дождь), ма:йда и² ныр (очень мелкий дождь), уни хоп синади (он его хорошо испытал) — уни хо:п синади (он его очень хорошо | хорошенько испытал), канча? (сколько?) - ка:нча? (сколько?), ж² н² па (душа сестра) - ж²:н² па (душенька - сестра), ² паж² н (сестра, милая) - ² паж²:н (сестра, миленькая) и др.

Несколько попутных замечаний по интересующему нас вопросу: 1. Так как узбекским гласным долгота не характерна, долгота вошедших в прошлое из арабского и персидского языков слов часто исчезает, данный гласный в узб. языке становится «обычным» - не долгим (ж²:н = ж²н: душа, к²:газ - к²ғ²з; бумага: мад²:р - мад²р: сила, бах²:р - бах²р: весна, пахтак²:р - пахтак²р - хлопкороб, к²:рхэ:на - к²рх²:на: предприятие, промышленное заведение и. т. п.), или данная долгота заменяется удвоением последующего за этим гласным согласного. Например, чи:ни (фарфор, от слова чи:н - Китай) → чинни (то же). Ср, примеры: чи:ни идиш (Навои, ВВ) - фарфоровая посуда (над буквой *и* нет ташдид'а), в хорезмском фольклоре: сизни эйван бизни эйван эмэсми? Ортасында чи:ни нарван эмэсми? (чи:ни нарван - растущее шапкой дерево, «китайское дерево - китайский карагач»; в Ташкенте: сада кайраг²ч). Слово чи:ни («китайский») в соврем, узбекском лит. языке, а также в большинстве его говоров, произносится с удвоенным *и*, поэтому исчезает долгота гласного первого слога (чинни): Ср. еще: к²:мат (рост, стан, туловище) - кавмат (Хальяр - бахши. Здесь добавлением звука *в* отстранена долгота предыдущего гласного); слово он уч (тринадцать) в ташкентском говоре почему-то прозносится в форме о:нуч (о:-нуч), а в кокандском говоре данной долготы нет, но звук *н* удвоен: оннуч (он-нуч). 2. В некоторых словах указанного типа двойные формы (форма с долготой и форма с исчезнувшей долготой) получили дифференциацию (иногда — с чередованием гласных). Например: х²:зир (присутствующий; готовый; сейчас, теперь, ныне), х²:ир бол (будь готов) - хазир бол (быть

осторожным, остерегаться, быть аккуратным), уст^о: (мастер в значении хитрый. Ср, уст^о:ман // уст^о:м^он - хитрый, коварный) - уста (мастер; умелый, искусный), к^о:дыр (могущий, способный) - К^одыр (собственное имя), ^о:лим (ученый) - ^олим (собственное имя) и т. п. (Исчезновение долготы гласных в собственных именах, по происхождению являющихся арабскими или персидскими-таджикскими, особенно сильно). 3. Долгота гласного второго слога в слове бий^о:р (какой-нибудь, ташк. говор) получилась, по-видимому, на почве эмоциональности: бир^ор > бир^о:р > бий^о:р? 4. Слово канча? (сколько?), получив долготу (на эмоциональной почве), изменяется и грамматически: канча? (вопросительное местоимение: сколько?) - канча? (наречие: сколько? - много, так много).

Теперь несколько слов о долготе, удлинении, вместе с тем и укорачивании гласных, связанных с явлением аффиксации: 1) в связи с присоединением к собственным именам безударного аффикса, образующего фамилии, -ов, -ев (-ова, -ева) гласный последнего слога корня, основы, получает долготу: Йолд^ош - Йолд^о:шев, Турсун - Турсун:нов, Т^ош - Т^о:шев, Турди - Турди:ев, Карим - Кари:мов и т. п. В фамилиях, где указанный аффикс является ударным, данная долгота не появляется: Малов, Седов, Большаков и т. п. 2) Некоторые корни, имеющие вторичную долготу, с прибавлением аффикса теряют ее. Например: ча:(ф) < чаг - звукоподр. чаг-чаг; (Ср. ча:ф - чу:ф < чаг - чуг: шум и гам! ба:г - бу:г > баг - буг: шум и гам) - чакир (вызвать), ба:(ф) (< баг бакир (кричать), Ср. ч^о:ра (мероприятие) - бечара (бедняк). Тут надо учитывать, что, во-первых, в значении слова бе:ч^о:ра (безвыходный) употребляется слово ч^о:расиз, во-вторых, заменен и сам гласный (^о: - и), в-третьих, налицо и смысловое изменение: слово бечара в узб. языке имеет значение «бедняк, бедняга» (и в форме беч^о:ра) Слово й^ор (< й^о:р - возлюбленная, возлюбленный; друг, подруга) при аффиксации с изменением в слогостроении (со смещением корневых и придаточных морфем в слоговом отношении) получает долготу: й^ор - й^о:рим - моя возлюбленная [ср. жон (ж^о:н - душа) - ж^о:ним - моя душа]; но: й^орли (имеющий возлюбленную), й^орсиз (без возлюбленной). Ср. строки из народных песен: й^оргинам, неччига кирди й^о:шингиз? (Любимая, сколько вам лет?). Й^ор, нималар девдим сизга? (Любимый, что я вам сказала?) и др. 3) Слово к^он (удовлетворяться) присоединением словообразующего аффикса -ик получает двоякую форму, различаемую долготой: к^оник (удовлетворяться вполне. Глагол. Аффикс -ик - показатель возвратного залога?) - к^о:ник килмади (не удовлетворяться. К^о:ник - имя существительное со значением «удовлетворение».) Во втором случае корень получает долготу в связи с присоединением аффикса. Можно ли сюда включить образование ^оз (1. худеть, 2. мало) - ^о:рик // ^о:риг - худой? (р // з - обычное чередование). По-видимому, нет; ^о:рик < ^орик

(больной). 4). Словообразующие аффиксы, полуаффиксы арабско-персидского происхождения (эти элементы - мертвы, они встречаются в считанных словах), которые имеют в своем составе долгий гласный, в узбекском языке, особенно в нелитературной речи, обычно, употребляются без долготы: арх. слово $\text{сахр}^{\circ} \text{:йи}$ - степняк (йаи нисбат имеет долготу в таких книжных словах, как илмий - научный, адабий - литературный и др.), $\text{пахтак}^{\circ} \text{р}$ - хлопкороб (пахта - хлопок), $\text{орукз}^{\circ} \text{р}$ - абрикосовый сад (\circ рук - абрикос), $\text{амалд}^{\circ} \text{р}$ - должностное лицо (ачал - должность), $\text{с}^{\circ} \text{атс}^{\circ} \text{з}$ - часовой мастер ($\text{с}^{\circ} \text{ат}$ - часы), арх. слово $\text{каптарв}^{\circ} \text{з}$ - голубятник, т. е. любитель голубей (каптар - голубь, $\text{в}^{\circ} \text{з} < \text{б}^{\circ} \text{з} - \text{б}^{\circ} \text{:з}$); $\circ \text{шх}^{\circ}$ на - столовая; кухня (\circ ш - пища, еда), арх. слово тойана - свадебный подарок (той - свадьба, -ана < \circ :на. Ср. арх. слово кормана - подарок за погляденье молодухи), арх. слово зайпана < зайипана - женский дамский (за'иф \circ ;на).

5) Словообразующий аффикс имен прилагательных -ли произносится в форме -ли:. Здесь долгота происходила за счет следующего за гласным согласного (-лик // -лиг → ли:). Но в некоторых говорах данный аффикс, потеряв долготу, произносится с кратким гласным, в результате чего мы имеем изменение в присоединении к этой основе притяжательного аффикса. Например: -ли: — акиллигим // акиллийим (мой умный мальчик, -им: притяжательный аффикс) - ль - акилльм (то же, -м: притяжательный аффикс), Ср. карчыгай чэнэлльм (в народных дастанах, карчыгай - ястреб, чэнэл - когти, карчыгай чэнэлль — «ястребокоготый», т. е. ловко, крепко схватывающий). 6) В слове сийла - уважать (сий - уважение, -ла: словообразующий аффикс глагола) чередование долготы и краткости в первом слоге в дальнейшем получило смысловую разницу: сийла (уважать) - съла (поглаживать, гладить). Тут мы предполагаем, что эти слова генетически связаны: поглаживать, гладить (т. е. ласкать) есть вид абстрактного понятия уважения? 7) Выше было сказано, что долготы в узбекском языке обычно появляется заместительной: удлинение за счет выпадения согласного, слияние одинаковых гласных и т.д. В таком «поглощении» элементов особенно выделяются хорезмские говоры. В них тем речи очень быстрый, в результате чего иногда трудно уловить, понять отдельные слова¹. Например: ойлами:н (< ойламайин - не подумав), агрими:н (> агримайин - не заболел), Мэдри:мъвэ < Мэдрий:мъвэ < Мэдрэй:мъвэ (фамилия). Ср. ба:ларда < багларда < бу йагларда - на этих местах, здесь (кокандский говор). 8) В собственных именах (арабского происхождения) типа Карим, Салим в узб. языке гласный последнего слога не имеет долготы (в арабском эта долгота имеется), но в женских именах, образованных из этих же слов, она сохраняется (Кари:ма, Сали:ма), однако это образование происходило не на почве узбекского языка, в нем эти

¹ О быстроте речи говорится в книге... АРАБЧА (Ибн Муханна). Имеет ли отношение язык данного памятника к современным хорезмским говорам? (Об этом отдельно).

слова воспринимаются как одно неделимое, а не производное, не ассоциируются с указанными мужскими именами.

В ы п а д е н и е з в у к о в. Данное фонетическое изменение, которое серьезно изменяет структуру слова, известно с древних времен, оно встречается и в староузбекском языке, и в современном узб. языке, но в последнем, особенно в диалектах, сравнительно чаще. Примеры: айт (поворить) < айыт (то же), буйрук (приказ) < буйурук (то же), ағзы (его рот) < агыз-ы (то же. Указанные примеры взяты из «Памятников» С. Е. Малова), кубза (МК, I, 19) - играть на музыкальном инструменте кобуз // кубуз (кобуз + а → кобза. Ср. строку Сайда Ахмада в «Таашшукнаме»: кубуз кубзаб ичэйлик кулиб - ойнаб - Играя на кобузе, выпьем весело), курсак - живот (МК, I.17) < куруғсак (там же), соргу - прибор, которым берут кровь из вены человека (МК, I, 16) < сугурғу (В. Радлов. Словарь, IV, 764), кулнады - жеребиться (МК, III, 64); III, 235) < кулун-а-ды // кулун-лады (кулун - жеребенок), кечруг (там же, II, 127) < кеч-ир-уг - переправляться через реку, воду и т. д. У МК такие слова встречаются сравнительно часто: оғлан < огул-ан: сын; воин, оғлан; буйрук < буйур-ук: приказ, айрыл < ай-ыр-ыл: отделиться, ойна < ойун-а: играть и др.; билкэ - мудрый (Q. B.) < билиг-э? Ср. көркэ (көр - видеть, көрк - красота, көркэ - с красотой: красивый) - билкэ (в обоих словах аффикс э выражает обладание тем, что обозначает корень); сарға = желтеть < Араб-фил. о тур. яз., раздел «Словообразование») < сарыг-а // сарыгай (то же), йу (там же, «Словарь») < йув (мыть), оғлаг (там же, стр. 069; «Словарь» Н. Vâmbéry, стр. 223) < огул-ағ - козленок. Ср. оглак (в бухарском говоре, в том же значении), ул² к // ул² :ғ (ташк. говор); оолак: в шорском языке в значении «сын». (См. Грамматику шорского языка Н. П. Дыренковой). узэ (Рабгузи) < узрэ < уст-рэ (на, на основании, сверху), сырға (серга) < асырға [П. М. Мелиоранский, Араб-фил, о тур. яз. Ср. Лыбастр (ташк. говор) < альбастр], айттым - я сказал (Ах. Югнаки) < ай-ыт-тым (то же, в том же значении), кайан? - куда? (Яссави) < кай йан (какая сторона? - в какую сторону?), йур (Кутб) < йув-ур (он будет мыть), айтур - сказать (Саккаки) < ай-ыт-ур. Ср. атти - в кокандском говоре (в том же значении), этти (ташк. говор), кайан (Атаи) < кай йан (в какую сторону, куда)?, йугузгучи (Лютфи) < йув-гуз-гу-чы (от слова йув - мыть); из произведений Навои: айтку (МЛ) < ай-ыт-ку (сказать), кайтку (там же) < кай-ыт-ку (возвращение), боғзым (там же) < боғуз-ым (мое горло), кыйна (там же) < кыйын-а (мучить, стеснять), йуды (ЛТ) < йув-ды (он вымыл), йумағ (там же) йув + мағ (мыть), йубан (СИ) < йув-уб-ан (вымывшись), йуб (ФШ) < йув-уб (вымывшись), йур (СИ) < йув-ур (мыть), букрэйиб (НШ) < бук-ур-эй-иб (согнувшись), бурнагы (СИ) < бурун-а-ғы (прежний), буйрук (М) < буйур-ук (приказ), буйруғы (там же, СИ) < буйур-ук-ы (его приказ). Из других произведений: боғзыға (Б) < боғуз-ы-ға (в его горло), улғайған (М.

Салих, III) < улуғай-ган (выросший, ставший большим), буйруғида (Абулгази) < буйрук-ын-да (в его приказе), йунды (Турди) < йув-ун-ды (помои) и др.; из народных дастанов: бувнын (Пулкан, III) < був-ун-ын < бог-ун-ы-н (его сустав), калай? - как? (Фазыл, P) < кандай (?) с вполне допустимым чередованием л // н. Ср. ошандака → ошанака (такой же; ошандака → ошанака → ошанака? Мног. случаи выпадения звуков происходят через ассимиляцию. Об этом дальше), «анак (< андак – так» (С. Е. Малов. Уйгурский язык, М.-Л., 1954, стр. 137), куплап (Эргаш, K) – куллап // куллап (< куллап – заперев на замок, от арабск. куфл < замок), йугән (Фазыл, МП) < йув-гән (вымывший), уй (Фазыл, P) < ундай (так, такой), суса (Эргаш, K) < сув-са (жаждать, сув – вода), жука (Эргаш, «Товарищ Ленин») < жупка // йупка (тонкий по слою) Ср. йука чапан (Эргаш, K) – тонкий халат, урлап (там же) < урурлап < оғурлап // оғурап (воровав), тасырлап (Фазыл, P) < тарс-ыр-ла-п (тарс – звукоподраж.); из живой речи: йуйди (йув – мыть), йудир (ташк. говор) < йувдир (побудительный залог глагола йув – мыть). Ср.: йувдир (Хорезм) – йудир (ташк. говор), йувди (говор туркестанского района) – йуди (ташк. говор), йувгән (туркестанский район) – йуган (ташк. говор), йугучы – прачка (Замахшари), йудим – я вымыл (иканский район), кохти (ташк. говор) < корхти < коркти (он испугался), тескари (там же) < терскари (наизнанку, противоположной), қайил (там же) < қайирил (поворачиваться. Ср. айрылма в СИ (Навои, айрыл < айырыл – отделяться), йухсиз (ташк. говор) < йувухсиз < йувуксиз (немытый), бурәк (Хорезм) < буйрәк < буйурәк – почки. Ср. буйур (бок) в народных дастанах; йунди (ташк. говор) < йувунди (помои). Ср. йундихур (Гафур Гулям, поэма «Кукан») < йувундихур > (прихлебатель, прислужник) и др.

Такие формы, как буйурукы (его подначальные), адырыл (разлучаться, отлучаться) – из рунических памятников; көнүлүн (его сердце) – из памятников уйгурского письма, йувса (если будет мыть) – из ранних памятников арабского письма, показывают, что выпадение звуков в древние времена было сравнительно редким явлением, оно постепенно расширило свой круг (указанные формы в современ. узб. языке имеют вид: буйруғи, айрил // ажрал, конлин, йуса). При этом долгое время употреблялись обе формы («полная» и «сокращенная»): у МК имеются формы и адырыл и адрыл (разлучаться), у Навои (и до него) встречаются формы айыт и айт (говорить). Это обстоятельство дало возможность в стихотворной речи чередовать эти формы учитывая требования ритма¹. Ср. примеры: эдиб Ахмад айттым эдәбсәнд сөзим (Ахмад Югнаки). У того же

¹ При выяснении обычных норм языка, особенно фонетических, приходится осторожно постулировать со стихотворной речью: поэты старых времен, написав по неподходящему к фонетической системе узб. языка размеру аруз, ломали слова и формы. (явились формы, которых нет в данном языке: тувшумда (Лютфи) – во сие (обычная форма: тушумда), көрнәдур (Лютфи, Навои) – виднестя (обычная форма: көрүнәдур, тушур (Кутб) – низволят, опускают (обычная форма: тушурур).

поэта встречаем формы: айыт-миш, аймиш (сказавший); фэлэкнинг гэр тили болса, айытсун (Саккаки), у того же поэта: ким корсэ энинг йузини, айтур...

История языка показывает, что бывают случаи, где полная форма исчезает и этим данное фонетическое явление становится неощутимым, или полная и сокращенная форма расходятся по значению и получаются как бы отдельные слова. Например: современные слова айт (говорить), арт (очищать), кайт (возвращаться), курт (сушеный творог), мурт (усы) происходят от форм айыт (ай - говорить, айыт - понудительная форма от этого глагола: заставлять говорить, но потом формы ай, айыт и айт начали употребляться в одинаковом смысле «говорить»: «вымерла» залоговая форма), арыт, кайыт, курут, мурут < бурут. Ср.: «ai - говорить, айыт: 1. проповедь, 2. заставить говорить» (С. Е. Малов, «Памятники...»), арыт - очищать (там же), курут (Навои, МЛ. QB. Ср. курут - сыр: в ойротском языке), айытқу (QB), арымас нечэ йувса кан бирлэ кан - сколько мыть кровь кровью, все равно не очищается (А. Югнаки), кайытгы - он возвращался (Навои, СИ. Ср. современные слова: кайир - отворачивагы, кайирил - отворачиваться, кайиш - гнуться), айыттыким бу сурэткэ не терлэр - сказал: что скажут на эту картину (Кутб), эшкин арытыб кула:гы бирлэ, жисмини кашыб тува:гы бирлэ (Навои, ЛМ. Меджнун в степи встретился с газелью. Она его слезы вытерала ушами, его тело чесала копытами). Бақкалы дузди бад бурут, бир тангы сагтай бир курут - лавочник, вор с некрасивыми усами, штуку сухого сыра (в круглой форме) продает по одной монете (Мукими). В современном узбекском языке: нет формы айыт, имеется только форма айт (айт - говорить, айттир - понудительный залог данного глагола, в смысле говорить, имеются диалектальные формы: эт, эт), форма арыт (ары - очищаться, иссякать, арыт - понудительная форма данного глагола) употребляется в значении удалять, уничтожать (предмет - объект стоит в винительном падеже: кирни арит - удалять грязь, чангни арит - удалять пыль), а форма арт - в значении очищать; вытирать, протирать (объект стоит в винительном падеже: ? йнани арт - очищать, вытирать стекло, йузингни арт - вытереть лицо, терни арт — вытирать пот); нет формы кайит, а форма кайт потеряла понудительность (кайт - возвращаться, кайтар - понудительная форма данного глагола); слово курут // курут имеет только глагольное значение (кури - сохнуть, курут - понудительный залог данного глагола), в значении «сухой творог в форме круглых комков» употребляется форма курт, которой не было в староузбекском языке. Причиной этого явления в данном случае, пожалуй, является то, что звуки *й* и *р*, по известной причине, в словостроении, звукосочетании иногда выступают как гласный звук [ср.: нельзя от слова ташит (понудит, форма глагола таши - тащить) получить форму ташт], в языке существуют звукосочетания в форме *й + т*

и $p + t$; глагол в значении «сохнуть» имеет две формы («простую» и «расширенную»): куры и кур (в дальнейшем они получили смысловой оттенок). А. Н. Кононов появление формы курт (куру-т > кур-т) связывает с явлением легкого исчезновения редуцированного гласного¹. Надо сказать, что в слове курут гласный второго слога сильнее, чем первого слога (самое сильное положение гласного - позиция под ударением), если это явление можно связать с предположением о том, что в древности ударение падало на первый слог слова, только тогда положение указанных гласных меняется. Значит, ослабление гласного последнего, не первого, слога связывается, в связи с упомянутой гипотезой, с древнейшими периодами. В истории языка, как известно, такая мена положений вещей возможна (языковые явления иногда могут различаться по отдельным эпохам). Например, с точки зрения современного узб. языка в словах икки (два), йетти (семь), саккиз (восемь), токкуз // токкиз (девять), оттуз // оттиз (тридцать) наличие двойных согласных - явление обычное, нормальное; отсутствие одного из этих согласных связывается с понятием «выпадения», но исторически это все выглядит наоборот: первичными формами, как известно, являются не наши привычные икки, йетти и т. д., а - ики (ср. игирмэ // йигирмэ - двадцать), йэти, сэкиз, токуз, отуз (см. «Памятники...» С. Е. Малова), удвоение и выпадение не имеют места; позднее в результате удвоения получились указанные формы.

Положение, заключающееся в том, что по мере расширения слова в результате аффиксации появляется, усиливается склонность укорачиваться, сокращаться²) - принцип экономии - подтверждается и фактами узбекского языка.

Данное явление связывается с переходом ударения на аффикс и с другими факторами (о чем дальше). Примеры: отр³ к (оседлый) < отыр-³ к (отыр - садиться), йиғна (собирать) < йиғ-ин-а (йиғин - сбор, собрание), ³лмиш (шестьдесят) < ³лты-миш [³лты - шесть. Ср. диалектальные формы: ³тмиш (ташк. говор) - ³лмиш (самаркандские говоры.)], ашнака (ташк. говор) < ана шунака < ана шундака (шундак-а, шун-д²к - так, такой), саргай (желтеть) < сариг-ай (сариг - желтый), жомак - кран (ошский говор узб. языка, на территории Кирг. ССР) < жомрак (ташк. говор) < жомбирак (жомбир - звукоподражат. слово), занжила - привязывать на цепь (ташк. говор) < занжилла < занжирла (занжир - цепь), откиз // откуз - посадить (человека, рассаду и т. д.³) Ташк. говор) < отиргиз (отир - садиться). Ср. бир йердэ олтурғузды - его посадил на одно место (Б), ухлаб (проспав) < уйхулаб, (Б) < уйкулаб, бурнағы (Навои, СИ) < бурунағы

¹ А. Н. Кононов. Опыт анализа термина турк («Советская этнография», 1949, № 1, стр. 41).

² См.: В. Радлов. Вводные мысли..., стр. 21.

³ В ташк. говоре формы откиз // отказ употребляются в значении и посадить, и проводить (утра сингармонизма, отсюда смешивание): а в некоторых говорах, например, в маргеланском, в первом значении мы имеем слово отказ, во втором значении - слово отқаз.

(прежний), кусирлатиб (П. Турсун, «Учитель») < курс-ир-ла-т-иб (курс - курс: звукоподражат, слово), ойна (Нур-Али) - < ойн-а (играть), инра - инир-а (тихо стонать; *инг-инг* и *ингир-ингир*: звукоподражат. слово), тайалла (ташк. говор) < тай²рла (готовить), тарақ (расческа) < тарғак (МК, 1, 16. Ср. тувинский *taɾaɣaχ* - гребень¹), эгзаки (устный) < эгизаки (эгиз - рот) и др. При установлении конкретных случаев, правил такого сокращения осложняют дело некоторые непоследовательности (об этом сказано выше). Ср. выпадение данного из одинаковых слогов (гаплогогия) в местоимении, образованном из корня *қай*: хеч қайсы учун (Навои, МЛ - ни для кого (қайсы < қайсысы), хэр қайсы бир ғәһни айтар (Фазыл, КИ) - каждый говорит по-разному, уларнинг хар қайсига (А.Каххар, «Женщины») - каждому из них (такое же явление в его повести «Золотая звезда»); но: қайсысыга ғәһирдин? (Фазыл, МП) - ты которому из них сказал? (қайсы-сы). Ср. қайсиниси (в том же значении) в таш. говоре.

Нам придется здесь говорить, как об этом сказано выше, о выпадении звуков по той части, которая связана с аффиксальным словообразованием.

В ы п а д е н и е г л а с н ы х. Выпадение типа ²ғизи < ²ғзи - выпадение узкого гласного² встречается не только в присоединении к корню аффиксов посессивных, но словообразующих. Указанный тип (потеря узкого гласного) - основной вид выпадения гласного при аффиксации. Примеры: оғул - ан (оглан) > оғлан (МК), буйур-ук (приказ) > буйрук (Навои, М), улуғ-ай (вырасти) > улғай (М. Салих, Ш). Видно, что данное явление, которое обычно изменяет слогостроение и качество слогов, известно с древних времен. В современном узб. языке, в живой речи оно встречается сравнительно больше (о чем сказано выше); в некоторых случаях выпадение стало незаметным. Примеры: к²вур // к²вир (жарить) - к²вирил (страдательная форма) - к²врилди (жариться). Ср, к²вурдак - кавардак), токинаш (столкновение) > токнаш (ср. токин - сталкиваться), супиринди (сор) > супринди (супир - подметать), айирим (отдельный) > айрим (айир - отделять), шәпирә (шорох) > шәпрә (шәпир - звукоподраж.), саригиш (желтоватый) > сарғиш (сариг - желтый), козичак (ягненок) > қозчак > қочч²к (таш. говор қози - ягненок), қошуни (сосед) > қошни (қош - соединить, объединить; пара) и др.

¹ Е. И. Убрютова. Аффикс обладания -лаах в якутском языке (сб. «Белек», стр. 63).

² Выпадение шахар + и < шахри (шахар < шахр - город) - очень редкое явление (данное слово обычно имеет форму: шахар - шахари). Ср. захар (< захр - яд, отравка) + и - захари (очень редко: захри. Обычно с особым оттенком), кахир (< кахр - гнев) + и + кахри (нет форм кахар, кахари, так как употребление во втором безударном открытом слоге узкого гласного и выпадение его при аффиксации указанного порядка подходит к общему макету). Иностранные слова шахр, захр, кахр в узбекском языке, согласно фонетическим особенностям его, употребляются в формах шахар, захар, кахир; и при аффиксации сохраняются эти особенности. В староузбекском языке старались писать данные слова этимологически. Ср. радиф в «Шейбанинаме» М. Салиха: ... шахр сенинг. ... кахр сенинг (сенинг: в значении сеники - твой, твоя, твое).

Причина этого выпадения узкого гласного, стоящего в конце среднего слога, обычно связывается с безударностью данного гласного. Тут имеют значение, как известно по исследованиям проф. В. А. Богородицкого, и другие факторы: открытость и первого слога {так как он должен быть в состоянии принимать согласный звук, предшествующий этому узкому гласному, первый звук следующего открытого слога¹: ойун // ойин (игра) + а: о-йи-на → ойна - играть}, качество окружающих согласных и т. п. Одним словом, тут игр. ет роль не только одно ударение²: безударный гласный не так сильно ослабляется.³ В указанных фонетических условиях узкие гласные могут выпадать, но не всегда; они «или произносятся неясно, или совсем выпадают»⁴. В указанном случае в узбекском языке узкий гласный часто выпадает, узб. язык прибегает к закрытости слога. Акад. Ф. Корш предполагал, что данное выпадение показывает, что ударение первоначально падало на первый слог слова⁵.

По данному фонетическому изменению, встречающемуся и в словообразовании (и именном, и глагольном), и в словоизменении, придется дать некоторые примечания: наличие разноречий в староузбекском языке по данному явлению (например, в «Мюншаате» Навои встречаются двойные формы: буйруылса - буйрулса, буйрук - приказ) можно связать, с одной стороны, с недостаточной грамотностью переписчиков, с другой стороны, с диалектными разновидностями, с разницей письменной и устной речей: в современном узб. языке мы иногда имеем разнообразие по указанному явлению: уннап (< урнап < уринап - стараясь, урин - стараться. Ташк. говор) - уринап (то же в бухарском говоре), чакирим - верст (исторически: ча-кир-им; чакир - звать, позвать. В лит. языке и в

¹ Данный второй слог стал открытым в результате изменения слогоделения в связи аффиксации. Картина слогов в упомянутой комбинации такова: открытый слог + закрытый слог (первоначальная форма) - откр. слог + закр. слог + аффикс → откр. слог + откр. слог (последний звук данного слога перешел на следующий слог в качестве начального звука) + следующий слог (трехсложное слово) → закр. слог + следующий слог (двухсложное слово). В словах, где и второй слог является открытым, отсутствует в слогоделении, естественно, переход звука корня в сторону аффикса. Например, каши (чесать) + ла - кашла (каш-ла).

² «Редукция до нуля кратких гласных в трехсложных словах . . . находится в зависимости от качества гласных в них в отношении полноты и краткости . . . При ослаблении неударенных кратких гласных до нуля играет роль качество окружающей согласных, а также еще наличие в соседнем слоге полного или же тоже краткого гласного . . .» (проф. В. А. Богородицкий. Введение в тат. яз., стр. 85). « . . . вопрос об ослаблении вокализма корневых слогов в связи с удалением корневого слога от ударения . . . разница между гласными полными и краткими имеет существенную важность в этом процессе» (там же, стр. 91). Вот факторы, ослабляющие гласные, влияющие на это: «природа гласного, удаление от ударения, качество окружающих согласных, открытость и закрытость слога, морфологический момент» (там же, стр. 94).

³ См.: Н. К. Дмитриев. Гр. башкирского языка, стр. 41.

⁴ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II часть 1-я, стр. 121.

⁵ Ф. Е. Корш. Слово «балдак» и долгота гласных в турецких языках («Живая старина», 1909, кн. 70-71, стр. 161). См. еще: Б. Я. Владимирцов. Сравнительная-грамматика монгольского языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 112; Ф. Корш. Древнейший народный стих турецких племен (ЗВОРАО, т. XIX, вып. I-II, стр. 167).

большинстве узб. говоров) - чакрим (то же в Ташк. говоре, но иногда употребляется и в форме чакирим). Ср. (Ташк. говор): $\text{ʔ йим бʔ радла} < \text{бʔ радла} < \text{бʔ радила} < \text{бʔ радилар}$ (ʔ йим - мая мать, бʔ радилар - идет). Еще (в лит. языке): айрим (< айир-им: отдельно) - чакирим (чакир-им, нет формы чакрим), кайирим (кайир-иш: поворачивать, нет формы кайриш). Формы кашила (Мукими) и кашла (кашила > кашла) имеют смысловой оттенок: каши - чесать, кашла - чистить скребницей; чесать интенсивно (ср. каш-лагич - скребница; кашқа - лысый: о животных) - кашила (чесать с оттенком «размельчения» действия). Например, чесание детей: быстро, многократно).

Происхождение некоторых аффиксов из слияния двух придаточных морфем, пожалуй, можно связать и с изменением слогоделения в связи с выпадением гласного: тер (собирать) + им (словообразующий аффикс имен, терим - сбор; уборка) + а (словообразующий аффикс имен): те-ри-ма → тер-ма: сборный (ма - неделимый аффикс), ос (вырасти) + им (указано выше, осим - имя действия). Ср. осимлик - растение + ир // ур (словообразующий аффикс): о-си-мур → ос-мур: подросток юноша (мур - один аффикс), йағ (падать, итти: о снеге, дожде) + им + ир // ур: йа-ги-мур - йағ-мур (дождь), тил (полоснуть ножом, разрезать продольно; резать на полосы или на ломти) + ик [тилик // тилим // тилиш (последнее только в отношении мяса) - ломать, кусок, полоса] + а (словообразующий аффикс): ти-ли-ка → тилка (данное слово употребляется в парном виде: тилка-тилка: разорванный в лохмотья. Ср. тилка-тилка килди - он не оставил камня на камне, разбил в прах; тилка-пʔ ра килмок - раздирать на куски, разбивать вдребезги; тилкаламак - резать на части, кромсать); билгә (QB) < бил-иг-ә (?): билиг // совр. билим - знание, -а — словообразующий аффикс со значением обладания.

С точки зрения выпадения звуков представляет интерес состав кизар // кизʔ р (краснеть). Н. А. Баскаков указывает, что тут мы имеем дело с неправильной формой образования глагола от прилагательного. Къызыл — «красный», къыз-ар — «краснеть»¹. П. Азимов пишет, что тут выпал элемент *-ыл*². Об образовании данного глагола (кизар) от слова кизил (красный) путем отбрасывания *ла:м* (*л*) писал еще МК (II, 127). Выпадение звука *л* в данном случае выглядит необычным. Если сравнить слова ақар (белеть, ақ - белый), бозар (белеть, боз - белый), йашар (молодеть, здравствовать, йаш - молодой), кизар (краснеть, кизил - красный), то придется признать корень киз прилагательным³, как ақ (белый), йаш

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II. часть первая. стр. 320.

² П. Азимов. Фонетические изменения, наблюдаемые в словообразовательных формах туркменского языка. Ашхабад. 1944.

³ Ср. Ananjasz Zajaczkowski. Sufiksy imienne ... стр. 135.

(молодой) и т. д. [Киз // кизи - слово-омоним: и глагол, и прилагательное? Некоторые глаголы имеют «расширенную» форму: коз // кози - возбуждаться, тоз // този // тозги - превращаться в пыль, растрепаться. Кстати, слово тоз тоже является словом-омонимом: мелкая пыль, прах и превращаться в пыль. Еще: киз - прилагательное: красный, киз + и - глагол; накаливаться, горячиться. Смысловая связь их не требует объяснения. Ср.: тинч-тинчи (спокойный - быть спокойным, успокоиться), жим-жими (тихо, тихий - утихать, успокаиваться), кам-ками // камай (мало - уменьшаться, убывать) и т. п.]. Нельзя ли тут тоже видеть обычное выпадение, без участия *ла:м'а*, согласного *қ // з*? Слово кизик является прилагательным (раскаленный, жаркий, знойный, интересный, занимательный), образованным от глагола (ср. йан - гореть, йаник - горящий, пламенеющий). Оно могло иметь этимологически, разумеется, отношение к красному цвету. От него можно образовать прилагательные ослабленного качества: акиш (беловатый), кокиш (синеватый), саргиш (желтоватый); кизгиш (красноватый). Тут мы считаем аффиксом *-иш*, а не *-гши*. Анализируя форму *кизгиш*, можно будет, пожалуй, предполагать, что слово кизик имело и значение «красный». Значит, мы тут имеем согласный *қ // з* (если его появление не связать с аналогией к слову саргиш < саригиш. Тогда почему нет силы этой аналогии в слове акиш? Тут имеет значение число слогов в слове?). Он наличествует и в составе формы, кизгимтир (красноватый), в образовании глагола этот согласный выпал: кизик-кizar (горячий; красный - краснеть). Ср. узак - долгий, длинный, узар - удлиняться.¹ [Спрашивается, если мы имеем, допустим, форму кизик // кизиг - кизигар - кizar, то почему не имеем формы сар (р) ар? Появлению такой формы нет препятствия. Ср. формы в каракалпакском языке: сарышыл - с желтизной, саргыш - желтоватый, саралтым - желтоватый.²].

Выпадение гласного можно наблюдать, кроме указанного, при столкновении пограничных гласных морфем: при столкновении обычно один из таких гласных выпадает (или они сливаются, или между ними добавляется согласный звук. Об этом дальше). Например: икки (два) + ала (аффикс, образующий собирательное числительное) → иккала (оба, вдвоем. Данное числительное обычно употребляется с притяжательным аффиксом: иккаламиз - мы вдвоем), экэв (Фазыл Юлдаш) // икк^э в - ик^э в (эв // ^э в - аффикс, образующий собирательн. числительн.) - оба, двое (то же обычно употребляется с притяжательным аффиксом: икк^э вимиз - мы вдвоем, оба мы); Кари:ма (собств. женск. имя) + ^э й (элемент, выражающий ласкательность) → Кари:м^э й - Каримочка. (Но в письме изображаются оба гласные). Выпадение данного типа встречается и в сложных словах: отны йакалмадым (Гюлхани) - я не мог зажигать огня

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. часть первая, стр.320.

² Там же, стр. 207.

(йақалмадым < йақа алмадым), там^о шайлаң (Пулкан, КБ) - осматривайте (там^о шайлаң < там^о ша айлан), й^о залади (он может писать) < й^о за^о лади (й^о з - писать, ^о л - вспомогательной глагол), пахт^о лма < пахта^о лма - мягкий сорт яблока (пахта - хлопок, вата, ^о лма - яблоко) и т. п. (об этом отдельно).

В ы п а д е н и е с о г л а с н ы х. О выпадении в известных фонетических условиях заднеязычных согласных к, г, қ, ғ, о древности данного явления в тюркологической литературе написано много (см. работы С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова, И. А. Батманова, А. Зайончковского и др.): качкак < качак (беглец, кач - бежать, убегать), йуккары (каршинский говор. Ср. йоккары в Б.) > йукары // йокары - верх, вверх (йук - верх, верхняя часть). Ср. йукла (МК, III, 157, Ах. Югнаки) - подниматься вверх (данный корень в «мягкой» форме и в слове йуксэл - возвышаться. Возможно, сюда имеет отношение слово йук - груз: то, что поставляется наверх. Ср. йуклә¹ - грузить), куругсак → курсак (живот), огулак → улак (коза), сувғар (орошать) → сувар (диалектальн. форма) б^о ккыз - дать посмотреть (сарайский говор) → б^о киз (лит. форма), теккиз - трогать; попадать в цель (то же) → тегиз (лит. форма), хикчак - икота (маргеланский говор) → хич^о к (Ташк. говор), жыла - плакать (Пулкан, КБ) < жыгла // йыгла), нега // нага? (зачем? почему?) → нэйэ → нэ:? (редкие диалектальные формы), эгри - кривой > э:ри (выпадение компенсировано долготой предыдущего гласного. О таких случаях говорилось выше) и др.

Выпадение звука *й* встречается не только в столкновении крайних звуков двух морфем (ишлай йатир → ишлайатир - он работает, кай йерда? → кайерда? - где?), но и в других случаях: уйукла → уйухла → ухла (спать), кайакка? (куда? в какую сторону?) → какка? (диалектальная форма) → ка:? [то же. Ср. пример из детского фольклора: какка б^о расан? - т^о кка б^о раман. Т^о ға макасан? < нима киласан?) - куда идешь? - На горы. - Что там будешь делать?..], сан галинчанг - до твоего прихода (хивинский говор): чанг < чайин (галинчанг - келгунгачайин), каййерга? (куда? букв, на какое место?) → кайерга? (ср. в дастане «Равшан» для подчеркивания употреблено *й* + *й*: билмайман, каййерга... - не знаю, куда...), қил^о псан (Бурибай Садыков) < қилай^о псан < қилай^о типсан (делаешь).

¹ Основываясь на данное фонетическое свойство и учитывая смысловую особенность, нельзя ли предполагать такую картину: сугур // согур (выдергивать, вытягивать, вытаскивать) → сор (сосать, высасывать. О формах соргу и сугуру см. МК, I, 16. В. Радлов. Словарь, IV, 764). йугур (бегать) → йур (ходить). Исторически могло быть: сугур > со : р > сор, йугур > йу : р > йур. (Чередование «твердых» и «мягких» форм: йук // йук - верх, верхняя часть, йогару // йогару - вверх. См. «Памятники ...» С. Е. Малова, стр. 389).

Выпадение звука *в* особенно прозрачно в слове йув → йу: → йу - мыть¹. Данное явление часто встречается и в староузбекском языке. Примеры: йур (Навои, СИ; Кутб) < йувур // йувар (он вымоет), йубан (Навои, СИ) < йувубан (вымывшись), йуб (НШ) < йувуб (вымывшись), йуды (Навои², СИ, ЛТ) < йувды (он вымыл), йумаг - (Навои, СИ) < йумваг (мыть), йунды (Ту) < йувунды (помой). Ср. йу - мыть (Араб, фил. о тур. яз., стр. 0119), уиусі - прачка (Замахшари). Но есть, хотя их мало, и противоположные этому случаи: йувса - если вымоет (Ах. Югнаки), йувган - вымывший (Турди). Некоторые из указанных случаев, возможно, связаны с особенностями стихотворной речи. Примеры из живой речи: йуган < йувган (вымывший), йуса < йувса (если он будет мыть), йухсиз < йувухсиз < йувуксиз (не мытый), йугучи // йуғучи < йувгучи // йувгучи (человек, омывающий трупы), йуп < йувуп (вымывшись). Примеры другого характера: йувдырган - давший мыть (Хорезм. Ср. йудирган - Ташк. говор), йувди - он вымыл (говор Туркестанского говора. Ср. йуди - Ташк. говор), йувган - вымывший (там же), йувиш // йувиш - мытье (нет формы йуш), йувдиан // йуидиган (нет формы йудиган). Мы тут видим и диалектальные различия. Но бывает и так, что в одном и том же говоре употребляются параллельные формы. Например, йуйди и йувади (Ташк. говор). Характерно, в слове кув (гонять, выгонять), которое фонетически однотипно со словом йув, мы не видим упомянутого выпадения: кувди (он выгонял), кувган (выгонявший) и т. п. (нет форм куди, куган и т. п.). Причина этого несовпадения заключается в том, что первое слово и в виде корня, без аффикса, имеет формы без указанного звука (йу - мыть), во втором слове этой особенности нет (кув - гонять, выгонять). Слово сув (вода) в словах суг² р (орошать). Ср. диалектальную форму сув² р) и сулук // солук - удила (имеется в диалектах и форма сувлук – сув + лук) потеряет звук *в*, а в дастане «Кунтугмыш» имеем и диалектальный случай *суса* (жаждать) < *сувса*. В Литературном языке нет форм *су:* и *су*, нет форм как *суса* - жаждать, в говорах, где имеется форма *су*, встречается и форма *суса* (жаждать). Это вполне понятно. Имеем ли потерю звука *в* в слове *ули* (выть: о собаке; о волке), неясно. Ср. *увла* (выть, реветь), *уввас* (рыдание).

Сравнение слов ушак, (крошка, мелкота, мелкий), ушат (разламывать на мелкие куски, разламывать), ушал (разламываться) показывает, что тут можно выделить основу - уша. Этот глагол В. Банг разлагал в форме у - шаа³. Сравнение с этим слов увак. (крошка, мелкота), увала (размельчать, крошить), увада // овада (тряпье, лохмотья, ветошь) толкает на мысль, не

¹ йув → йу: → йу? В результате потери звука *в*, стоящего на конце слога, гласный обычно получает долготу (см. И. А. Батманов. Фонетика).

² В поэме Навои СИ в одном случае встречается форма *судек* (< сувдек-как вода). Но она происходила по требованию размера (сув - долгий слог, су - короткий слог).

³ W. Bang. Aus türkischen Dialekten («Keleti Szemle». XVIII).

имеет ли тут места потеря звука: ув + ша > уша. Ср. йувса - йуса (или звук *в* здесь происходит от согласного *ш*?)¹.

Случаи выпадения согласного *p*: касир - куфир (звукоподражание треску; треск) < карс + ир - курс + ир (здесь надо иметь в виду и нелегкость произношения двух дрожащих звуков в одном слове. В случае перехода второго *p* в *л*, указанный согласный часто сохраняется. Например, карсилла - звук от полома, гурсилла - звук от удара), тескари < терс + кари (противоположный), тупук < туп + ур + ук (плевок), -ди (аффикс предикативности) <-дир <-дур <-ду:p < туруп (связка. От глаголов тур - стоять, жить), кихта < кирхта (сорок штук). Ср. татур (Ташк. говор) < туратур (подожди. Сложный глагол. Тур - стоять), бейда (наманганский говор) < буйда < буйеда < буйе:да < буйерда (здесь; букв. на этом месте) и др.

Л: купла (Эргаш, К) < кулыпла - запирать на замок (кулып - кулп - кулф: замок), атмыш < алтмыш (шестьдесят), жимийиш (Эргаш, К) < жилмайиш (улыбаться вместе; жилмай-улыбаться).

Т: в² хли: (рано. Ташк. говор) < вахтли: < вактли: (в² кт - вакт: время), устки // уски (ташк. говор) - верхний (уст - верх, верхняя часть). Случаи пасай (снижаться) < паст (низкий) + ай (словообразующий аффикс глагола), сусай (ослабляться) < суест + ай (тоже) и т. п. с точки зрения живой речи не связаны с аффиксацией, так как сами слова паст, суест и т. п. произносятся без конечного согласного *т*.² В литературном языке: паст, суест, но: пасай, сусай (выпадение звука *т* в связи с аффиксацией). Написание в староузбекском языке сустаймак - книжная форма (теперь оно не сохранилось и в книжной речи): коруб «Хэмсэ» сустаймагынг не эди? (Навои, СИ) - Чем объяснить, что ты, увидев «Хамса», замедлился, ослаблялся («Хэмсэ» - «Пятерица»), айагы сустайыб (Навои, ФШ) - ноги его обессилели; сустайды - обессилел (Замахшари).

П: жок - жука (Эргаш, дастан «Товарищ Ленин») - бедняки (жок - неимущий, жука - худо одетый, жок - жука: парные слова с собирательным значением, букв. жок - нет, жука - тонкий): жука // йука < жупка // йупка (тонкий. Ср. йупун - легкий: об одежде). Ср. јијика - тонкий (С. Е. Малов. «Памятники...», стр. 390), йука чапан (Эргаш, К) - тонкий - легкий халат (чапан - халат), усти йупунағыны (Фазыл, «Джизакское восстание» - ЖК)

¹ Мы не говорили о случаях ўкув (учеба, чтение, учение) - ўкучи (ученик. Не пишется буква *в*), так как это явление графическое, а не фонетическое (в обоих случаях произносится звук *в* - и). По правилам современной узб. орфографии, в случае присоединения аффикса *-чи* к отглагольным именам типа ўкув буква *в* выпадает (тўкув - ткать, тўкучи - ткач), в остальных случаях она сохраняется: сўзловчи (говорящий), кишловчи (зимовщик), ўкувли (понятливый) и т. п.

² Ср.: паст + ай → пасай, но: карт (старик) + ай → картаи (стариться: о человеке); в произношении слова карт (ср. кари - картан: старики, пожилые люди) не выпадает звук *л*: к сонорному может примыкать согласный звук (*p* - *т*), а примыкание к глухому (*с* - *т*) не является обычным.

- тех, у которых одежда была худа, легкая, не теплая (уст - верх, верхняя часть, одежда).

Удвоение звука (об этом отдельно).

Дабавление звука. Об этом мы попутно частично говорили выше. Дабавление звука - очень широкое понятие: добавление соединительного звука, добавление типа икинч → икинчи, добавление для устранения необычного звуко сочетания иностранного слова (акл - акил: ум, разум), добавление для замены долготы гласного, добавление при повторении начальной части прилагательного, добавление по требованию ритма стиха и т. д. Конечно, мы не будем здесь говорить обо всем этом.

Дабавление звука *й* появляется: а) между столкнувшимися гласными (разными гласными) в качестве соединительного элемента. Например: тулки йакан < тулки экан [тулки - лисица, экан - оказывается (как известно, гласный *э* обычно употребляется на первом слоге слова, простого слова, в указанном примере он, попав в положение, напоминающее положение аффикса, заменен другим гласным: под влиянием гласного *а* появилась замена *э* → *а*. Ср. мэйлигэйиди (пусть было, бы так) в дастане КБ Пулкана: *э* → *и* под влиянием гласного последнего слога. Ср. ещё: б² ракан (б² р экан), йогиди (йок // йог эди) и т. д.]; ² га-ини (ст. брат - мл. брат: родные братья) > ² гайини > ² гайни (друг, приятель), б² рмасайиди > б² рмасайди (выпал безударный узкий гласный), шу эди (было это) > шуйиди. Ср. шулиди: нет дабавления звука шу + й + и + ди - шул + и + ди: шул - древняя форма местоимения шу - этот, эта, это. б) При аффиксации после долгого гласного: да:в² :йинг - твоя претензия (да:ва: - претензия, иск, да:ва:н?), а:ху:йинг - твоя газель (а:ху: - газель, антилопа), в) По аналогии: созлайдиг² н (говорящий, созла + й - деепричастие) - келайдиг² н // келайгик² н (приходящий; диалектальн. формы; кел + а - деепричастие. В лит. языке: келадиган). г) При аффиксации глаголов *де* (говорить, сказать), *йе* (есть, кушать): дейиш (говорить, сказать), йейиш. Разнообразием пестрит последний случай.¹ Ср. примеры: йейсэди (МК, 1, 1) - он хотел кушать (ср. ичсэди - он хотел пить, там же) десэм - если я скажу (Лютфи). Из произведений Наваи: дер эмиш - оказывается, он укажет (МЛ), йергэ - для того, чтобы кушать (МК), сағлык, тилэсэнг, кэм йе; иззэт тилэсэнг, кэм де.- Если хочешь здоровья, то кушай меньше (т. е. нормально), если хочешь уважения, то говори меньше. («Афоризмы Наваи»), тикиб йергэ көз... дергэ сөз - смотрев на землю... для того, чтобы говорить (СИ), ышкынды дергэ - для того, чтобы говорить о твоей любви (FC), жава:б дерни билмэй - не зная, как отвечать (ФШ), дейли - давайте, скажем (БВ), дейилгэн - сказанное (СС), дей - скажу-ка (ЛМ), не дей - что мне сказать?

¹ Сравнения, как кечгачан (до вечера) - кечгачайн (то же), не показывают ли добавления во втором случае согласного *й*? Здесь скорее всего наоборот - выпадение звука *й*: кечгачайн > кечгачайн > кечгачан. Ср. кайчагын (кай? -какой? чаг - время, кайчагын - в какое время?) > кайчан? > качан? (когда?).

(СИ), эл дер - народ говорит (СИ), деса - если он скажет (СИ); дейин - скажу-ка (Амирий), дейин - скажу-ка (Муками). Из фольклорных материалов: энэ дерни - сказать «мать» (Эргаш, К), нимэ деркин? - что скажет он? (Нур-Алн). Б²рлик нималар дедирмайди, йоклик нималар йедирмайди? - Состояние имущего (т. е. богатство) о чем не позволяет говорить, состояние неимущего (т. е. нужда) что есть не позволяет? (старая поговорка. Смысл: нужда скачет, нужда пляшет...), ишни йахши ишласанг, йахши-йахши йийарсан; чала-чулла ишласанг, кишда йупун кийарсан - если работаешь хорошо, то кушаешь хорошо; если работаешь кое-как, то зимой одеваешься убого (поговорка) дейатыр - он говорит (Пулкан, КБ); из дастанов, исполненных сказителем Фазыла Юлдаша: дейип - сказав (ЖҚ), дейайатыр // дейатыр (встречаются обе формы) - он говорит (там же), дейишип - сказавшись (там же), йеймэн - кушаю, буду кушать (Б), йейэй - ну, скушаю (там же); йейэйин - ну, скушаю-ка (Эргаш, К), жийин - ну, скушаю (Пулкан, М), нимэ дейэрини билмэй - не зная что сказать (Эргаш, Х) - нимэ дерини билмэй - не зная что сказать (Фазыл, А). Из современного языка, из живой речи: дейапман - говорю (А. Каххар, «Гранат»), йем (фураж, зерновой корм), йийимсак (человек, который много кушает), деган // диган (сказавший), дий // дей (ну, скажу), дер // дир (он скажет, наверно, возможно, скажет), нима дерикин > деркин? // нима дейарикин > дейаркин? (интересно, что скажет), дейиш // дийиш (говорить, сказать), йемак (кушать), йийилди (скушано, съедено) йедир (побудительная форма глагола йе - кушать), йеган (покушавший), йеса (если он покушает), йеп < йеб (покушав) и т. д. Происхождение этих разнообразий связано с двоякой формой корня указанных глаголов: *де* и *дей*, *йе* и *йей*.

Об этимологии этих глаголов можно согласиться с мнением, что они первоначально были в формах дей // дий, йей // йий (ср. кой - положить, тий - удерживать, обуздывать, туй - ощущать, ий - умиляться, растаять в переносном смысле, кий - надевать), исчезновения в отдельных случаях последнего звука дало долготу предыдущему гласному (долгие *и* и *э* близки к сочетанию не долгой формы их со звуком *й*), в дальнейшем эта долгота исчезла, как нехарактерное явление для конца слова в узб. языке. Таким образом, вместе с прежней формой появилась сокращенная форма (по узбекским говорам распространение, употребление этих полных и кратких форм разное. Эта разновидность проявляется при аффиксации). Аналогия к этому — глагол йув (йуғ) - мыть: йув > йу: > йу - йувуб > йу:б > йуб (вымыв), йувды > йу:ды > йуды (он вымыл), йувса > йу:са > йуса (если он моет), йувур // йувар > йу:р > йур (причастие на *р* от данного глагола) и т. п. (см. рубрику «Выпадение звуков»). Ср. примеры из живой речи: йувади // йуйди (он вымоет. В Ташкентском говоре употребляются обе формы), йувди // йуди (он вымыл), йувуп // йуп (вымыв), йувган //

йуган (вымывший), йувай // йувий // йуй (ну-ка, я вымою), йув // йу (вымой). Сходство со словом сув (вода): сувса // суса (жаждать). Можно было данный вопрос связать с явлением аналогии: глаголы йе и де при аффиксации по аналогии с другими глаголами (они в основном - в форме закрытого слога) вошли в формы йей, дей. Это, нам кажется, маловероятно.

О «вставочном н». Состояние этого явления в истории узб. языка подробно освещено в работах А. К. Боровкова по истории узб. языка.¹ В языке произведений Навои этот н встречается редко. Например: аллыда и аллыга - аллында (МЛ). «Вставочный н», как известно, употребляется после притяжательного аффикса третьего лица. Но вставка н, вообще, встречается и в других случаях, где нет притяжательного аффикса. И. А. Батманов его видит и в тех случаях, как мунда;² Ж. Дени считал вставочным н и первый звук показателя родительного падежа,³ В. А. Богородицкий доказал ошибочность этого мнения, принадлежность этого согласного к местоименному корню.⁴ Случаи появления и исчезновения согласного н (который из них может иметь отношение к «вставочному н», пока неясно): эртаси // эртанси (наутро, на другой день, эрта - ранний, рано; завтра), кайтага // кайтанга (напротив того, наоборот), тириклайича (тириклай - тириклайн) // тириклайнча (заживо, живьем), т² нг² т²куча // т² нг² т²кунча, (до рассвета, до наступления зари), эртагача // эртангача (до завтра), йегудек // йегундек (йегу - кушать, есть, қапагич // қапангич (кусака, злая собака), бермэкчи // бермэкчин (он намерен дать), такы // дагы (и, еще, также. В древних памятниках, в староузбекском языке) - тагин (в совр. узб. говорах), синг² :ри // синг² :рин (как, точно, подобно), кочманчи (кочевник, коч - переселяться) - й² ймачи (человек, занимающийся продажей мелких вещей). В некоторых случаях из указанных элементов н, может быть, является показателем древнего орудийного падежа, аффиксом, образующим наречие (ср. аллыда - впереди его, алда - впереди, аллында - впереди); о случаях йегудек // йегундек: последняя форма могла возникнуть по аналогии к форме-гандай (причастие на -ган + дай: коргандай - как будто видевший). Ср. от первоначальной формы -ганча позднее образовались два аффикса: -ганча и

¹ См. его работы: Очерки истории узбекского языка. П. Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского «Тедфира». XIV—XV в. в. («Советское востоковедение», VI 1949). Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка (сб. «Алишер Навои», М. - Л., 1946). Ценный источник для истории узбекского языка (ИАН СССР, ОЛЯЯ, т. VIII, вып. I, 1949).

² И. А. Батманов. Части речи в киргизском языке. Фрунзе, 1936, стр. 12; П. М. Мелиоранский писал, что тут н «принадлежит, вероятно, к корню; таким образом указательное местоимение образует самостоятельную форму для именительного падежа, чего нет у имен» (Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I, СПб. 1894, стр. 43).

³ J. Deny. Grammaire...., стр. 171, 175.

⁴ А. Проф. В. А. Богородицкий. Эволюция окончаний родительного падежа в тюркских диалектах («Вестник научного общества татароведения», № 3, 1925 стр. 12-15).

-гунча. В случае кочманчи, наверно, *н* является показателем деятеля: кочма - перекочевание, переселение, переходящий, передвижной, кочман - кочующий, кочевник (ср. чапку - бежать, чапкун - буря, учку - летать, учкун - искра; значит, в слове кочманчи можно видеть двойное выражение действующего лица). Случаи капагич - капангич, бермакчи - бермакчин, тагы-тагын, астагина - астангина очень напоминают «вставочный *н*» [ср. еще: кал-су//кал-су-н (в древних памятниках), ме-н, се-н].

Этимология «вставочного *н*» (ич-и-н-да = внутри его), как известно, пока считается неясной. Ф. Г. Исхаков в недавно опубликованной своей статье данное явление объясняет по новому.¹ Он предполагает, что «вставочн. *н*» - древняя, забытая теперь, форма притяжательного аффикса третьего лица, значит, в словах типа мойннда (бойун // мойун - шея) исторически мы имеем двойную форму притяжательного аффикса третьего лица: мой-н-ын-да, ал-т // д-ын-да (ал - передняя часть, *т* < *н*) и т. д.² Мы пока не можем сказать что-нибудь определенное, решительное о приемлемости или неприемлемости данного предположения, но в связи с этой гипотезой возникают некоторые вопросы, подумать над которыми, как нам кажется, было бы не бесполезным в решении данного пока остающегося проблемным вопроса: 1) как объяснить то явление, что некоторые части тела обычно обозначаются путем уменьшительности, т. е. при помощи присоединения к названию сравнительно «большой» части, «большого» предмета аффикса уменьшительности *к* или *н*? Ср. примеры: ич (внутренность) - ичак (кишка) Ср. тувинск. ижин - живот (в указанной статье Ф. Г. Исхакова), буйур (бок) - буйрак (почки), ал (перед, передняя часть) - алын (лоб), бой (рост, длина) - бойун (шея), кет (зад, задница) - кетэн//кот³ н (прямая кишка, задний проход), ил//эл (рука в широком смысле) - илиг//илик (рука - хватающая часть «большой руки», руки в широком смысле). Ср. колы сынды - рука его поломалась), топук - шиколотка, лодыжка (ср. топ - кубок, мячик), ташак - testicula (таш - камень). Значит, здесь смысловое и грамматическое сходство в нескольких

¹ Ф. Г. Исхаков. Некоторые предположения о происхождении конечных *т* и *о* в словах аст. алд, арт и т. п. (б. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому». М., 1953).

² «... аффикс - ул... Этот аффикс употребляемый сейчас в основе некоторых существительных, обозначающих части тела, абстрактные, пространственные и временные понятия в роде: бурун «нос», мойун «шея», койун «пазуха», (ср. якутск. хой «пазуха»), богун «сустав», орун «место» и т. п., вполне может являться древней формой аффикса принадлежности 3-го лица, который утратил уже свое конечное *н* и употребляется сейчас в формах *у* *ы* *и*. В прежней своей полной форме этот аффикс употребляется в подавляющем большинстве современных тюркских языков лишь перед некоторыми падежными аффиксами при склонении существительных, обозначающих предметы, принадлежащие 3-му лицу: например: баш «голова», башы «его голова», башында «на его голове» и т. п.» (Там же, стр. 132) «Когда первый из этих аффиксов принадлежности, утратив свое конкретное значение, сросся с корнем слова и появилась необходимость прибавления в нужных случаях второго аффикса принадлежности, первый из них в процессе прибавления к нему второго стал в некоторых словах видоизменяться. Это видоизменение происходило путем выделения начального гласного первого аффикса и дальнейшего чередования оставшегося после этого согласного *н* с согласными *о* и *т*». (Там же, стр. 133).

словах. Если продолжать анализ по принципу указанной статьи, то, наверное, пришлось бы искать притяжательный аффикс и в словах ичэк, ташак и т. п. 2) Случаи выражения аффиксом *n* уменьшительности и в других случаях, не в обозначении частей тела, не говорит ли о том, что и в случае алын и т. п. мы имеем дело с уменьшительностью? Ср. тоз (превращаться в пыль, растрепаться)—тозан (пыль, прах) 3) Не связано ли слово *бурун* (нос) с корнем бор - запах? Ср. *борси* - испортиться (о пищи), Приобрести вонючий запах, протухнуть, *бурукса* - дымить. 4) Слово *болин* не образуется ли от глагольного корня бог - завязывать, затягивать? (Если так, то, как известно, не могло бы здесь быть речи о притяжательном аффиксе). Ср. бог - ин (имя со значением результата действия) - тил - им (ломоть, кусок, полоса; тил - полоснуть ножом) *кесим* (кусок, ломоть; кес - резать), *топлам* (сборник; топла - собирать), *тугун* (узел; туг - завязывать). Некоторые авторы, как известно, в слове *богин/богун* видят уменьшительный аффикс - ун. В таком случае можно было бы упомянуть слово *бо'ча//бохча* (узелок, сверток). 5) Из указанного предположения автора косвенно вытекает, что корни типа бой обозначали и «большую» и «малую» части тела, «большой» и «малый» предметы (бой: рост, тело и шея. У автора указанной статьи: койун - пазуха, якутск. хоой - пазуха). Почему такой линии не видим в остальных, в большинстве, случаях? (Придется найти такие случаи: бой - шея, ал - лоб и т. п.). 6) По утверждению автора выходит: ал + ын → ал + н + ын + да → ал + д + ын + да (чередование *n//d* и т). Могли бы присоединиться к одному и тому же корню два притяжательных аффикса одинаковой формы? Вообще, двойное употребление притяжательного аффикса - очень редкое явление, оно встречается в считанных словах (ср. синциси - его мл. сестра), но при этом они имеют форму «и + си», а не буквально одинаковую [(и)н + ин]. Убедительно ли будет в указанном случае непосредственное присоединение к слову двух одинаковых притяжательных аффиксов? Приходится найти аналогию, где притяжательный аффикс, войдя в состав материальной части слова, стал бы совсем неощутимым, а потом присоединился бы новый притяжательный аффикс такой же формы.

П е р е с т а н о в к а з в у к о в¹. Яркий пример перестановки звуков при аффиксальном словообразовании слово *йағмур* - *йамғур* (дождь) в последней форме встречается еще в древних памятниках, и в староузбекском языке. Происхождение данного слова от корня *йағ* (падать, итти: о снеге, дожде), следовательно, первичность формы *йағмур* не вызывает сомнения. Ср. *йағмур* (МК), *йағмур* (Араб. - фил. о тур. яз., стр. IXXIII), *йағмур* (бухарский говор). Если у МК указаны обе формы данного слова (*йағмур* - *йамғур*: Ш, 38), то в произведениях Навои и его

¹ О фонетическом условии перестановки слогов и звуков см.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II. часть первая. стр. 98.

современников, как правило, употребляется форма йамгур. В дальнейших памятниках тоже мы видим данное положение. И в современном узбекском языке, и в подавляющем большинстве говоров тоже употребляется данная форма. Примеры: йамгур (Навои; М, ФШ, ЛТ). Ср. слово йагин (ненастье, дождь) в ЛМ Навои. (То же в Современ. узб. языке), йамгур (М. Салих, Ш).

В следующих словах тоже можно видеть явление перестановки звуков в связи с аффиксальным словообразованием: 1. огурула – огрила воровать, огри – вор). Ср. примеры: огрула – воровать (Араб - фил. о тур. яз., стр. 069), огрылык – воровство (Рабузи), огурулар – он ворует (Лютфи), огурулаб – воровав (Навои, СИ, Саккаки), огрылык – воровство (Фазыл, А), огурулаб < огурулаб – воровство (диалектальн. форма). Значит, огур + ла – огурула/огыр + ла – огрыла. Может быть, здесь мы имеем дело не с перестановкой, а только с выпадением звука: огур(лик) – о(г)у(р) + и (вор) – огрилик (воровство). 2. Шап(и)ра – шарпа (шорох). Примеры: шарпа (народная сказка «Три брата-богатыря»), адам шәпрәси – букв, шорох человека (Пулкан, КА), (шәпрә (Фазыл, устный), шәрпә (Фазыл, А). Здесь, кроме перестановки, имеется и выпадение гласного (шап – звукоподражат. слово, простая форма: шап-шап: звук чмоканья) + ир (расширенная форма звукоподражательного слова: шапир-шапир: шап(и)р + а//шарпа (а – словообразующий аффикс имени). 3. Қошни – конши (сосед). Ср. конгышы (сосед, Хорезм), конгшу (Пулкан, КБ), кошту (Фазыл). В узб. языке употребляется форма қошни, в отдельных диалектах встречается форма конши (очень редкий случай). МК пишет, что слово қошны (сосед) огузы, букву *и* поставив после буквы *ш*, употребляют в форме коншы (1,435). Не исключено то, что тут два разных образования: в огузском корнем является глагол қон – садиться, ночевать, приземляться (қон-уш-ы → коншы), а у других – слово қош – находящийся вместе, соединить: парный, пара (қош - ун + ы → ошны). 4. гингирлама – гиринглама (бормотать, хныкать): гингир (звукоподражат. слово: звук жужжания) + ла + ма – гиринг (звукоподражат. слово) + ла + ма. 5. Бидир (звукоподражат. слово) + ла – билдир + э (Фазыл, А., Диалектальн. форма). В первом случае выпал согласный *л*. 6. Йулмала [Эргаш, К. (выщипывать), йул – выщипать, царапать, йулма – имя существительное: выщипывание, йулмала – выщипывать. Ср. Кес – резать, кесма – резание, кесмала – резать. Или: формы йулма и кесма тоже являются глаголами? йул-им-а → йулма?] – йумдала (то же с перестановкой и чередованием *л//д*. Ср. аффиксы, образующие глаголы, да//ла). В совр. узб. языке основной формой является йумда – выщипывать (ср. йумма талади: он напал, выщипывая), а форма йулма – диалектальная. 7. Қарма (охватывать; обнимать, овладевать; окружать. Диалектальн. форма) – қамра (то же значение). В дастане Пулкана «Шайбанихан»: Самарқандны қамсап (окружив Самарқанд). Здесь

корнем является глагол кап (закрывать, хватать, окружать). Ср.: формы кабал и камал - окружение (о чем сказано выше); в шорском языке: карба (зацеплять, захватывать) - карбақ (удочка) - в узб. языке: кармак (то же). Значит, карба - карма - камра. 8. Слово йапр² к/й² пр² к - лист растения (древняя форма: йапургак: йап-ур-гак) в хорезмских говорах употребляется в двух формах: йопрак и йорпак.

Перестановка звуков - явление древнее (ср. у МК употребляются формы турпак и тупрак - земля, почва, прах, сухая глина). Есть случаи перестановки звуков, которые не имеют отношения к аффиксальному словообразованию (сурпа - супра: подстилка, эйв² л - эйи² л: состояние, борйа - бойра: камышевая плетенка, турмук - тумрук: testicula, дарй² //дарйа - дайр² //дайра: река и т. д.), но имеются случаи, в которых связь с аффиксальным словообразованием чувствуется, но однако не можем точно установить их состав, корень: 1. Айлан - айнал (вращаться, кружиться): перестановка не смежных согласных. Ср. айнал - кружиться (Эргаш, Д.), айлан + а (окружность). В лит. языке: айлан (вертеться), а форма айнал - диалектальная. 2. Кирпик (древняя форма) - киприк (поздняя форма): ресницы. В произведениях Навои встречаются обе формы. Ср. кирпик в «Мюншаате» Навои, то же в Хорезме, но в остальных говорах и в лит. языке - киприк. Любопытный случай с употреблением слова со значением «ёж»: кирпитикан (Хорезм) - кипритикан (Паркентский говор) - типиратик² н? (Ташк. говор. От звукоподраж. слова. Народная этимология). Корнем указанных слов является глагол кир - вонзать? 3. Термил (напряженно всматриваться. В лит. языке и говорах, кроме хивинского) - дэмрил (хивинский говор). 4. Олча (мерить, лит. форма) - ошла (Ташк. говор: ч → ш). 5. Эгрэн (учиться, изучать. Древняя форма) - орган (в совр. узб. языке). В диалектах, кроме формы *орган*, встречается иногда өйрэн: өгрэн → өйрэн? (г → й). 6. Тофра (мелко резать, крошить. Лит. форма) - торфа (диалектальн. форма). Ср. бир торгам эт (Абулгази) - один кусок мяса. 7. Йамла (глотать не жуя) - йалма (то же). Ср. йалмагуз кампир (в народных сказках) - баба-яга. 8. Орпи (обваливать, прорвать) - опир (то же): орпилди - опирилди (обвалился, провалился). 9. Торсай (сердито отворачиваться) - көзини (көз - глаза) тасрайтып (Пулкан, КБ). 10. Тебрат (лит. форма) - терват - качать, двигать, колебать (диалектальн. форма. Между этими формами имеется смысловой оттенок). 11. Дагал//гадал: грубый (в самаркандском говоре употребляются обе формы. В лит. языке нет формы гадал).

Теперь о позиционных явлениях, связанных с аффиксальным словообразованием.

В узбекском языке аффиксы по своим грамматическим и смысловым особенностям, как известно, к корню присоединяются в определенном порядке. В агглютинативных языках аффиксы «располагаются в порядке, определяемом принципом: от аффиксов с более широким; значением к аффиксам с более частным и менее широким смыслом»¹. В узб. языке имеются некоторые случаи, где допускается мена местами, определенных прилаточных морфем. Но это, во-первых, встречается в единичных случаях; во-вторых, такая мена показывает или оттенок в значении, стилистическое различие, или диалектальное различие (о чем дальше)².

Случаи замены местами аффиксов: 1. расположение аффиксов множественного числа и принадлежности изменяется в тех случаях, когда первый употребляется не для выражения идеи множества, а для выражения уважения³: буви-лар-им (мои бабушки, буви-бабушка) - буви-м-лар (моя бабушка. Почтительное выражение). 2. Такое изменение наблюдается в порядке показателей числа и лица в спряжении глагола айтинглар - скажите вы (А. Каххар; инг + лар), билсаларинг - если вы знаете (то же; лар + инг), тойдинглар - все покушали досыта (Гафур Гулям; нг + лар), олтираберинглар (то же: инг - лар). Данное изменение показывает диалектальную особенность (например, лар + инг - в Кокандских говорах) или изменение, связанное с эмоциональностью. Например, в Ташк. говоре: б² рди + нг + лар (обычное выражение) - б² рди + лар + инг (добавлено пренебрежение, неуважение к собеседнику). 3. В старобузбекском языке по требованию ритма иногда менялось в спряжении место аффикса множ. числа (его в сложных глаголах иногда присоединяют к основному глаголу, а в таких случаях он обычно присоединяется к недостаточному глаголу). Такое изменение может показать и диалектальную особенность. Примеры: кошнылар йэм салурлар эрди кулак - соседи тоже прослуживали (Муками, «Свадьба парня из Икана»; салурлар эрди - салур эрдилар). Улар оша ерда турмуш кечирганлар экан - они жили там (народная сказка «Вазирвачча»; кечирганлар экан - кечирган эканлар). В случае выражения значения множества совместности аффиксом *-и* (а не *-лар*), то указанное изменение

¹ Р. А. Будагов. Очерки по языкознанию. М., 1953, стр. 221. Данный принцип написан в работе: Н. К. Дмитриев. Строй..., стр. 25.

² Имея в виду такие мены, которые встречаются в определенных случаях. Ж. Вандриес писал о слабости связи между элементами, о неустойчивости порядка морфем в тюркских языках (Ж. Вандриес. Язык. Русский перевод, М., 1938, стр. 87 - 88).

³ В слове айим (в значении «барышня») стерлось значение притяжательного аффикса. Здесь данная морфема стала другим элементом. Ср. пример: айымлар кылады йор куни пардаз - барышни занимают каждый день косметикой - украшением, (Эргаш. К). Ср элемент *-гина* в качестве словообразующего аффикса (со значением уменьшительно-ласкательности) стоит перед словоизменяющими аффиксами, а в качестве частицы ограничения - после них (эти два элемента, имеющие генетическую общность, в совр. узб. языке различаются при помощи ударения): киз-гина-м (доченька моя) - киз-им-гина (только дочь моя). В случаях, как созб² шилар (предисловие), онб² шилар (десятьники) и т. п., формы созб² ши (предисловие), онб² ши (десятьник) и т. п. воспринимаются как одно целое, сложное слово (нет форм созб² ш, онб² ш и т. п.); созб² ши + лар.

не имеет места: аффикс *-и* употребляется в составе основного глагола (турмуш кечиришган экан).

Присоединение к корню, основе аффиксов словообразования раньше аффиксов формообразования, словоизменения имеет свое грамматическое и смысловое обоснование: они входят в состав материальной части. Существовет немногие случаи отступления, которые имеют свои причины, мотивировки: 1. Аффикс уподобления *дай* (<даг|дак) в староузб. языке к личным и указательным местоимениям присоединяется после показателя родительного падежа (сенингдек - как ты), а в совр. узб. языке прямо, непосредственно (см. работу автора: «Падежи в узбекском языке»). Данный аффикс может присоединиться к слову и после притяжательного аффикса, аффикса множ. числа: ука-си-дай: как его <брат, қаўрам² н-лар-дай: как герои. Причина такой позиционной «необычности» заключается в том, что данный элемент еще не стал настоящим аффиксом, здесь процесс аффигирования еще не закончен полностью. Сюда надо добавить, что данный аффикс является безударным. Такая же история и с некоторыми другими аффиксами: безударный элемент *-ча* со значением уподобления, сравнения, способа, меры, предела, времени: *барича* (Навои, СИ) - столько, сколько есть (бар-есть, имеется), *керагича* - столько, сколько нужно (керак - нужно), *мардларча* - как герои (мард - герой), *өлгунимчэ* - до смерти (Пулкан, ГТ, өл-гун-им-чэ), *икки уйнинг орнича жай* - место, примерно, двух домов [орин - место, ор(и)н-и-ча], *уйгача* - до дома (уй - дом), *йугурганича* - бегом (А. Каххар; йугур - бежать; йугур-ган-и-ча), *ил² жи б² рича* - по возможности (А, Каххар), *униг кетича* - по его следам (Айдын). Иногда после словоизменяющих элементов присоединяются и словообразующие аффиксы *-сиз* (русск. *не, без*), *-лик*: б² лаларсиз (без детей, б² ла - дитя, ребенок), *эсдалик* (воспоминание, эс - память), *кундалик* (каждодневный, кун - день). Ср. неустойчивость в отношении позиции мы имеем в слове-аффиксе *жан* (душа, в качестве? аффикса выражает ласкательность): *экэмжан* - мой братик (Фазыл, КИ; экэ - брат; экэ-м-жан), *достымжан* - мой дружок (Фазыл, Р.; дост - друг; дост-ым-жан), *кызларжан* - девушки-душеньки (из свадебной песни; кыз - девушка; кыз-лар-жан). 2. Когда слово вместе со словоизменяющим аффиксом воспринимается как одно целое, то к нему можно присоединить аффикс словообразования: *озб² шимчалик* - самоволие (оз - сам, б² ш - голова, разум, *-ча* - по), *атамлатынг улыны* (Фазыл, Р, Эргаш, К) - заставляйте его сына кричать «эй, мой отец», (т. е. убейте его отца), *б² ла² й² имлаб д² ллади* (Айдын) - мальчик закричал: «моя нога» (нога поломалась). 3. После окаменевших падежных окончаний можно присоединить словообразующий аффикс, так как падежное окончание тут потеряло свое свойство, слово в данной форме перешло в наречие. Например: *биргалик* (единство, бирга - вместе). Ср. *илгариги* - прежний (ил-гари-ги: элемент -

гари теперь стал словообразующим аффиксом, *-ги* - словообразующий аффикс им. прилагательного). 4. Словообразующий аффикс им. прилагательного *-ги* иногда присоединяется после показателя местного падежа: й² здаги - то, которое было летом (й² з - лето). Ср. й² зги - летний (между формами й² зги и й² здаги имеется смысловая разница). В первом случае форма *-даги* стала одним, словообразующим аффиксом. Ср. в Ташк. говоре: шкафда (в шкафу) - шкафдиги (та вещь, которая находится в шкафу). Нет формы *-даги*, а аффикс *-диги* происходит от неё: *-даги* > *диги* - влияние последнего гласного?). 5. Иногда, очень редко, встречается форма «да + р²к» (*-да* - показатель местного падежа, *-р²к* - формат сравнительной степени имени прилагательного): карв²н кишлокдан бир четдар²к дарй² бойига б²риб тушди - караван остановился на окраине деревни, на берегах реки (из перевода повести А. П. Чехова «Степь»), у йердан четдар²к - на окраине этого места (газета «Кызыл Узбекистан», 29.XII. 1950 г.). Этот считанный случай не характерен узбекскому языку. В таких случаях обычно употребляются формы *-р²к + да*, *р²к + ка* и т. п. Ср.: в узб. языке нет форм нари-га-р²к, чет-га-р²к и т. п. (нарир²кка - дальше, четр²кка - в сторону).

В расположении самих словообразующих аффиксов тоже существует определенный порядок. Например: ор²к-чи-лик: ор - жать косить, ор²к - серп, ор²кчи - жнец, косарь, ор²кчилик - положение жнеца. «косарство»; йув-ин-тир-м²к: йув - мыть, йувин - мыться, йувинтир - побудительная форма глагола йувин, йувинтирм²к - инфинитив. Этот порядок связан с грамматическими и смысловыми особенностями.

Несколько слов о месте аффикса *-ми*. Данный безударный аффикс (вернее: частица, внешне похожая на аффикс), который в древних памятниках и в староузбекском языке имеет форму *-му*, выражает вопрос. В современном узбекском языке он обычно присоединяется к слову после всех видов аффиксов: ор + ²к + чи-лар-имиз-га-ми? (ор - косить, ор²к - серп, ор²кчи - косарь, ор²кчилар - косари, ор²кчиларимиз - наши косари, ор²кчиларимизга - нашим косарям, ми? - ли?), йув-ин-тир-дин-лар-ми? (его вы заставили умыться?). Случай употребления данного элемента раньше других аффиксов (только словоизменяющих) связан с диалектальным различием. Например: дарйадайин ташармисэн? - разливаешься, как река (Пулкан, ГТ) - көрэр-мэнми, балам, сени? - удастся ли видеть мне, мой мальчик, тебя? (Фазыл, ШШ) - т²шасамми? (разливаешься?), корамамми? (увидю ли? Ташк. говор). В случаях, как б²р-иб-ми-ди? (он ходил туда?) - б²р-ув-ди-ми? (то же), ип-ми-ди? (это была нитка?) - ип-иди-ми? (то же), фактически нет нарушения обычного порядка, так как в первом случае элемент *-ми* относится к основному глаголу, а аффикс *-ди* - к недостаточному глаголу (б²рибмиди < б²рибми

эди, ипмиди < ипми эди), во втором случае элемент *-ми* относится к недостаточному глаголу (б^о рувдими < б^о риб эдими, ипидими < ип эдими? Видно, что сокращенная форма недостаточного глагола стоит после элемента *-ми*); Формы б^о рибмиди - б^о рувдими (или: ипмиди - ипидими) связаны с разницей в оттенке значения.

В узб. языке элемент вопроса *-ми* присоединяется к сказуемому (обычно и в стихотворной речи); в случае, где вопрос относится не к сказуемому, а к другому члену предложения, то это регулируется при помощи изменения порядка слов и логического ударения¹; показатель вопроса по прежнему будет в составе слова-сказуемого. В староузбекском языке в порядке слов и в расположении морфем в слове бывали случаи непоследовательности, двоякие употребления (сюда надо добавить внесение диалектальных черт). Это часто происходило в стихотворной речи, по требованию ритма и т.п.: нередки случаи, когда ломали, калечили слова по требованию аруза. (Аруз чужд узб. языку, он основывается на фонетической системе арабского языка, не соответствует фонетической системе узбекского языка). Приводим только такие примеры, которые имеют отношение к месторасположению элемента *-ми*: Бу ойунлар билэму бизни утгай? Ата олтургумчиму элни тутгай? Олукни барму тер ажунда а:кыл? (Кутб). В первых двух примерах элемент *-ми*, с точки зрения совр. узб. языка, присоединяется к словам утгай (выиграет) и тутгай (держит: управляет); в третьем примере он должен был бы присоединиться к слову *тер* (*те* – совр. *де*: сказать, говорить; барму тер-бар терму) с точки зрения не только совр. языка, но и староузбекского. Если в староузбекском языке в отдельных случаях старались присоединить элемент *-ми* к слову, выражающему центр вопроса, то в совр. узб. языке этот центр становится, выдвигается на первый план путем акцентирования, а элемент *-ми* присоединяется к сказуемому. Примеры: бу сөз йаманму турур? (Навои, СИ) – это слово плохо ли? (турур - связка); кэвсэри лэ”лингму айтай, йузингму шарх этай? (Хусайний: о губах твоих ли говорить, о лице ли писать?), йунэрни эсрэбан нетгумдир, а:хир? Алыб тупраккаму кетгумдур, а:хир? (Навои, ФШ) – Что я буду делать с искусством, профессией, сохраняя его у себя; в землю ли унесу с собой? (*земля* здесь в смысле *могила*). Бадаи тайур мисалыгаму охшатайын, жа:ми зулалгаму нисбэт кылайын? (Навои, М) – Сравнить с чистым вином, или с чашей чистой, сладкой воды?

¹ См. статью автора «Порядок слов в узбекском языке» (журнал «Шарк юлдузи», 1946, №3-4). Еще: «Ўзбек тилида ургу» (Ташкент, 1947, стр. 31), «Солда гап» (Ташкент, 1948, стр. 8).

Босишга рухсат этилиди 28.02.2005. Ҳажми 7 босма табок.
Бичими 60x84 1/16. Алади 200 нухса. Буюртма 114.
М.Улугбек номидаги Ўзбекистон Миллий Университети
босмахонасида чоп этилиди.

1332
W
2